
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Иванов
(г. Москва)

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР
(новелла)

Окончил Московское Суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году был направлен в Афганистан. В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку обстрела Верховного Совета, был снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооруженных Сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, освобожден через 4 месяца в результате спецоперации. Награды: Орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени; Медаль «За отвагу»; Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть»; Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград».

Председатель Союза писателей России.

1

Мы были Белкой, Арбалетом и Метелицей. Хотя я просил для себя позывной «Поэт».

— Только не это! Нет и еще раз нет! — вскинул руки к потолку штабной палатки командир. Дремавшая на проводе лампочка, получив по затылку, отскочила за центральный стояк и завилась вокруг него удавом. Опасаясь гнева хозяина, юркнуло в «буржуйку» и пламя, до этого зажигательным танцором бросавшее огненные ленты в приоткрытую дверцу. — Романтики, едрена вошь! Воевать надо, а не стихи складывать. У меня вас, поэтов, уже семеро по блок-постам, как по лавкам.

Сел на свою личную скамейку — коротенькую, на два ведра, неизвестно из какого подворья экспропрированную для военных нужд. Удав с выпуклым электрическим глазом начал разматываться в обратную сторону, высвечивая на стенах триколор России, флаги Луганской и Донецкой республик. Вытянулся из топки и острый ирокез танцора: тут все успокоилось? Крышкой по лбу не получу?

«Получиш-ш-шь, получиш-ш-шь», — зашипела на плите вода из погнутого чайника.

— «Я — поэт, зовусь я Цветик. От меня вам всем приветик», — процитировал командир строки из Незнайки. Но ему хорошо, у него позывной «Печенег» — красиво, непонятно, но гордо. А тут точно влепит какого-нибудь «Цветика»!

— Вон, за окном метет — будешь Метелицей.

Позывные вместо имен — повсеместный атрибут войны на Донбассе. Причем, с обеих сторон: никто до конца не верил в окончательную победу, а потому воюющие не себя оберегали, а возможные репрессии к родным и близким. Мстительна гражданская война, ох, коварна!

На плите шипело, подразумевая угощение, но делиться кипяточком Печенег не стал, кивнул на полог:

— Жди машину, поедешь на пятнадцатый блок-пост.

Не Чапаев! А чайку хотелось. Хотя бы «женатого» — с вторично использованным после Печенега пакетиком. И даже на «покойника» согласен — уже остывающего...

За палаткой текла своя жизнь.

— Взво-о-од! Правое плечо вперед!

Одна из самых несуразных команд в армии, кстати: чтобы повернуть строй налево, говорят про правое плечо. А именно слева самая желанная для любого солдата палатка — столовая, где меня перед встречей с командиром пытались откормить гречневой кашей с «белым медведем» — дрожащим куском вареного сала. Бррррр... Вот стоящую колом гречку и запить бы горячим чайком!

— Взво-о-од! Запе-вай!

— *Облака-а-а - белогривые лоша-адки-и-и...*

Блеск! Самая позорная строевая песня, которую заставляет петь командир своих подчиненных за какие-то провинности. Значит, даже «белого медведя» новобранцам видать не скоро.

— *Облака-а-а, что вы мчитесь без оглядки-и-и?*

На земле без оглядки куролесила моя прародительница — метель. Прячась от ее желания наместить вокруг моих ног сугробы, передвинулся за штабную палатку, прикрытую от обстрела связанными между собой автомобильными шинами. Там текла своя жизнь: пятеро ополченцев, выбрасывая вперед руки и приседая, упоенно перекрикивали лошадок и ветер:

— Жо-па, жо-па, жо-па!

— Повторяю для бестолковых, — ходил перед своей порцией провинившихся бородатый казак в папахе. — При ранении последовательность действий именно по «жо-пе»: Жгут, Обезболивающее, Перевязка, Автомобиль для эвакуации. И никак иначе!

— Жо-па, — подтвердила вприсядку группа.

Ничего не изменилось в армии со времен Петра Первого: вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата...

А ведь еще утром я рыбачил на русском берегу Северского Донца, торкая над лункой палочкой с привязанной веревкой. Так сказали друзья в Москве, указав точку на карте: рыбачишь и ждешь. Ровно в полдень с другой стороны появится такой же «рыбачок», махнет рукой. Осторожненько по льду к нему — и ты уже на войне.

Но на саму войну сразу не пускали. Сопровождающий, от холода и для конспирации укутанный шарфом по солнцезащитные очки, не ответив ни на один мой вопрос, привел в учебный центр. Здесь и шла сортировка добровольцев из России, нареченных «северным ветром». Кто вообще не служил — те вприсядку запоминали у казака одну из частей человеческого тела. Прошедших армию распределяли на второстепенные блок-посты, высвобождая бойцов для передовых траншей. Мои солдатские познания Печенега удовлетворили, раз не стал держать на сборном пункте.

— Кого везти на пятнадцатый? — послышался сиплый голос, тут же разорванный надрывным кашлем.

Меня искал шупленький, подстать собственному голоску, старик-возница с автоматом вместо кнута и рулоном рубероида на плече. Снаряженный в дорогу старенький БТР, присыпаемый снегом, дремал в колее. Головы на попутчика не повернул, и стараясь не будить «самодвижущийся металлолом» раньше времени, я влез в стылое чрево через боковую дверцу: да, люк «героя», да, не для мужественного сэлфи, но на войне желательно ездить подальше от водителя, которого при засадах подрывают или расстреливают первым...

— Взво-о-од! Бегом...

Даже по команде «бегом» надо сделать все наоборот: замереть, согнув руки в локтях и наклонившись вперед. Армия — она и впрямь очень смешная, если наблюдать за ней со стороны.

— ...Арш!

А вот теперь бегом.

Нам тоже, пусть и с рывка, словно отрывая примерзшие к насту сани, вперед.

Но-о, милая!

2

На «Пятнашке» шли похороны.

— Кого? — замер придавленный рулоном возница. Не согнуться в три погибели ему помогал автомат, которым, как посохом, старик опирался на землю.

— Ольга Сергеевна, — чуть отклонившись назад, шепотом пояснил оказавшийся рядом рыжий боец с родимым пятном на левой скуле. Если не бриться, оно и не видно было бы...

Окоченевшая на морозе Ольга Сергеевна лежала перед вырытой могилой на окровавленной плащ-палатке. Вспомнилось по прежней службе: кровь отмывается только холодной водой, горячая здесь не помощник...

— Короче, растяжка. Задела вчера, — прошептал боец и дернул плечом на минное поле перед водонапорной башней справа. Мины — это плохо. По солдатской классификации ПМН — «противопехотная мина нажимная» переводится не иначе, как «Принеси Мою Нogu», а для изысканных гурманов черного юмора — «Пораскинь Мозгами Невзначай». Все это и впрямь смешно, пока не касается тебя лично... — Ползла всю ночь. Но когда пробито легкое...

Стоявшая рядом женщина-толстوشечка зыркнула синими глазами — помолчите! Был бы в руках поварской черпак, точно стукнула бы по головам.

— Товсь! — скомандовал стоявший у изголовья Ольги Сергеевны капитан с летной планшеткой через плечо.

Вообще-то на боевых позициях с офицеров снимается любая атрибутика, выдающая в нем командира. Да и прощальные салюты отдаются при уже оформленной могилке, а не заранее...

— Огонь!

Щелчки курков. Без выстрелов. Режим тишины? Лишь зародился, буравчиком вонзаясь в сердце, чей-то тонкий надрывный вой. Так скрипочки ведут свое соло в оркестре...

В перерывах между беззвучными салютами капитан и простился первым с Ольгой Сергеевной, смахнув ей со лба напавший снежок. Направился к зарытому в землю металлическому кунгу с табличкой каракулями: «Собственник «Небо».

Летчик? Потому не знает сухопутных порядков?

По пути кивнул мне: заходи, попьем чайку с дороги, представишься. Чай — это единственно желаемое. На секунду лишь задержался у пожарного щита с белой надписью теми же каракулями: «Место для хранения ваших смартфонов», к которому гвоздями «сотка» были прибиты три мобильных телефона и планшет. Сурово тут со связью! Зато наглядно.

Укрыться в тепле с Чапаевым не успели: со стороны неубранного поля подсолнечника, оказавшегося нейтральной полосой, бежал боец. Сами подсолнухи, — черные от мороза, остекленевшие после недавнего ледяного дождя, напоминали немцев под Москвой, виденных на военных фотографиях.

Подбежавший разведчик вытащил из вязаной цветастой варежки записку на тетрадном листке. Пока командир разбирался в слабосильных карандашных строчках, скосил глаза на растущую могилу, к которой полз, скуля, собачонка.

— Не надо, Затвор, не надо, — пытался отпихнуть щенка боец с родимым пятном.

Но пес лез под лопаты, пытаясь отбросить кривыми лапками комья глины со слюдяными вкраплениями застывшего в них мороза. Там, под землей, словно в засыпанной угольной шахте, лежала его мамка — Ольга Сергеевна, жившая на «Пятнашке» с начала войны, родившая его под кроватью командира «Небо». Боролся с все увеличивающимся завалом, выл на одной ноте, умоляя людей помочь ему, но они, наоборот, оттягивали его от могилы, торопливо махая лопатами. Повариха вместо креста приспособила на холмик найденное среди кухонных дровишек перекрестие от выбитой оконной рамы. Интересно, а собаку можно отпевать по церковному чину? Тоже ведь живая душа...

Летчик разобрал, наконец, записку:

— «Верните Андрейку. Иначе вам хана. Клод Ван Дамм».

«Что за Андрейка?» — вывернул я голову. Сорока так выставляет вперед глаз, чтобы лучше видеть, а я — ухо в готовности расслышать ответ: хотелось быстрее освоить специфику донбасской войны.

— Наркоша с той стороны. Младший брат командира. Наглотеется «колес» и шарается по подсолнечнику. Где он сейчас? — спросил командир у разведчика.

— Бросился то ли обниматься, то ли врукопашную. Но упал, да еще челюстью прямо на собственную коленку, — поведал тот, посмотрев почему-то на свой увеличенный варежкой кулак.

— Андрейку перевязать и вернуть, он единственный порядочный среди этого зычя. «Белка», а ты больше туда ни ногой. Понял? Зэки на той стороне, — пояснил мне и увел, наконец, в кунг для более детального знакомства под долгожданное чаепитие.

3

Плохо зимой на войне. Стыло и неповоротливо. Время тягучее, без роду и племени, никому не подчиняющееся и уставшее от самого себя. Одна отрада, что противника жмет тот же мороз и засыпает тот же снег. Молить погоду о снисхождении бесполезно, ей каждого слушать — с ума сойдешь выбирать главного на земле, потому она глуха, слепа, никому ничего не должна. Может, где-то в южных городах женские каблучки уже и выстукивали весну, но в нашем секторе обстрела мела поземка.

Мы с Затвором греем и развлекаем друг друга. Щенку то ли понравились не виданные им за свою короткую жизнь куриные окорочка, забытые мной на дне рюкзака и скормленные ему на поминальном обеде, то ли сумел отметить, что я единственный, кто не причастен к похоронам его мамки, — не отходит ни на шаг.

Выделенным капитаном куском рубероида заделал щели в окопе, и ветер-калмык теперь лишь воет над головой, да сечет пургой высунувшийся за бруствер длинный

нос «Утеса». Ножки пулемета привалены мешками с песком, чтобы не прыгал лягушкой при стрельбе. Траншея изгибается в зависимости от корней деревьев, земля окопа морщинистая, седая от снежка.

Плохо на войне и от бездействия. Прямого противостояния нет, лишь время от времени зычье пытается по-жабьи прыгнуть вперед, отвоевая кусочки территорий. Но на каждый такой прыжок есть свой «Утес» с 750 выстрелами в минуту, способными перемалывать «жаб» вместе с укрытием в труху.

Рукопашных нет тем более, подсолнуховые рейды Андрейки не в счет. Война сосредоточилась на обмене артиллерийскими выстрелами: ты мне, я — тебе. Затем перерыв на обед. Вместо компота три снаряда сюда, тройная «ответка» — туда. Пехоте радость: пустые ящики из-под снарядов — это и шкафчики, и стол, и растопка для «буржуйки», и лежаки.

Не спит только «Небо».

— Проиграет тот, кто расслабится первым! — науськивает он перед каждым дежурством.— Мы здесь поставлены причинять добро и наносить пользу.

Формулировка придумана для международных наблюдателей ОБСЕ, призванных фиксировать обстрелы мирных домов. Прекрасное знание русского, а не украинского языка косвенно указывало их принадлежность к трем-пяти разведкам мира, но подобный ответ одного из ополченцев чуть не свел с ума этих «миротворцев», попытавшихся понять русскую логику.

Сам «Небо» мужик не вредный, отлетавший на «вертушках» треть жизни и списанный в отставку Киевом из-за нехватки в армии вертолетов.— Ваше бессмертие находится у каждого из вас в районе копчика. Его слушайте.

Копчику хочется тепла и уюта, но кресло, притащенное в наш узкий, словно балкончик, окоп, само промерзло минимум до майских праздников, и приходится отстывать смену на ногах, подставив под них пустой ящик из-под патронов. В Чечне за подобные удобства, расслабляющие часовых, взгрели бы по первое число, ибо хуже либерального командира на войне только вшивый повар, но «Небо» умеет находить золотую середину между порядком и человеческим отношением к окопникам.

Позиционная война и убаюкивает, тащит в воспоминания.

*Лавочки парочки
Заняли с вечера.
Парню без девочки
Делать здесь нечего...*

Стишки. Стишата. Рифмы в столбик. Внукам для гордости, что дед — поэт. При этом настоящий поэт Николай Дмитриев говорил, что кроме отчества мы должны оставить своим детям еще и Отечество.

Затвор вскидывает голову. Вороны с голубями, как по расписанию, прилетели на обед? Парадокс времени: птицы мира на Донбассе есть, а самого мира нет. А вот орлы, говорят, лет десять после войны не селятся на тех местах, где шли бои. Но у них есть выбор. У людей — нет!

По траншее, стирая плечами изморозь с траншейных щек, протискивается Арбалет. Родимое пятно прикрылось трехдневной щетиной, а вот глаза блестят. Торжествует, издали протягивая термос:

— Наконец-то и у нас в России кто-то умный отыскался.

Мы и впрямь иронично усмехаемся, когда сердобольные земляки вместо свитеров присылают с «гуманитаркой» белые рубашки с коротким рукавом. Белка, прыгающий ныне по подсолнечнику, лишь однажды нашел в пакетах цветные женские варежки. Похихикал, но не отдал их даже поварихе Маше.

Арбалет отвинтил крышку. Вырвавшийся из разгоряченной, тесной колбы кипятка в охотку расправил плечи, но тут же присел, скукожился на обжигающем холоде. Обрадовался моим ладоням, обнявшим крышку, заластился над ними оскудевшим парком. Только какое от моих посиневших пальцев тепло, они сами последнее отберут.

— Нету? — Арбалет порыскал взглядом по нейтралке. «Немцы», боясь надломиться в своих стеклянных скафандрах, не шевелились. А должны были: Белке заступать на пост через пять минут. Скорее всего, Арбалет не ради чая явился, а прикрыть друга.

— Куда ходит-то?

— Тебе адрес с номером квартиры? — Арбалет почесал рыжую щетину. Добавил мне кипяточку — только молчи. Белка никогда прежде не опаздывал из самоволки. Только вот с такой регулярностью, да по одному и тому же маршруту в разведку не ходят. Даже «Небо» в небе вряд ли летал по одной и той же траектории.

Калмык лениво подметал наст перед траншеей, нерадивой хозяйкой загоняя припорхнувший снежок в углы. Берет пример с дорожников, у которых весной приходит дедушка Апрель и сам убирает сугробы?

Но сначала пусть прискачет Белка.

Арбалет долго вглядывался, как секундная стрелка не хуже реальной белки прыгает с деления на деление. По тому, как вздохнул, стало ясно: 12 часов пополудни. Смена. Пусто. Пора становиться на хвост.

— Не лезь! — отпихнул Арбалет подсунувшегося под руку Затвора. Вчера грустно признался, поглаживая подушечками пальцев лоб щенку: а ведь это он мины устанавливал, на которых подорвалась Ольга Сергеевна. Там есть один зигзаг, который он оставил на случай собственного прохода, но откуда его было знать собаке...

Под прикрытием щенка еще раз глянул на часы. Но что изменится за пятнадцать секунд? Закурил, отпил из термоса, но помечтал о другом:

— Короче, сейчас бы молочка с булочкой да на печку с дурочкой.

Скорее всего, он соотнес присказку с Белкой, где-то заплутавшего в тылу врага. Это Россия всегда славилась своими блудилищами — тайными лабиринтами под домами, по которым купцам-помещикам можно было уйти в случае, если крепостные начинали бузу и жгли усадьбы. Так и звали: терраса — гульбище, тайные ходы — блудилище. А где в шахтерском крае среди подсолнечника-то заплутать?

— Та-ак, командир к нам нежданчиком.

По-футбольному чеканя коленками сдвинутую вперед планшетку, к нам шел «Небо». У последнего изгиба траншеи углядел забытую на бруствере, наполненную снегом сковородку. С ней, как с чугунной булавой, надвинулся на нас, пытающихся не хуже щенка втиснуться в щели.

— Курим и ждем, когда вас меньше станет? Что в одно ухо влетает, в другое вылетает?

— Пуля снайпера,— Арбалет моментально обул голову в каску.

— Я вижу, мои приказы тоже. Белка отдыхает?

Затвор утвердительно гавкнул. «Небо» прилег рядом с пулеметом, поверх припорошенного ствола осмотрел нейтралку. На застывшем за его спиной автомате удобно устроился и надетый на шомпол дверной ключик. Дом командира в самом начале войны накрыло «градом», и это все, что осталось у него от прежней жизни.

Ключик дремал не долго, качнулся:

— Не слышу ответа.

Затвор вновь попытался защитить нас, но я зажал собачий нос: если хочешь, чтобы хвост не прищемили, то не дразни начальство. Часы перед глазами давали уже

минус двенадцать минут отсутствия Белки. Но если что, я готов простоять дополнительную смену. «Я тоже могу раньше своей выйти»,— сделал невинной рыжую мордашу Арбалет. Нас, добровольцев из России, на блок-посту как раз троица, «Небо» и свел нас в одном окопе, чтобы держались вместе. Мы и держимся.

Да только что наши молчаливые уверения ключику на шомполе. Замер подозрительно.

— На осинке не растут апельсинки,— вдруг пропел капитан, на последней ноте двинув локтем под дых «Утесу». Пулемет, несмотря на приваленные к ножкам мешки, подпрыгнул, и длинная, идеально ровная снежная грядка на заливке ствола рассыпалась.— Я ведь приказал ему туда больше не соваться. Или командира уже ни в грош, ни в полушку?

Больше всего об исчезнувшем сменщике знал, конечно, Арбалет, они почти год вместе воюют. Но водит глазами по стылтому небу, рисует восьмой цвет в радуге. Командир безошибочно поворачивается к нему, лихо заламывает каску набекрень покруче берет. ВДВ! «Никто, кроме нас!» Только сделал это, чтобы схватить Арбалета за ухо как распоследнего разгильдяя из стройбата:

— Что, за смертью без очереди хотите пролезть? Где?

— К сыну пошел,— ляпнул несусветную чушь Арбалет и дернулся, освобождаясь от боли. Слетевшая каска завалила термос с недопитым чаем. Перепугавшийся Затвор, сиюминутно зацепившись ногтями за мерзлые стенки и крышку термоса, сполз на дно траншеи и по-дедальски мудро замер, поджав хвост. Не удержавшаяся на бруствере крышка термоса наделась ему на голову каской, но, в отличие от Арбалета, он смахнул ее лапой.

*...Парню без девочки
Делать здесь нечего.
Делать здесь нечего
В каждой аллее.
Холодком этим встреченный —
Ушел побыстрее.*

— Возрастаешь в землю тут! — указал мне свободной рукой «Небо» место для будущего памятника погибшим, но не сдавшим «Пятнашку» ополченцам — где-то рядом с Затвором и крышкой из-под термоса.— Готовность номер один. А ты за мной,— выпустил, наконец, на волю красное ухо Арбалета.

Погнал коленями планшетку обратно в штаб.

— Гав,— подпрыгнул Затвор, стараясь вернуться на бруствер.

На бруствере опасно, друг милый. Иди на руки. Где-то там еще и крышка затерялась, но ей ценность без чая нулевая. Лучше продуем налетевший на пулеметную ленту снежок. Переукрепим пулеметные ножки. Смотри, Затворище, они такие же, как у тебя — в раскоряку. Но от них-то как раз и зависит устойчивость и кучность стрельбы, друг мой. Ты если чего не знаешь, спрашивай. Вот снег, например, со ствола испаряется только во время стрельбы. А «немцы» не шевелятся. Хорошо это или плохо? Бушлат уже не греет, опять холодок по спине. Где индивидуальный пакет!? Куда денется, если привязан к прикладу бледно-розовым жгутом. И не забывать уроки казака: сначала жгут, потом обезболивающее, потом только перевязка... Авто нет, какое может быть авто, друг сердечный. Чего дрожишь? Нам нельзя падать раньше выстрела. Дай Бог, возница хоть и чахленький БТР, но подгонит. Да и командир должен понимать: если с Белкой и впрямь что-то случилось, нас одних в окопе оставлять нельзя. Мы здесь на направлении главного удара, потому как «северный

ветер». Печенег сказал — надежный по силе и направлению. Так что врага пропустить нельзя. Но и помирать, честно говоря, желания никакого. Подождут памятники?

— Гав,— согласился Затвор, лизнув меня в нос.

Тогда к бою!

4

— Я устала лепить тебя из воздуха.

— Но ты же видишь, как я кручусь!

— Крутись дальше. Но — без меня!

Сказала без надрыва, заламывания рук в тайной надежде, что начну отговаривать. Как вообще терпела меня рядом? Или потому, что водились деньги?

Догадка показалась гнусенькой, недостойной Леры и наших с ней отношений, и я усмехнулся пришедшей на ум глупости. На деле же получилось, что ухмылка досталась как бы самой Лере на ее слова. С облегчением, теперь уже полностью оправдывая себя, она встала из-за любимого углового столика любимого арт-кафе «Бардак» на Маросейке и подняла бокал. Но не мне на прощание, а навстречу толпящимся у барной стойки друзьям: я снова с вами!

Вы уходили, но вы обернулись.

Где же судьбою мы разминулись?

Где не совпало наше дыханье...

Сочиняю. Не обернулась. Зато у стойки заговорили обо мне в третьем лице, демонстративно вычеркнув из времени и пространства:

— Как всякий мент, он имел склонность и слабость ничего не делать.

Я сжал рюмку, но признал: в чем-то они правы. Десять лет топтаться на станции метро «Кропоткинская» — работа и впрямь вроде не мужская. Но это если не знать, что на самом деле держишь под контролем подступы к Храму Христа Спасителя, сортируя лица обитателей подземки на предмет выявления террористов. Самый большой наплыв пассажиров случился в дни, когда привезли с Афона для поклонения Пояс Богородицы. Тогда Лера и подошла ко мне с просьбой помочь ей с друзьями сократить двадцатичасовую очередь. Красота и стать девушки сразили, а полномочий хватило продвинуть новых знакомых всего за 4 часа.

— В «Бардаке» быть героем легче, чем в окопах.

Водки в рюмке на два глотка. Четное число — поминальное. Но про окопы тоже почти правда. Новые знакомцы только что вернулись из Киева со стойким убеждением, что на Донбассе с доверчивой красавицей Украиной не зная сна, еды и отдыха воюют исключительно все до одного спецназовца Главного разведуправления России вкупе с чеченцами, бурятами, псковскими десантниками, водолазами Северного флота, амурскими тиграми, белыми медведями с Новой Земли, а по выходным едва ли не сам Путин обстреливает мирную украинскую армию. Я же, намекая на причину нашего знакомства, назвал Донбасс Поясом Богородицы, защищающим Крым и Россию от стрел на картах, рисуемых в Брюсселе и Вашингтоне. И что имеющие совесть вообще-то должны ехать на Донбасс, а не на киевский майдан.

Водка вошла все же в один глоток. Повторяя Леру, поднял пустую рюмку бывшим знакомцам: а я без вас. Я с Поясом Богородицы, который самому так и не удалось увидеть в Храме: как раз за использование служебного положения в личных целях, а по сути помощь Лере, был переведен на самую отдаленную от центра, открытую, продуваемую всеми ветрами, бестолковую, тесную станцию «Выхино».

Как легко меняется судьба, когда сам в этом участвуешь!

Затвор вскинул нос. Вернувшийся Арбалет потянулся к термосу, по весу определил в нем количество чая в ноль целых хрен десятых. Не жалея копчик, опустился в кресло. Пересадил каску с головы на колено, хлопнул по ней, как друга по плечу.

— Короче, получил по полной.

— Про какого сына ты ляпнул?

— Почему ляпнул... Пацан у него там, на той стороне.

Посчитал ответ исчерпывающим, но молчать было тягостно, и он продолжил:

— Короче, Серега жил здесь до войны. Накануне майдана развелся и уехал к себе на Урал. Как тут все началось, вернулся. Ходил на свиданки.

Ну вот. А я думал и впрямь — герой-разведчик, оберегает нейтральную полосу.

— Я сметаюсь за ним,— Арбалет хлопнул «друга» теперь уже по башке. Повторя командира, навалился на бруствер, взгляделся в подсолнечник.

— «Небо» в курсе?

— Если только ты скажешь.

Не скажу. Но лезть головой в петлю...

— Короче. Серега мне кровь перелил после ранения,— он дернул плечом, посчитав данный аргумент для принятия любых решений и потому не подлежащим обсуждению.— А дорогу я знаю. Однажды вместе ходили. Так что постоишь еще одну смену и за меня.

Я, оказывается, мало чего знаю об обитателях «Пятнашки». Точнее, совсем ничего. Две недели пребывания на блок-посту — не срок. Срок — это когда переливают кровь и называют друг друга по имени вместо позывного...

Под немигающим взглядом Затвора Арбалет переоделся «в снег» — извлеченный из пустого патронного ящика-подставки маскхалат. Подергал контуженным плечом. Чует проблемы вместо копчика? Хорошо, что плечо левое,— на правом, никого не пуская, хозяйничает автомат, для маскировки перебинтованный по самую мушку.

— Я бы все же... Не к теще на блины...

Запнулся. Белка как раз к теще и ушел. Но что-то же должно остановить Максима!

Арбалет — Максим. Родом из небольшого городка Карачев, пустившем корни между Орлом и Брянском. Убеждает, что именно в тех местах Илья Муромец по пути в Киев сразился с Соловьем Разбойником. На том месте даже планировали памятник поставить. И не Богатырю, естественно, а Соловью. Это ныне такое поветрие — стесняться говорить о главном. В Воронеже изваяли Белого Бима с Черным Ухом, а не Гавриила Тропольского, эту собачью историю написавшего. Так что не стоит обольщаться насчет памятника и здесь. Если и поставят, то не ополченцам. И даже не Затвору. В лучшем случае водрузят на постамент пулемет с завязанным в узел стволом. Гуманно, символично, только вот мудрые китайцы учат, что последней войны не бывает.

Пока идеально ровный, готовый к бою заиндевелый ствол «Утеса» прикрывал Максима, по-пластунски уютжившего наст. Несмотря на комплекцию, у него горбатится только «мародерка» — карман на спине, в который я сунул две из трех выделенных мне гранат. Оказывается, это достаточно — отдавать боеприпасы перед боем другому. Влип, конечно. Себе-то можно в этом признаться. Из Чечни выполз словно в игольное ушко, казалось бы, хватит испытывать судьбу, но подвернулась Лера... Только бы все обошлось, потому что через недельку все равно надо возвращаться в Москву. Сдавал резюме в службу безопасности Госзнака: охранять чужие денежки, раз своих нет. Вдруг там что-то прояснилось, а меня найти не могут...

Арбалет тем временем растворился среди «немцев», и щенок обеспокоенно поглядывал на меня: а ты не исчезнешь? Не исчезну. Мне еще надо приехать в любимый

Лерой «Бардак» и завершить вечеринку. Можно в камуфляже. Зайти, заказать порцию водки. И подарить ей розу. Железную. Белка обещал дать адресок в Донецке, где какой-то кузнец выковывает их из осколков снарядов, падающих на город. На самых крупных укрытиях пишут «Все лучшее — детям». Где моя артиллерия?

Оставшаяся в единственном числе «лимонка» лежала бедной родственницей на бруствере. Давай-ка, катись поближе, голуба. Да ложись в сковородку, чтобы не затерялась — не зря же ее командир от снега очищал. И какая же ты удобная для ладони. Bravo конструктору. Как пасхальное яичко. А Пасха в этом году ранняя, апрельская. Под нее — уже крайний срок, нужно вернуться в Москву. Родителям сказал, что поехал охранять сочинские олимпийские объекты. Именно до Пасхи. Тогда казалось, что она далеко. А у «немцев» тишина. Гнетущая. Каска лезет на глаза, от ее тяжести отваливается башка, но на войне, чтобы не протянуть ноги, берегут именно голову. А она советует заранее загнать патрон в патронник.

— Гав,— сообщил Затвор о новом госте.

Картошкой-синеглазкой, а по сути, бильярдным шаром, постучав круглыми боками по бортам траншеи, вкатилась в лузу моего окопа Маша.

— Где он?

Симпатия повара на блок-постах высчитывается по упитанности того или иного бойца. Через Максима перепадало с кухни и нам, даже Затвор, несмотря на грозный вид Маши, завилал хвостом.

— Где?

Припала к брустверу. Несмотря на сопротивление, напялил ей оставленную Максимом каску. Росточка поварах не хватило даже с ней, приподнялась на цыпочки оглядеть подсолнечник. Стоит, милый. Никуда не делся. Делись ребята...

— Дураки вы, мужики. Какие же дураки!

Неправда ее. Мы еще хуже. Отец, готовясь к походу за продуктами, всегда вздыхал: нас на рынок ведут как баранов, назад возвращаемся груженными ишаками.

Маша вжалась в мерзлую землю с желанием сидеть в лунке до возвращения Максима. Но и меня по голове не погладят за посторонних на посту. А главное, одного себя защищать легче, чем кого-то еще, к тому же бестолкового, как не окученная картошка.

— «Небо» будет первым знать обо всем,— пошел на обман.

Повар, словно в фильме при обратной перематке, выкатилась из лузы, принялась биться о те же траншейные борта на изгибах. Затвор вновь заглянул мне в глаза: у нас все в порядке?

— Домой! — махнул ему, указывая на повараху.— Домой, фу! Пошел.

Щенок для очистки совести потоптался на месте будущего памятника, но в итоге, не гавкнув даже «спасибо», заячьими прыжками пустился догонять попутчика с исходящими от ее бушлата и рук вкусными запахами.

Через мгновение он уже несся обратно, боясь попасть под ноги разбегающихся по траншее бойцов: капитан поднял «Пятнашку» по тревоге — причинять добро и наносить пользу.

5

— Сироты мы сироты. Только я без отца и матери, а вы без мозгов и совести.

«Небо» рыскает окулярами бинокля по нейтралке. Белки и Арбалета нет даже в семикратном увеличении, потому все вдвухается лишь в мои уши. Терплю за троих.

— Вернутся — самолично расстреляю! — передал им будущую кару летчик и погнал планшетку дальше по траншее, утыканной касками бойцов.

А меня осенило: зря он прибывал мобильники на пожарный щит. По крайней мере, по геолокации телефона можно было бы установить место нахождения Максима. Хотя нет, не факт. Выкупившая у нас в районе бывшие колхозные поля фирма «Мираторг» вживила завезенным австралийским коровам чипы в уши, чтобы оператор мог по компьютеру отслеживать буренок на пастбище. Заприметили, что одна с самого утра топчется на одном месте. Послали пастуха проверить, а у того лошадь на дыбы: лежит в травушке-муравушке отрубленная коровья голова с чипом в ухе, а самой австралийки-то и нет. Уволокли давным-давно цыгане тушку через ограждение...

Дергаю головой: не те истории вспоминаются. У ребят ничего не должно случиться. Хотя уже темнеет. Перевалить, перепозти через ночь! Хоть по-пластунски, хоть строевым по плацу вместе с белогривыми лошадами.

Под бушлат,— ну сколько можно, вновь просочился холод, и пришлось плечами разгонять стадо мурашек, бизонами топчущихся по позвоночнику. От стылости, конечно, лучше всего спасает горячая еда, но перед боем только идиот побежит к повару, даже если это синеглазая Машенька: солдату лучше, если при возможном ранении в живот тот будет пуст. Войной дирижирует физиология. Хотя, если не кашу, то чайку с лимончиком глотнуть не помешало бы. Как-никак, а пять часов на ногах. Уже пять. А когда-то двенадцать минут казались вечностью. Лере не прижиться в таких условиях, ей, неумной, через каждые полчаса требовалось куда-то бежать. Плохо, что стихи не пишутся. Даже про нее. Отдельные строчки, как проталинки, еще отогреваются от мороза, но весеннего полноводья нет. Или года к суровой прозе клонят?

А с ребятами, конечно, беда. Странно лишь, что ни выстрелов, ни взрывов не прозвучало. Оправдание одно: мужики заприметили у укров что-то важное и высматривают, не выдавая себя.

...Я высмотрел Арбалета часа через два, когда совсем стемнело и пошел снежок. Монокль ночного видения, разжижающий темноту до бледного лунного пейзажа, ухватил некое шевеление у водонапорной башни. Пять-семь белых всплесков оторвались от немецкой шеренги подсолнечника и мелкой зыбью лизнули наст минного поля. Показалось или все же диверсионная группа? Но они что, не знают о минах? На что надеются?

Надеялись на Арбалета!

Его вытолкали вперед, сбили с ног, но он с усилием встал снова. На груди по всему маскхалату шли темные пятна — при зеленом искажении света это могла быть только кровь. Максим же, словно надеясь, что мы видим его, сделал легкий успокоительный жест рукой.левой. Когда-то прострелянной. Сейчас безжизненно свисала правая, которой удобно было выхватывать гранаты из «мародерки». Промчалось, никуда не девшись, стадо бизонов, впившись острыми копытцами между лопаток: а если бы не увидел разведку? Если бы Арбалет не встал? А не сдрейфи я сам и не рыскай во все глаза в поисках опасности — и поминай как звали?

На войне не бойся бояться!

— Сюда! Сюда! — позвал я громким шепотом в обе стороны хоть кого-нибудь. Прибор ночного видения только у меня, потому что я главная, выдвинутая вперед, огневая сила.

Подскочил сам «Небо», без усталости гоняющий планшетку по изрезанному траншеями футбольному полю. Вместо того, чтобы выхватить из кармашка судейский свисток, выудил собственный монокль, что мгновенно превратило его из футболиста в театрального зрителя, поглощенного разворачивающимся на сцене действием.

— Он повел их на минное поле! — примерил капитан на себя еще и роль комментатора. И? Что дальше? Почему замолчал? Я бы первым выгнал его из окопной

радиостудии, потому что слушателю важнее следить за происходящим событием, чем вслушиваться в тишину.

Не надеясь больше на репортаж, припал к своему окуляру. Резкость упала, усиливающийся снежок заретушировал картинку, но позволил рассмотреть, как к ногам Арбалета снежные хомяки-суслики привязывали веревку. И едва Максим вновь попытался встать, ее дернули, заставив пленника воткнуться лицом в снег. Хотят проползти по безопасному зигзагу, который знает только проводник?

— Сидишь тут,— приказал летчик мне и рванулся на правый фланг, к тайному проходу в минном поле. За ним вслед, виляя хвостиком, заскользила по траншее солдатская ниточка, нанизывая на себя бусинки-каска.

Не доверяет? Я своим «Утесом» перемолочу этих сусликов в труху. И до лампочки, жрали они кашу перед этим или только о чае с лимоном думали. Одни шнурки из снега торчат будут.

Но Максим, Максим! Как же попался? Ведь не Белка же сдал, не выдержав пыток! Лично я не хочу пыток! Потому гранаты надо носить не на спине, а...

Перепугал до смерти, ткнувшись в ноги, Затвор. Получив пинка, заскулил: ты что, не знаешь, как страшно потеряться, остаться одному во всей этой суматохе? Знаю, дружище. Но там Арбалет ползет зигзагом. Вместе с врагом, который перестреляет нас, как собак. Извини за сравнение, но тебя тоже вряд ли пощадят. Но если хочешь на бруствер, то поднимайся быстрее. А то ведь зыбь не замирает, движется еле уловимым перекатом, плотно сливаясь с усиливающимся снегопадом. Даже мне глаза не гарантируют, какой бугорок закрепился за Максом. А вдруг там еще и Белка? Или жена его? И что делать капитану в этой ситуации? Даст команду на открытие огня? По своим? Нет большей подлости на войне, чем укрываться живым щитом. Мечта уголовников. Чем потом гордиться будут? Как и какую историю изучать? Кто войдет в герои украинских книг? Интересно, а Андрейка-наркоша среди наступающих? Или командир родственничков бережет?

Вдавился в резиновый ободок монокла, приближая минное поле. И зря настраивал резкость: в ту же секунду в глаз, в самый его зрачок полоснул огонь, заставив отпрянуть от окуляра. Боясь отстать от вспышки, оказаться второстепенным, третьесортным, вернулся улетевший было в небо грохот разрыва, за ним братом-близнецом — второй. Кто? Только не Арбалет! Потому что если подрыв, то он — не предатель. Он не пополз зигзагом! Он завел зычье на минное поле.

Вернул себя в зеленую Луну, торопливо отыскал два дымящихся кратера. От их рваных краев отползали раненые инопланетяне, и когда подумал, что самое безопасное место для них — это как раз воронка, а не чистое поле, под одним из лунатиков прогремел третий взрыв.

Зашелся лаем Затвор, мешая угадывать Максима. Получил в бок, но не отстал, перешел на визг. Вторя ему, у водонапорной башни залилась непрерывным лаем стрельба. Все же прорыв. Опасность там!

Рванул пулемет бежать на подмогу. «Утес» с неохотой, цепляясь ножками за мешки, но поддался, однако в тот же миг оцепенел я сам: прямо на нас с Затвором из темноты метели неслись, легко преодолев под отвлекающий маневр на минном поле уже половину нейтралки, нацики. Бежали молча, до последнего стремясь не привлекать внимания — белые от маскхалатов, пушистые от снега при молчаливой поддержке черных фашистов. И эта их психическая атака, их жабий прыжок, их близость парализовали мою волю, оставив лишь возможность смотреть на свою скорую черно-белую пушистую смерть.

Сорвав на первой же ноте голос, зашелся сиплым лаем перед нашей общей с ним гибелью Затвор, родившийся на войне и потому самый опытный и преданный боец

«Пятнашки». Дернул зубами за локоть — делай же что-нибудь, у меня ведь нет рук, как у тебя, чтобы стрелять! Благо патрон, поставленный первым погибнуть, сгореть в адском пламени порохового заряда, готов потянуть за собой в бой всю ленту. Мне оставалась лишь самая малость — нажать на гашетку.

С усилием, но нажал. И, почувствовав отдачу в пальцах, очнулся. И косил врага непрерывной очередью так долго, что задымился, как в бане от жара, заиндевевший ствол «Утеса». Не выдержав суматошной тряски, вырвались из-под приваленных мешков его ножки циркулем.

Но слишком близко подбежали нацики, мне не хватало секунд перезарядить ленту и собрать их под одну пулеметную очередь. Схватил со сковородки и бросил перед собой ладное «пасхальное яичко». С Пасхой, православные, да только неверные! Думаете, рано? А вдруг я вас больше не увижу?!

6

За ранеными сквозь снегопад чихающий от дешевого топлива «бэтр» пробился лишь к утру. Еще более надрывно кашляющий возница нес на плече моток проволоки: бойцы давно предлагали взять электричество со столбов, проходящих невдалеке.

Самого капитана вывели из штабного кунга как невесту — под руки. Лишенный при развале Союза возможности летать, «Небо» получил теперь автоматную очередь и по ногам — чтобы еще и не ходить? И книжек читать не надо, в одном человеке вместились целая эпоха. Более всего командир жалеет, что в суматохе боя соскочил с шомпола и потерялся ключик от дома. Попытались всей «Пятнашкой» просеивать сквозь пальцы снег в траншее, да только на осинке не растут апельсинки, как приготавливает сам капитан. Остается надежда лишь на дедушку Апрель, который растопит снега. Хотя он, конечно,— юноша, ошиблись с метриками дорожники...

В список на отправку внесена и моя фамилия. Плечо, хотя и задетое пулей по касательной, не давало уснуть всю ночь, и преодолевать ее помогал Затвор. Засыпал он, конечно, по-детски бесчисленное количество раз, но вскидывался по-солдатски мгновенно, едва я делал неосторожное движение.

Маша крутилась над носилками с Арбалетом. «Принести ногу» ему при подрыве оказалось некому, и вместо жгута он перетянул остатки ступни оторванным от маскхалата рукавом. Потерявшего сознание, замерзающего, его под прикрытием лавины огня всей «Пятнашки» вытащил по зигзагу капитан, на последних метрах сам схватив автоматную очередь. Мой «Утес» прикрыл бы его более надежно, но «Небо», летчик «Небо» просчитывал возможный прорыв по земле в моем секторе и не тронул меня с места. Поберег «Пятнашку», а сам пополз под свинцовый дождь с дырявым зонтиком. Все же знатно учили в советских военных училищах будущих офицеров.

Про Белку Максим ничего не знает. Может случиться и так, что его исчезновение останется тайной на веки вечные. Война это допускает — пропадающих без вести. Страшно представить, что могло случиться с нашим попавшим в плен уральцем. Если жив — сил тебе выстоять в застенках мирной красавицы Украины. Самого Макса сдал веселый беззаботный Андрейка, поведавший «Клод Ван Дамму» о своих встречах в подсолнухах. Не желая судьбы Белки, предложил провести разведгруппу через минное поле...

Кроме мотка проволоки, возница привез трех сменщиков. В новом командире по точечкам въевшейся в лицо угольной пыли угадывался бывший шахтер. Сменив одного из «свадебных» пажей, он сам повел, как к ЗАГСу, капитана «Небо» к бронетранспортеру, выпытывая на ходу условия службы. Два новых, озирающихся по сторонам, бойца топтались на месте, обнюхиваемые Затвором и поземкой. Возможно,

они были как раз из тех разгильдяев, кто тренировался в лагере у Печенега: бурятские кавалерийские водолазы спецназа ГРУ Космических войск Российской армии. Но даже этого звания им недостаточно, чтобы заменить нашу троицу у «Утеса». Тяжеловато придется мужикам без нас, как ни крути.

— Быстрее, чтобы по колее обратно пробиться, — прокричал и для провожающих, и для отъезжающих возница. Главный на войне не командир, а тот, кто привозит вести.

— Пять минуток! — гражданским голосом попробовал взять руководство блокпостом в свои руки шахтер, уговаривая двигаться быстрее. Не Чапаев и даже не «Небо». Кого определит в расчет на направление главного удара?

Я оглянулся на лагерь. Провожающих почти нет, все на постах или отсыпается после смены. Метель притулила самодельный крест на могиле Ольги Сергеевны, и через эту разорванную взрывом раму рассмотрел заметаемые на нейтральной полосе бугорки-трупы. Окошки на войне одинаковы для всех и открываются в обе стороны: с чем заглянул в него, то отражение и получишь. С моей солдатской точки зрения яичницу из сковородки я приготовил для «жаб» отменную. Наелись досыта. Потому как не надо заглядывать к повару в кухню, если он не просил об этом! Трупы на вес золота, ими можно будет поторговаться за Белку. Война — не только физиология, она еще и игра, торговля...

Оберегая руку, ташу свой рюкзак к БТР волоком. Что не успел, так это расспросить Белку про донецкого кузнеца с его розами из осколков. Только зачем это теперь мне: я ничего не собираюсь доказывать ни Лере, ни ее друзьям. И в «Бардак» не пойду. И дел-то в Москве у меня с гулькин нос — побывать для очистки совести в Госзнаке, чтобы получить почти гарантированный отказ, да съездить к родителям. Хотя с таким плечом показываться нежелательно, на сочинских курортах руку можно сломать или вывихнуть, но не подстрелить.

Ветер-калмык сек лица, от нейтральной полосы веяло предгрозовым затишьем. Время поторапливали двое — Шахтер и возница. Может, еще и «Небо» с «Арбалетом» мечтали побыстрее попасть под опеку врачей. Мне полегче, касательная заживет, как на Затворе. Он и провожает меня до брони. Чужа скорое расставание, запросился на руки. Вскарбкался по живой, как матросик по канату, лизнул в лицо: ты ведь еще вернешься? Как мне одному без вас, которые пришли с северным ветром, а теперь исчезаете один за другим? Обхватил меня кривыми лапками: стрелять ими не умею, а признаться в любви могу. Но даже такой слабой ласковой силы хватило, чтобы причинить боль плечу, и подавляю стон, боясь напугать малыша еще больше.

Возница, запихивая свой надрывный кашель в люк механика-водителя, кивает — трогаем.

— Иду, — хлопнул, словно по крупу, я по броне «бэтра». Тот легко задрожал в ответ, фыркнул: тоже готов!

Ну что. Вот и конец моему пребыванию в параллельном с Москвой мире, в который после Чечни даже во сне не планировал возвращаться. И убеждаешься в тысячный раз, что от тебя совершенно не зависят события, происходящие в мире. Есть ты или нет, а снег будет падать. И пули отольют для стрельбы, а не хранения пороха. И Затвора тоже кто-то подкормит. О тебе говорю, дружище. Хочешь со мной в Москву? Покажу златоглавую, а то одни окопы да траншеи в биографии...

Примеряюсь к скобе на броне. Люки «героев» заняты тяжелыми ранеными, придется лезть в верхний, словно специально сотворенный для тренировки снайперов в их стрельбе по живым мишеням. Но авось дважды в одну воронку снаряд не попадет, хватит вчерашнего ранения. Да и чеченская контузия имеет свой счет. После нее я не стал возвращаться в свою роту, дослуживал в Подмосковье. Никто не упрекнул, да и

не за что, контузия в десятки раз опаснее пулевого ранения, потому что неизвестно, когда и как проявится. Но сержант Васька Васильев, сам обгоревший, но вытолкнувший меня из подорванного БТР, вернулся и через полгода погиб. Чего лукавить: потом часто думал-сопоставлял: а служи я рядом, сумел бы что-то изменить в раскладе его судьбы? Виновен или нет в его гибели? Прятался ли потом в московской подземке от самого себя или просто отмаливал грехи, устраиваясь на службу у Храма Христа Спасителя,— не знаю, и старался не акцентировать на этом свое внимание. Нет, конечно, просто случайное совпадение. Как и Лера с друзьями совершенно ни при чем в моем решении ехать в Луганск. По большому счету, я просто опосредованно вернулся в Чечню через десять лет. Судя по ранениям, войны меня не любят, выталкивают из себя как инородное тело, но ведь именно мой «Утес» сорвал вчера жабий прыжок врага. Может, та давняя контузия сберегла меня для того, чтобы сегодня оказался в нужное время в нужном месте. Пусть и по приказу «Небо», который, как и Васька Васильев, нужны для того, чтобы вытащить кого-то из боя. Войне не жить без героев, без них у нее нет дыхания, она мгновенно захлебывается, не получая развития под пятой более сильного и алчного противника. На Донбассе ополченцы зачехлили парадные знамена Украины, и «северный ветер» сыграл в этом не последнюю скрипку.

А сейчас... сейчас о моей судьбе за меня думает Госзнак. Хотя как думает? Большие деньги чужим людям охранять не доверяют, так что итог предрешен. Это мы с какой-то легкой глупостью доверяем другим свои души, мысли, принятие решений. Чтобы снова спускаться в подземку и отмаливать грехи? Как же я соскучился по самому себе!

БТР подгазовал, набирая обороты, и вместо того, чтобы влезать на броню, хлопая дряхлую механическую лошадку:

— Пошел!

Для подтверждения машу вознице, хотя у БТР нет боковых зеркал: без меня!

Глупость, конечно, несусветная, детский взрыв эмоций. Завтра, скорее всего, пожалую о содеянном, но не состоит ли Вселенная из наших же поступков?

Боясь передумать, вновь потеряться между войной и миром, отталкиваюсь от брони. Устроившемуся на груди Затвору непонятны мои резкие движения, он любопытной варварой выворачивает шею: что опять изменилось в этом мире? На этот раз я сам целую его в черную кляксу носа и, несмотря на боль, прижимаю к груди.

*Откуда я родом, вы не спросили.
Я — северный ветер. Я — из России...*

Алексей Яшин
(г. Тула)

«ВОТ МЧИТСЯ ТРОЙКА ПОЧТОВАЯ...»*

В каждой избушке свои игрушки.

Из русского фольклора

Помню, в детстве я видел деревянный храм, построенный в пивной бутылке. Это поразило мое воображение, и тогда я не спрашивал себя за чем? Татлин идет противоположным путем: стеклянную бутылку для всемирного совнаркома он хочет вделать в спиральный железобетонный храм.

Л. Д. Троцкий «Литература и революция», 1923

♦ Доказав — сами себе — путем сложных арифметических действий, что лучше «новогодние каникулы» сделать длиннее, нежели дать для разминки трудовому и прочему народу целых три дня выходных перед звоном курантов и оливье на закуску, в этом году ответственные за календарь в стране последнюю декабрьскую субботу постановили считать рабочей. Именно поэтому доцент с военно-технического факультета Николай Андреевич шел по свежеснежному снежку к своему приятелю профессору Игорю Васильевичу Скородумову** на биологический факультет именно в эту субботу — за два дня до окончания года столетия Ленинского комсомола... «А причем здесь, собственно говоря, наш славный шестиорденоносный комсомол?» —

* Глава из новой книги «Житие наше оцифрованное», которую автор сейчас готовит к изданию.

** Наши постоянные персонажи; см.: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новеллино. — М.: Московский Парнас, 2014. 327 с.; Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино. — М.: Московский Парнас, 2017. — 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru — раздел «Библиотека главного редактора»).

тоже сам себе задал вопрос размышлявший на неторопком ходу по приятно похрустывающему снежку, еще не раскатанному до ледяной скользкости на территории университетского студгородка ошалевшей к окончанию семестра учащейся молодежью, доцент кафедры ракетостроения. А тренированная память тотчас выдала и ответ на такую ассоциацию: во вчерашних вечерних местных теленовостях, загодя поздравляя народ с Новым годом, почтенный зампред областной думы, особенно напирая на все возрастающие успехи губернии в капиталистическом строительстве, в частности же по линии новомодной, только что «спущенной сверху», цифровой экономики.

Николай Андреянович, вне всякого сомнения, все эти «песни народностей», как у одесских литературных классиков, пропустил бы мимо ушей, если бы не собственно фигура зампреда. Был тот из обкомовского комсомольского начальства, а сорок лет назад, в чине второго, то есть по идеологии, секретаря вручал молодому еще инженеру Николаю — без обязательного Андреяновича — знаки лауреата комсомольской премии за разработку с сотоварищи «изделия». Понятно какого, без расшифровки в лауреатском дипломе, оборонпромического. По окончании процедуры, вальяжный секретарь произнес прочувствованный спич, в котором напирал принятым набором слов на скорое явление коммунизма и всемирную погибель «гнусного, изжившего себя частнособственнического капитализма — зловонной плесени на лице нашей прекрасной планеты, все более и более открывающей свои просторы для возделывания нив и пашен освобожденного от гнета и эксплуатации вольного труда!»

...Как тогда сообразил молодой инженер-изобретатель Николай <без обязательного Андреяновича>, причиной оригинального синтаксиса и литературного «штиля» спича являлась не утренняя похмельительная стопка коньяка, но природное — от сохи пращуров — косноязычие комсомольского выдвиженца на высокий обкомовский пост... И во вчерашних теленовостях след такого качества речи присутствовал. Точно также проживший сорок лет в инонациональной среде человек так до конца не может избавиться от акцента: родной аул или кишлак крепко держится за язык. Было по всему видно, что зампред только усилием воли удерживается от произнесения стародавних обкомовских клише навроде совкового «партии и правительства».

Опять же вспомнив об опохмельительной стопке, Николай Андреянович инстинктивно дотронулся левой рукой до борта пальто в том месте, где во внутреннем кармане покоилась плоская коньячная посудина — для гостевого статуса. В предварительном телефонном разговоре пару часов назад Игорь Васильевич на вопрос приятеля, намекнувшего шифровальным словом «тара» на цель прихода, ответил так же шифровально в том смысле, что «бдительность украшает строителя капитализма, но турецкая гора Арарат по-прежнему красуется на гербе свободолубивой республики Армении». Николай же Андреянович тотчас перевел шифровку на разговорный язык: дескать, дагестанский коньяк в последнее время очень уж стали бодяжить турецким, почти техническим, спиртом, поэтому можешь прихватить бутылек армянского московского рóзлива. Он, конечно, тоже не на коньячном спирту, но все же способнее к введению в организм. И у меня тоже найдется чем «догнать». Закуску не покупай — только что свой кабинетный мини-холодильник затарил. Что же касается бдительности, то по уже сложившейся традиции профессиональные факультетские доносчицы-вестовщицы из числа незамужних доцентш и лаборанток в предпраздничный день тоже устраивают себе отдых, мечтают в своем кругу подружек о свободных и богатых мужиках с достойной потенцией, стараются, тоже усилием воли, не принохливаться к мужикам-преподам...

Как и положено в шифровальном деле, перевод намного словоохотливее оригинального текста.

Проходя мимо центральной городской библиотеки — уже в видимости корпуса

биофака, что через дорогу,— Николай Андреевич по давней привычке притормозил у левого от входной двери «витринного» окна, на внутренней поверхности которого вывешивались плакатики-объявления о текущих мероприятиях библиотеки. Самый красочно оформленный извещал о проведении в рождественские каникулы викторины к девяностолетию первой публикации «Тихого Дона». Сверху иллюстрации: Аксинья с ведром и Гришка с георгиевскими крестами, с чубом из-под фуражки. Ниже же вопросы-тесты викторины с пояснением: кто больше наберет в сумме *правильных цифр*,— тому честь и хвала. Внимательно прочитал тесты и дошел до последнего: «В каком жанре написан роман «Тихий Дон»? Варианты ответов: детектив, эпопея, очерк». Остальные вопросы были подстать, что огорчило даже оптимиста Николая Андреевича: «Цифры, цифры, цифры... заменить цифирью остатки мышления и той же литературной грамотности... увы, уже полной безграмотности; мд-а-а, детектив «Тихий Дон»! — бормотал доцент, пережидая на обочине мчащийся нескончаемый поток машин,— не зря же друг мой ситный Игорь Васильевич, большой мастер на сочинение всяких едких и вредных словечек — как потомок ядовитых на прозвища калужских крестьян-старообрядцев, по его же признанию,— еще летом выдал новый перл: *цифрозаменение...*» Поймав себя на том, что к его озвученным рассуждениям начинают недоуменно (вот, мол, препод, что-то бормочет, а мобилы или шнура с микрофоном у рта не держит?) прислушиваться тож собирающиеся перебежать дорогу студенты, Николай Андреевич стиснул зубы и губы, суровым взглядом окинув недорослей.

Опасливо перейдя дорогу, когда потоки авто в обе стороны застыли в образовавшейся пробке, доцент с досадой вновь затормозил — уже на другой обочине: переждать приближающийся трамвай. И тотчас очередную ассоциацию выдало его натренированное на такие кунштюки подсознание: живо представилась морозная неделя, нагрянувшая на среднерусские просторы в первой половине декабря. Николай Андреевич засиделся в гостях у профессора Скородумова, благо и тема беседы — об умственной деградации молодых поколений с преимущественно «компьютерным» мышлением, и повод — годовщина сталинской конституции, требовали обстоятельного обсуждения и сопутствующей сервировки стола...

♦ Словом, вышли приятели из корпуса с намерением завершить разговор в недлительной прогулке по бодрящему умеренному морозцу — в направлении своих семейных очагов: почти весь недолгий маршрут по пути.

Однако, человек предполагает, а бог располагает: именно в этот день годовщины достопамятной конституции русский бог-мороз, явно недовольный глобализмом вообще, а инсинуациями-спекуляциями по части глобального потепления в особенности, к вечеру шарахнул градусом как следует — десятым сталинским ударом! От духмяного тепла уютного профессорского кабинета идти в наступившей темноте по ощутимому морозу желание прогулки мигом исчезло, поэтому, не дебатировав, свернули по выходу из корпуса к ближней, в сотне метров, трамвайной остановке, на которой уже топтались согреваяще пяток человек: два мужика, столько же студенток и женщина постарше. Пристроившись к ожидающим, приятели обреченно приугодились мерзнуть неопределенное время, поневоле прислушиваясь к диалогу между слегка нетрезвым, потому и мыслящим здраво, мужчиной и женщиной, что постарше. Последняя все причитала: дескать, на что нам власти городские даны, если трамваи раз в час идут. Да старье еще из советских времен, да неотопливаемые. На это мужик резонировал, что власти хотя и ворье первостатейное, но здесь они вовсе не виновны. «Посмотри,— он указал на дорогу вдоль трамвайной линии, сплошняком забитую легковушками,— сам народ, из последних сил прикопавших на машину, совершенно ему ненужную, но чтобы как у соседа Петьки она в наличии имелась, разрушил весь

общественный транспорт в стране! Все на авто свои пересели, половину дня в пробках стоят, а для кого же властям трамваи через каждые пять-десять минут пускать? Для нас что ли — казне в убыток!» — и грамотно мыслящий оратор ленинским жестом обвел рукой жалкую кучку мерзнувших ожидальцев...

Здесь обе студентки, доселе без конца елозившие мерзнувшими пальчиками по экранам своих смартфонных гэджиков, радостно в голос сообщили: «Вышел, вышел с конечного кольца!» Мужик-правдоруб хмыкнул: «Вот и вся недолга. Через четверть часа и мы удостоимся!» И женщина, ругавшая власть, обрадовалась: «Вот и хорошо! Надо и мне свой старый мобильник на такой, со слежением за трамваями, заменить с полочки. А то все ждешь, ждешь, мерзнешь... здесь же посмотрела на экран — все видно: идет или застрял где». Мужик расхохотался, а женщина обиделась: «Чего это я не так сказала?» — «Все, уважаемая, все правильно сказала: пусть трамваи раз в час-два ходят, а может и вовсе на линии в сугробах нечищенных застряли. Зато хреновина эта, извиняюсь, душу теплом согреет: теперь знаешь, что ждать тебе трамвай до морковкиных заговений! И спокойно станет. Это и есть новомодная цифровая экономика по-русски, точнее по-российски...»

Женщина, уловив негатив в отношении к официальному словосочетанию, тотчас насторожилась и молча отвернулась от смутьяна. Их сестра подкожной генетической памятью мигом соображает: какой год на дворе стоит!

...Пропустив трамвай, Николай Андреевич зашагал по тротуару вдоль стены корпуса биофака ко входу, у самого которого он отпрянул от вывалившей толпы студентов-двоечников, до самого последнего учебного дня года тянувших с зачетами, отработками и прочими задолженностями, накопившимися за семестр. Кому удалось их спихнуть — сейчас ржали сивыми мериными и кобылицами, не удостоенные же преподающего ободрения хмурились: парни молча, девицы — с разговорным матерком.

Пропуская счастливых и неудачников, Николай Андреевич, отошедший на край тротуара, опять же по ассоциации с девическим матом припомнил недельной давности утреннюю радиопередачу — из кухонного динамика, за завтраком, — посвященную актуальной во все времена теме русского мата и его роли в развитии национальной культуры. Почетным гостем передачи был назван доктор новомодных культурологических наук, профессор, член многих советов и обществ и пр. и пр. Судя по хамоватому голосу, человек достаточно молодой. Уже после первых его слов, как то принято сейчас в таких передачах, — обязательного плевка в советское прошлое, что-де «в советское время мат являлся индивидуальным протестом человека против тирании и тоталитаризма...», Николай Андреевич, чтобы не спугнуть утренний аппетит, хотел было выдернуть шнур громкоговорителя из розетки, но чуть попридержал гневливую руку: культурологический профессор и «многочлен» перешел к происхождению мата на Руси. Николай Андреевич от смеха поперхнулся утренней яишенкой с деревенским (с базара) салом, когда услышал от культграмотея, что-де мат исходит от языческой Руси, как словесная символика плодородия... и прочей чуши — не славных язычников, конечно, но современных профессорских недоумков. А тот же перешел к оригинальному решению болезненного для современной литературы вопроса: как в печатном тексте сохранить матерно-фольклорное богатство русского языка и одновременно соблюсти требование недавно принятого думцами закона о неупотреблении на бумаге нецензурных слов и междометий. Решение было в духе новейших веяний и склонении мышления людей к *цифре*, а именно: негласно, явочным порядком, «одна бабка на рынке говорила», привязать каждое матерное слово к порядковому числу: 1, 2, 3... Оною же цифру и ставить в нужном месте в печатном тексте. «В духе цифровой экономики», — заметил культуртрегер.

...Чтобы не сойти временно с ума, доесть яичницу и запить ее чаем с лимоном,

Николай Андреевич выдернул-таки штепсель (как доктор Моргулис в песне Высоцкого) из радиотрансляционной розетки. Аппетит мгновенно восстановился.

Про происхождение же мата он еще в инженерной молодости, будучи в командировке в Челябинске в Конструкторском бюро при знаменитом танковом (официально тракторном) заводе, что с пятью боевыми орденами на фронте административного здания, доподлинно узнал от соседа по гостиничному номеру. Был тот татарин, коих много проживает между Волгой и Уральскими горами и далее в Сибирь, профессором-филологом; за холостяцким ужином под домашние еще бутерброды и бутылку местной, вполне недурственной на вкус и последствие, водки он и прочитал соседу-инженеру лекцию о происхождении русской нецензурщины.

Возник мат на Руси, под названием Улуса Джучиева входившей в состав Золотой орды. Причем, уточнил профессор, только после убийства князя Михаила Тверского в Сарае и восшествия на престол хана Узбека, поверставшего своих подданных, включая русских, в магометанство. До этого ордынские ханы-язычники с уважением относились к православию, то есть грабили церкви и монастыри наравне с городами и селами Улуса Джучиева — не выделяя их гневом и милостью. В Сарае же в ханском совете русский епископ заседал на почетном месте — одесную хана. И вообще, начальники орды склонялись к принятию православия, потому татарские воины-нукеры, баскаки и их челядь на (русских) «местах» имена Христа, Богородицы, небесных ангелом и архангелов всеу произносить остерегались.

Однако после исламизации орды те же самые нукеры и баскаки совершили в отношении к православию разворот на 180°: к случаю и без случая богохульствовали, что называется «ниже пояса», в отношении священных для православных имен. Причем эти, присовокупляемые к именам, существительные и глаголы, производимые татарами, понятно дело, на родном языке, являлись для этого языка и вообще для тюркского наречия совершенно цензурными... Филологический профессор для обстоятельности произнес их по-татарски и разъяснил инженеру Николаю, тотчас уловившему фонетическое созвучие с родным матом, смысловое значение; ничего бранного: все бытовое и даже близкое к высоким чувствованиям...

Но русские-то мужики татарской мове не обучены, ориентировались на злобные интонации чем-то недовольных баскаков и рядовых нукеров. Потому соединенные синтаксически со священными для них именами тюркские глаголы и существительные понимали как неодобрительные, богопротивные. И сами, тоже разозлясь, порой употребляли богохульные словосочетания, тут же крестясь и каясь перед Господним оком всевидящим... «Так и возник феномен русского мата, дорогой Николай», — закончил свой ликбез командированный из Казани профессор — на межрегиональную филологическую конференцию — и, на правах старшего по возрасту и званию, наполнив стаканы на треть, предложил тост за дружбу советских народов, каковой и закусил с чувством бутербродом с лично посоленным, с чесночком, салом; как он похвастался Николаю. В дружеской беседе, еще без Андреевича.

...Войдя в холл корпуса, Николай Андреевич дружелюбно поздоровался с давно знакомыми ему вахтершами, поздравил «с наступающим» и вручил загодя припасенные сувенирные шоколадки-медали. То, что уже третий месяц во всех корпусах на пост заступают две, а не одна, как ранее имело место быть, почтенные возрастом охранницы, в основном из вышедших на пенсию лаборанток и «преподш» без ученых степеней и званий, никого не удивляло: в целях кампании по борьбе с международным терроризмом. Надо полагать, служба безопасности университета также перешла на цифровой стандарт мышления: одна вахтерша — это (усреднено) шестьдесят лет возраста, а две — сто двадцать в сумме и в бдительности.

— Давненько вас не видели, почитай месяц без малого к *нашему* профессору не

заходили. Да оно и понятно, Игорь-то Васильевич каждый день с озабоченным видом по разу, по два куда-то все уходит. Видать, чем-то важным весь декабрь занят. И сегодня выходил, только-только возвратился. А сейчас у себя, милости просим!

Поднимаясь на третий этаж, Николай Андреевич все размышлял, прикидывая туда-сюда: чем это всему предпочитающий свой уютный кабинет приятель его озаботился, да еще по несколько раз на день выходящий на мороз и прочую непогоду? Может какие хлопоты с редактируемым им журналом «*Феномены разума. XXI век*»? Или седина в бороду — завел интрижку с той незамужней, привлекательной доцентшей молочно-восковой спелости, которую в день их празднования сталинской конституции зазывал к себе в кабинет и угощал коньячком под икрыные бутерброды? Ха-ха! Тоже ведь способ противостоять эпидемии цифрофрении на наших суконно-цинковых, бюрократических просторах. Но как знать... не чурающиеся мужского внимания дамочки фертильного возраста иногда озабоченно поглядывают в некие заветные календарики, теперь виртуальные, на экранах гэджиков, с разноцветно обозначенными цифрами...

♦ Хотя в последний рабочий день года корпус почти опустел от студюзусов и преподав, но дверь в кабинет профессора Скородумова была, явно по привычке, машинально, хозяином заперта на замок. Как сам Игорь Васильевич всем охотно пояснял, по той причине, что нынешние студенты без начатков воспитания и соображения, не говоря уже об условных «иностранцах» — от горных арыков, кишлаков и аулов бывших союзных республик, без доклада лезут в первую попавшуюся дверь с самыми диковинными просьбами: «А-а гдэ сейчас Александр Маркович?» или совсем ошарашивают заслуженного профессора требованием выдать два куска мела и девятнадцать (не двадцать!) листов чистой бумаги.

Не реагируя по той же причине двойной профессор и на постукивания в дверь, откликаясь только на кодовое: цифру «73» азбукой Морзе (в школьной и институтской молодости являлся радиолителем-коротковолновиком), что на международном жаргоне таковых спортсменов значило «С наилучшими пожеланиями», а сочетание точек и тире подходило под монотонную мелодию: «Дай-дай закурить, я на речку шла!»

Николай Андреевич воспроизвел речевку костяшкой указательного пальца по двери, был впущен, но тут же, с порога, поразился необычному виду обычно жизнерадостного, собранного, подтянутого, хотя и с некоторой барской окладистостью, профессора. С волевым выражением лица, сочетаемым с ленинским прищуром глаз; дескать, мы, батенька, другим путем пойдем против заразы цифрофрении...

Сейчас же, вяло пожав руку гостю, разлаписто вернулся к рабочему столу, мешкотно и кривобоко плюхнулся в кресла. Выражение же его лица тотчас вызвало у Николая Андреевича малоприятное воспоминание о визитах в стоматологическую поликлинику пару лет назад, когда он всерьез занялся зубами...

Молча, страдальчески глядя сквозь разоблачающегося от уличной одежды приятеля, Игорь Васильевич даже на извлеченную гостем из внутреннего кармана пальто плоскую коньячную бутылку никакого видимого внимания не обратил.

— Что с вами, герр профессор? — не удержался Николай Андреевич, видя, что хозяин не только не делает попытки сервировать «гостевую» тумбу — впритык к рабочему столу, но и имеет внешность полного отрешения от мирской суеты, предновогодней в том числе.

— Знаешь, Андреевич, я сейчас немного отойду. Ты же пока из холодильника достань что надо; тарелки, вилки и стопки тоже знаешь где.

— Да что случилось-то, Васильич? Как будто черти на тебе трое суток горох молотили, а? Неприятности дома или с журналом твоим что приключилось? И почти месяц — со дня сталинской конституции — не звонишь? На-ка, дерябнем по разгон-

ной за уходящий год! Хотя бы футбол мы с тобой не смотрим, а детям-внукам нашим пятерик лишний предпенсионный набросили за здорово живешь... Но все одно, традицию соблюдаем.

...То ли перед Новым годом «армянский» московской фабрикации разбили слегка настоящим коньячным спиртом, а может и акцент гостя на то, что достопамятный год уже уходит в прошлое, но Игорь Васильевич, порозовев кожей лица, пришел в осмысленное состояние, распрямился в своем кресле и наконец-то заговорил:

— Андреяныч, против лома нет приема, потому перед тобой полностью подавленная жертва цифрозамещения. После почти месячной борьбы сегодня признал полное и безоговорочное поражение. Разливай вдогонку — заиграть обиду — по второй! Я же тебя посвящу, так сказать, в этюды о цифрозамещении в суконно-цинковых тонах. Почти как у Конан-Дойля; там тона багровыми были.

Как прекрасно знаешь, в наступающем году у моего журнала юбилей: полтора десятка лет изданию стукнет! Правда, в конце года...

— И отпразднуем это богоугодное дело...

— Притормози, Андреяныч, с поздравлениями, а послушай про наболевшее. Когда журнал создавался, зараза эта интернетовская с ее почтой-«мылом» еще не опутали своей сетью весь мир, тем более сознание людей. Потому в переписке с авторами и читателями в основном использовал старинчатую «бумажную» почту. И посейчас использую, тем более, постоянные авторы, зная мое пристрастие в эпистолярной части к рукописанию «именным», настоящим паркером, подаренном мне по случаю своей защиты самым умным в моей практике аспирантом Володькой, и сами стараются подыгрывать: «от руки» мне пишут. Особенно авторы, стремящиеся опубликоваться вне очереди редакционного портфеля... Опять же я номера журналов и свои книги посылаю; мне аналогичное шлют.

Короче говоря, первые год-два пользовался университетской почтовой экспедицией, как когда-то такие службы приема-доставки именовали. Потом мне это претить стало: по принятому еще со стародавних времен порядку все приходящие мне отправления в канцелярии вскрывали, после чего передавали с посылными факультетской секретарше, а от нее уже я получал. Мало того, что эта цепочка по времени могла и на месяц затянуться, а то и просто письмо или бандероль терялись при неспешной передаче через халатные руки. Главное, личную корреспонденцию, зачастую весьма откровенную в части политкорректности, толерантности и верноподданничества, если равнодушные ко всему на свете канцелярские бабенки пенсионного и близко к нему возраста вряд ли читали, тем более рукописную, то востроглазая факультетская секретарша от скуки рабочего дня уж обязательно сверху вниз и по диагонали по строчкам пробегала. О самом интересном из почерпнутого докладывала декану, а то и просто зачитывала ожидающим приема начальником доцентшам-вестовщицам. Те же все разносили по факультету и многочисленным — с преобладающим женским составом — службам административного главного корпуса.

Словом, Андреяныч, как на такой счет говорили древние римляне, *motiva moralia non sufficientia non obligant, sed motiva sufficientia obligant* — недостаточные моральные мотивы не обязывают, мотивы же достаточные обязывают. Потому к окончанию второго года издания журнала завел я в ближайшем почтовом отделении свой абонентский ящик. Дешево и сердито: за год платишь поменьше тышочки, заходишь раз в неделю, своим ключиком открываешь ячейку, забираешь накопившуюся почту — и никаких тебе сквалыжных очередей, квитанций и прочего удовольствия общественных мест. Через пару минут уходишь и — гуляй не хочю! Никакой тебе перлюстрации...

— Лихо ты, Васильич, на латыни стрекочешь. Сразу видно заслуженного профессора, хватившего подряд пару стопок. А если по-военному, ближе к делу?

— Ближе некуда. Поболее десяти лет забот с почтой не ведал. Главное, не забыть ближе к концу года там же на почте заполнить в трех экземплярах бланки продления аренды абонентского ящика и внести оплату. И здесь все без очереди, в десяток минут укладывается. Вот и сейчас, без году неделя, на другой день после отмеченной нами с тобой сталинской конституции зашел за почтой и заодно осведомился насчет бланков — не торопясь у себя заполнить и в следующий визит занести. Что-то меня проинтуичило почтой за месяц до окончания срока поинтересоваться. ...Вот ты меня, Андреяныч, по своей военно-технической дисциплинированности и краткости изъяснения все торопишь, а как раз во вроде бы малосущественных мелочах и суть произошедшего со мной заключена.

◆ — Избранное мною почтовое отделение крохотное, рассчитанное на обслуживание пары-тройки кварталов пятиэтажек-хрущевок. Из числа тех, где, как говорится, услуга своих клиентов в лицо знает. Так оно и было с десяток лет: пожилые почтарки дорабатывали до пенсии, до пополнения потомства внуков; опять же проживают в этих самых окрестных кварталах. Вот и не менялся их состав: год от года все те же лица, добрые и улыбочатые к постоянным клиентам, в число которых и я под разговорным именем «профессор» через год моего абонирования прочно вошел.

Но пару лет назад как-то в одночасье весь личный состав улыбочатых пожилых почтарок подал в отставку, говоря, Андреяныч, твоим военно-уставным наречием. То ли к подоспевшей пенсии урожай внуков случился, а может суеверно напугал их появившийся компьютер для регистрации почтовых операций, за который усадили самую «продвинутую» товарку, некогда учившуюся в радиотехникуме... Кто знает, что случилось, какое поветрие вмиг сдуло всю домашность маленького почтового отделения? Я вот точно не знаю — быть крестным новонародившихся внучат почтарок зван не был. Тем более, сейчас в фаворе никонианское православие, нас с тобой, Андреяныч, как потомков «двуеперстников», поостерегутся в кумовья звать. Ладно, к делу все же перейду.

Взамен уволившихся сотрудниц стали присылать молодых девиц, как я сообразил, явно из числа стажерок ихнего, почтового пэтэу, или как там сейчас называется на американско-европейский лад: колледж, лицей, может и похлещет чего. Начали эти малоудачницы в жизни, бюстами и ногами не вышедшие в жены или содержанки успешных молодых дельцов и папиков, соответственно, непрерывно сменять друг друга. Скорее всего, поумнев за время короткой практики на малоденжной и хлопотной почтовой докуче, девицы, окончив пэтэу, пристраивались продавщицами на рынках и в супермаркетах.

С девицами этими дела прежнего домашне-уютного почтового заведения пришли в полное ничтожество. Понятная бестолковость практиканш все более усиливалась еженедельными новыми инструкциями от главпочтамта о переходе, причем, скорейшем, на полную компьютеризацию в обработке всех видов корреспонденции: от простых писем в новомодных удлиненных *a la Europa & America* конвертах до ценных бандеролей и посылок. Как на грех, поувольнялись по причине пенсионного возраста и удивительно низкой зарплаты все почтальонши-разносчицы. Замены им не предвиделось: прокатившаяся — с телевизионными показами и комментариями — серия столичных коррупционных скандалов в почтовом ведомстве, резко сменившаяся похвалами работы ононого, ясно показала: слишком самонадеянно ждать прибавки жалованья рядовым почтаркам (мужиков сюда и на аркане не затащишь — работать за прожиточный минимум).

Прекрасно зная, что более двух-трех месяцев стажировки они в этом бедламе не задержатся, юные пэтэушницы в своей почтовой жизни руководствовались русским фольклором, а именно: умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего! То

есть, окончательно запутавшись в противоречивых инструкциях и безоговорочной компьютеризации почтовых дел, к тому же умея на этих самых компьютерах только «Одноклассники» почитать, опять же при полном отсутствии наличия разносных почтальонш... и вообще — будь она, безденежная жизнь без надежд на замужество за начинающим миллионером (хотя бы и в рублях) проклята! — пэтэушные девицы скоренько вывели свое почтовое заведение за рамки работающего. Хотя бы верхнее начальство, учитывая их несмышленость и отсутствие старшего, опытного наставника, и разгрузило их до минимума: оставив только едино выдачу отправлений, упразднило «до лучших времен» прием корреспонденции, подписку, выдачу пенсий и оплату «коммуналки». Тем не менее всякого входящего в такое выхолощенное почтовое заведение от одного взгляда охватывала тихая паника: за барьером-прилавком, отделявшем посетителей от служебной части, беспорядочное нагромождение неразобранных посылок, тарных пластиковых ящиков, набитых письмами и бандеролями. То же самое наблюдалось через внутренний проем и в дальней комнате, пышно именуемой «помещением первичной обработки корреспонденции». Благо пэтэушные почтарки в возрасте девичьей гибкости; турнюры, бедра и бюсты только в угловатой наметке; иначе как бы они лавировали между угрожающими свалиться на них «красноярскими столбами» пудовых посылок, висевшихся до потолка?

Юные почтарки растерянно огибают эти «столбы», роются в ящиках с письмами и бандеролями, отчаявшись разыскать нужное по идентификационным номерам, что переписаны ими со смартфонов выстроившихся в длинную очередь студентов-иностранцев: ближневосточных арабов, мелкорослых вьетнамок и шриланкиек с Цейлона, высоченных камерунских негров, робких посланцев бывших среднеазиатских советских республик — все из ближних университетских общежитий. Тем сложнее почтаркам из недавних школьных двоечниц найти в этих авгиевых конюшнях требуемое, заказанное «импортными» студентами в китайском гиганте интернет-торговли «Али Баба», что все надписи на бандеролях и посылках на английском с добавлением иероглифов.

Пара-тройка окрестных бабок, зашедших по совковой еще привычке прикупить поздравительных новогодних открыток, потерянно толкуются в уголку, оглушенные гортанной нерусской речью веселящихся разноцветных ликами ребят...

Но вот очередь перед окошком выдачи дошла до затесавшейся в иноземный ряд русской молодухи, тож завлеченной рекламой и интернетом в сети «Али Бабы». Протягивает она листок бумаги с загодя записанным полудесятком номеров бандеролей с китайским ширпотребом, горделиво окидывая взглядом почтарок и — боковым зрением — азиатских студентов: дескать, и мы не лыком шиты, не на блошином рынке китайскую мягкую рухлядь покупаем, а цивилизованно по «инту» заказываем! Операторша передает бумажку стажерке и переводит затравленный взгляд на следующего клиента.

...Не подумай, Андреяныч, что я в очереди этой долготерпеливой и разноязычной стою и вынужденно ко всему приглядываюсь и прислушиваюсь! Нет, я в сторонке жду, когда столь же молодая, все же решившая после окончания пэтэу здесь остаться, начальница почтового отделения выйдет из служебной комнаты, ибо по части продления аренды ячейки только к ней и можно обратиться. Потому и слушаю легкую перебранку этой самой молодухи с персоналом.

Удалилась стажерка с бумажкой в руке в дальнейшее помещение и удивительно быстро, всего лишь минут через шесть-восемь, вынесла одну бандероль, на вид упаковки — с чем-то мягким и легким. Отдала ее молодухе вместе с бумажкой. Далее, Андреяныч, для аутентичности передам ее диалог с операторшей — постарше возрастом и опытом работы:

— А где еще четыре?

— Не знаю, откуда вы эти номера списали.

— Как откуда? С компьютера, конечно. Там же сообщение: все пять бандеролей уже в нашем городе. А значит и на вашей почте.

— Так может *по городу* до нас еще не дошли?

— Как не дошли? Это сообщение двухнедельной давности. Просто я в отъезде была, поэтому только сегодня пришла.

— Вовремя, женщина, надо приходиться. И почему это решили, что ваши бандероли должны отслеживаться по интернету?

— Когда и куда мне идти — мое дело. А по правилам *вашей* же почты все бандероли и посылки стоимостью больше десяти долларов на всем пути следования отслеживаются.

— Вот что, женщина, видите сколько всего у нас скопилось? Со временем разберем. Получите свои бандероли китайские.

— Так вы извещения по моему адресу доставите?

— А кому доставлять-то? У нас уже давно все почтальонши-разносчицы поувольнялись... от такой зарплаты и жизни. Заходите, интересуйтесь...

Здесь в интересную беседу вступил усатый мужик лет сорока, стоявший в конце очереди. Поскольку был он слегка выпивши, то уже успел рассказать мне, что пришел получить посылку от брательника из Тамбова с сушеные подлещиками, мол, уважает их под пиво.

— Слышь, барышня? Не отвлекай почтовых тружеников от работы. Намедни получил письмо от московской тетки, брезгует она вашим интернетом, так эти двести верст «шлю» почти месяц! А тут Китай... ты бы лучше и быстрее сама туда смоталась за барахлишком. Если самолетом боишься, то на поезде «Москва — Пекин» неделю туда и столько же обратно — вот и вся недолга! И нехрена будет все по интернету-то отслеживать. Где этот «нет» и где мы? Зимой дороги в городе не чистят, только китайскими опять же химикатами травят. Опять же почтальонши все поувольнялись...

— Я давно, Андряныч, подозревал, что наши студиозусы из иностранцев азиатских только на зачетах и экзаменах придураются, дескать, плохо по-русски понимаем. Все они прекрасно, особенно в бытовом плане, маракуют. Иначе чего бы им над словами мужика с подлещиками всей очередью гоготать! Но и молодуха явно не душой оказалась, не выказала обычной в такой ситуации бабской остервенелости, рассмеялась сама над собой, помянула все интернет-магазин с почтой впридачу и добавила уходя: «Буду теперь на рынке покупать. Ближе чем в Пекин ездить!»

...В июле этого лета, когда вся жизнь замирает, в том числе в части корреспонденции, я почти три недели не заживал на почту: все одно мой абонентский ящик пуст — как голова школьника и студента в это время от излишка знаний и нравоучительных установок. Когда же отправился перед самым началом августа, то, подойдя к пятиэтажке с угловым входом на почту, даже испугался: неужели отделение связи, к которому так привык, ликвидировали... например, по программе столь модной сейчас «оптимизации», а помещение городские власти сдали в аренду процветающей частной мини-клинике, естественно, диагностической, ибо лечение менее доходно, да и площадь бывшего маленького почтового отделения не позволяет койко-места разместить. Мысль же такая потому в голову вспорхнула, что вместо обшарпанной двери из древесно-стружечной плиты и протертого за полвека и даже поболее до арматурных прутьев крыльцо с двумя ступеньками передо мной предстала стеклянная евродверь с лаково отсвечивающей «под орех» обвязкой. Заново отлитое крыльцо обложено фигурной керамической плиткой и по всем угловым изгибам подковано, словно норювистый конь, профилем из нержавеющей стали. И хотя всего лишь две ступеньки

как были, так и остались, но с обеих сторон этого крыльца и порожка установлены перильца. Для ощущения же полного восторга — слева изогнутый, до стены метра четыре, после поворота на крыльцо еще полтора-два, пандус из рифленой стали. Естественно, с обоюдосторонними перилами.

Все же увидев на двери знакомое название, с робостью вступил в храм службы-правопреемницы ямской гоньбы, далее почтовых перекладных троек с императорским гербом, затем сталинского Наркомпочтеля* и брежневского Минсвязи, работавших не по дням, а по часам... А завидев за служебным барьером давешних юных почтарок, одетых в униформу с иголки: синяя юбка, белая кофточка и красная косынка вокруг прелестной загорелой шейки, вовсе решил, что вернулись времена Псурцева.**

Но здесь же обреченно поник головой, увидев все те же «красноярские столбы» неразобранных посылок, раскиданные по полу и по столам ящики с бандеролями и письмами, а главное — полнейшее отчаяние в подведенных глазках униформированных почтальотниц. Два красочных плаката украсили стены обок входной двери: один — к футбольному чемпионату, другой настойчиво призывал в полной мере обращаться к услугам почтовой связи *on line*. Одни фасады...

◆ — Как уже говорил, Андреяныч, пошел я на почту заполнить бланки и заплатить за абонентский ящик сразу после предыдущей нашей встречи в начале декабря, который вместе с уходящим годом мы с тобой сейчас и провожаем. Что-то меня подтолкнуло не тянуть до конца месяца. В точку попал!

То ли очередная партия пэтэушных стажерок совсем никудышная попалась, ни замуж, ни в универсамовские продавщицы негодная, а скорее всего затянувшийся уже на начало третьей пятилетки кризис по всех делах уравнивал в скромной зарплате почтарок с продавщицами, но, как бы там ни было, все они остались трудиться на обновленной фасадом почте. Это меня приятно поразило: стабильный коллектив — залог надежды на возможное наведение порядка.

Поздравил я их, уже хорошо запомнившихся милovidными — а кто из девиц в шестнадцать лет хотя бы на «троечку» не милovidен даже без косметики? — с первым серьезным зимним морозцем. Заулыбались, а здесь и начальник отделения, молодая, но исхитрившаяся сразу после окончания пэтэу выйти замуж, вышла из служебного отсека. Тоже уже запомнив меня, поздоровалась. Сказав нехитрый комплимент о розах-морозах, попросил тройку бланков для продления «абонентки» на следующий год. Лариса, так зовут начальницу, по причине совсем недавнего медового месяца пребывавшая первую половину каждого трудодня в опасливо-блаженной рассеянности (в соцсетях хулиганили: все аптеки торгуют не *настоящей*, а *китайской* противозачаткой из мела и витамина «С»), с минуту изображала розовым личиком мыслительные воспоминания, после чего радостно сообщила, что с этого года абонирование открывается и продлевается только на главпочтамте.

Вернулся я к себе в корпус безмерно огорченный; это ведь полдня потратить: туда-сюда через полгорода ехать и там в бестолковой суете искать нужную службу и прочее. А я ведь сугубо кабинетный человек! Учитывая молодость и медовомесячное блаженство юной начальницы, решил предварительно проверить достоверность ее слов. В лаборантской кафедры — как-то случайно видел его там — взял толстый, неряшливый том городского справочника «Желтые страницы», нашел нужную страницу с телефонами почтамта. Сделав с полдесятка звонков по номерам «методом тыка», выяснил: к кому обращаться по абонентским делам. Позвонил, представился

---

* Народный комиссариат почты и телеграфа.

** Во времена Брежнева бессменный министр связи, доведший работу своего ведомство до достижимого совершенства.

профессором, узнал имя-отчество обладательницы молодежного контрольного без курительной хрипотцы, хотя и она придает женскому голосу этаким чувственным окрас, разъяснил свою догадку. Марина Витальевна, хотя и крохотная, но все же начальница, дозвоительно усмехнулась — в адрес почтарок — и разъяснила: «Девушки в *вашем* отделении молодые, не совсем верно информировали. Действительно, по новым правилам с окончания этого года и на следующий оформление и оплата абонирования проводится *on line* через главпочтамт, но — для юридических лиц. Физических же лиц, каковым вы, профессор, по вашим словам являетесь, по-прежнему обслуживают почтовые отделения *на местах*. На такой случай мы разослали по ним новую программу компьютерного оформления — для отказа от устаревших заявлений на бумаге. Там же и оплату внесете. Только захватите с собой паспорт и документы, дающие вам право на льготы, с учетом которых за календарный год с вас возьмут пятьсот пятьдесят семь рублей. Если девочки что не поймут — дайте им мой телефон».

Сердечно поблагодарил обладательницу контрольного без никотиновой хрипотцы. Заодно игривая память услужливо вывела в мое активное сознание образы прежних знакомых девушек-женщин с таким тембром голоса: получалось, что все они подтянутые, на вид даже слегка суховатые шатенки со стрижкой, в интимных контактах порывисты... Здесь я свои аналитические рассуждения волевым усилием прервал. Как мало надо человеку для довольства жизнью? Вот разъяснила мне, разложила все по полочкам телефонная Марина Витальевна — и легко на душе, даже этак игриво стало! Завтра, мол, сходу на *свою* почту и все за десять минут улажу. Тем более, что уже не от руки бланки в трех экземплярах заполнять на неудобной служебной стойке-барьере. А почтарка сама все на «компе» пощелкает по клавиатуре. ... Даже загодя, чтобы не беспокоить тружениц бывшего Наркомпочтеля поиском сдачи, отсчитал и в левый карман пальто уложил эти магические пятьсот пятьдесят семь рублей. Жизнь прекрасна и удивительна, господа присяжные заседатели!

...Радость потому и ценится, что она слишком быстротечна. И в моей душе не долго волнующе играла сладостная музыка горних сфер, уступив — природа не терпит пустоты, говоря словами мудрого Лейбница — место «хрустальным бубнам печали» — по Гарсиа Лорке. Назавтра и началось мое почти месячное хождение по мучкам «оцифрованной почты». Долго и мучительно-нудно, Адрейныч, подробно рассказывать, до курантов с оливок времени не хватит. Потому до предельной краткости все скомкаю: все прошедшие четыре недели, что я регулярно, словно устроился по совместительству на полставки, ходил на почту. Уже и не говорю — ночью во снах эти хождения дублировало подсознание, приукрашивая до изумительного невероятия вроде бы обыденные, хотя и несурзные, хлопоты ходатая по заранее обреченному на неуспех делу.

Словом, первую неделю, каждодневно поутру, я убеждал еще не отошедшую от нирваны медового месяца начальницу, что программа *on line* по обслуживанию физических лиц (при этом для полной наглядности я по-пионерски указывал большим пальцем правой руки на самого себя) в части абонентских ящиков существует. Та садилась перед компьютером, нажимала буквы на клавиатуре, потом в полном отчаянии вздыхала полной (где-то ближе в третьему размеру после медового месяца...) грудью и... молчала. Марине Витальевне звонить она робела. Закончилась неделя тем, что я набрал на мобильнике номер обладательницы замечательного контрольного, назвал себя и передал гэджик начальнице. Та выслушала, с убитым видом согласилась и опять скорбно замолчала.

Следующая неделя не отличалась от предыдущей: начальница искала в «компе» таинственную программу. Не находила. На третьей седмице вроде как нашлась. Обрадованная и измученная моими (по почтовой части) домогательствами, начальница ввела-таки в программу данные моего паспорта и «льготных» документов, распеча-

тала в трех экземплярах и протянула мне со словами: «Оплатите в Сбербанке». Уже ко всему настороженный, внимательно прочитал и пришел в ужас: с меня за год абонирования причиталось 5801 рубль 62 копейки. Даже обрадовавшаяся было начальница (как выяснилось, я являлся единственным физлицом в отделении по части абонирования, един как перст назойливый...) согласилась: это многовато. «Зайдите через пару дней. Будем уточнять». Через два дня на третий распечатка выдала сумму в 271 рубль 00 копеек. Я еще более засомневался. К тому же на отпечатанном договоре не значились реквизиты оплаты, что явно свидетельствовало об оплате наличными здесь же в отделении. Оставив оба вопроса (сумма + место оплаты) снова горестно замолчавшей, как будто увидевшей две полоски на известном тесте (а погулять еще хочется год-другой...), начальнице, я ушел до следующей, четвертой по счету, недели. И до сегодняшнего, предпраздничного дня распечатки выдавали самые странные, то высокие, то явно заниженные, цифры, но никак не желала программа пропечатать искомое пятьсот пятьдесят семь рублей... без копеек. Единственное, с чем горестно согласилась начальница, что платить мне следует не в банке, а здесь, на месте. Но она не знала: по какой документной форме оформить мою оплату и как совместить компьютеризацию почтовой услуги с бумажной квитанцией... без четко обозначенной этой самой формы?

Вчера она же обещала клятвенно, оставив иные дела на потом, окончательно «*разобраться с вами в этом году*». Сегодня же с утра, хмуро поздоровавшись, объявила, что компьютер еще вчера «заглохло». — Приходите в следующем году; мы с третьего января начинаем работать».

Стиснув зубы, я невидяще оглядел примолкших почтарок и бледной тенью выскользнул через приотворенную евродверь.

◆ — Да-а, Васильич, дела-а... Я тоже порой думаю: а может проще следует жить, как все люди, смотреть по «ящику» футбол, вечером — Вову Соловьева и Малахова, купить задешево подержанную *б/у* — 4 «инмарку» калужской отверточной сборки, бросить цыбульки смолить, избегать застолий в «Наливайке» и, извиняюсь, вот в этом кабинете...

— Заодно на манную вегетарианскую кашу переиди и заставь себя поверить в благо экономических реформ и неуклонный рост материального благосостояния! Эх тебя, Андреяныч, с двух-то стопок шибануло в благонамеренность!

— Нет, утрирую, конечно. Просто досадно за тебя стало: архизаслуженный профессор как жертва цифрозамещения... Разливай на правах хозяина. Заиграем, как говорится, обиду... Вот хорошо-то пошла!

— Закусывай, Андреяныч, бутербродами с икоркой. И рыбку красную вниманием не обдели. Не экономь, не у себя ведь на кухне, ха-ха-ха!

— Ну и хорошо, герр профессор. Вижу, с юморком тебе и ровное, предновогоднее настроение вернулось. Тем более, история обратного хода не имеет, а на пути ее в будущее постоянно все усвершенствуется...

— Несомненно, Андреяныч, совершенствуется, но только в сторону *расчеловечивания* — термин нашего выдающегося философа-социолога Зиновьева. Бывший же человек разумный все больше погружается в виртуальную реальность, в *on line* пресловутую. Это наше поколение еще осознает цифрозамещение болезненным, все более и более вспухающим, наростом. Своего рода наше донкихотство, этакая безнадега, фантастическая ностальгия по недавнему еще прошлому. Почему фантастическая? — Да по той простой причине, что это прошлое, которое все продолжает по инерции нам казаться «протянутым» в настоящее, уже пройдено историей, то бишь социальной эволюцией, поэтому все наше с тобой и вообще со счетным числом людей сопротивление тому же цифрозамещению есть сражение с ветряными мельницами. Мы цепляемся за обломки того, что отброшено ходом истории, чего вернуть

нельзя. И не только вернуть, но даже в личной повседневной жизни невозможно для себя же самого отстоять. Как на подводной лодке, идущей на глубине погружения, нет способа отъединиться от коллектива, от команды... если только в гальюне? Но это на считанные минуты. Там с газеткой не посидишь!

— Выходит, уважаемый профессор, всякий отторгающий себя от оцифровывания и виртуального бытия следует учению Толстого: начни с себя самоусовершенствование? Из окон твоей квартиры, Васильич, виден памятник Льву Николаевичу. Не он ли «магнетически» навевает всякие антитолерантные, явно неполиткорректные мысли о болезненной сущности оцифровывания человеки наших дней? Ха-ха, смеюсь, конечно.

— А можно и без смеха. Значит — навевает. На то и ставят памятники. Каждой эпохе — свои монументы. Вот сейчас, в наше время активного цифрозамещения и всякой *толерастии*, повадились по городам и весям с холерически-эпидемическим усердием где ни попадя раскидывать пародии на скульптуру, герои которой — от черепашек-ниндзя до уродцев, якобы обозначающих литературных героев книг. Судя по всему, штампуют их по компьютерным программам в пресловутом «3-D».

...Нет, Андреяныч, толстовство есть то же самое донкихотство. Кстати говоря, всеобщий отрицатель современной ему цивилизации и, как сейчас принято говорить, успехов науки и технологий, Лев Николаевич редко ошибался в части прогнозов — от их исторического корня. Не помню название одного из его «нигилистических» очерков, но совершенно справедливо и провидчески, на примере изобретения Иоганна Геннсфляйша Гутенберга, показал: всякое усреднение в обиходе людей по части доступности чего-либо неизбежно ведет к опрощению этого «чего-либо». Сказал же просто, что книгопечатание явило миру и цивилизации самое мощное средство усреднения человечества в невежестве! Это я своими словами, по памяти, передаю. Но ведь так и есть, дорогой мой. Неофитов и дилетантов дает ознакомительно-поверхностное восприятие запечатленной в книгах мудрости. И выдающийся наш поэт, современник Льва Николаевича, еще раньше в точку попал: «Мысль изреченная есть ложь».

А оцифровывание человеки в наши дни, создающее гидру «компьютерного мышления», при абсолютном уравнивании умственных проявлений еще и ставит таковым самую низкую планку...

— Как у твоих почтарок?

— К счастью, Андреяныч, они не мои: ни в каком качестве. Разумеется, не с Толстого началось предвидение превращения человечества в усредненный по цифровому мышлению человеки. Все идет уже от первых, ранних греческих философов — эпических теокосмогонистов и атомистов. Кстати говоря, Томас Мор в своей «Утопии», сам того не ведая, а может гениально предвидя за четыреста лет до нас — не зря состоял в должностях председателя палаты общины и лорда-канцлера! — описывая принятые у утопийцев развлекательные и поучительные игры, отмечал особо: азартные, навроде костей, им неизвестны, а в массовом употреблении родственное принятым у нас <то есть в Англии, в Европе> шахматам *сражение чисел*. Суть такой игры состоит в объединении усилий пороков, пронумерованных *цифрами*, борющихся с таким же образом *оцифрованными* добродетелями. В такой игре весьма доходчиво показывается спор пороков в своей «компании» и, напротив, единство и согласие в достижении выигрыша пронумерованных добродетелей...

— Ха-ха-ха, надо же! Ну и лорд, ну и канцлер сукин, извиняюсь перед предшественником научного социализма, сын! Прямо как у Ильфа — Петрова в «Золотом теленке» ребусник старик Сеницкий сочиняет для газеты алгеброид, в котором сложными арифметическими операциями доказывается преимущество советской власти по отношению ко всем другим властям. Наверное, по такому же подобию сражения

чисел и мыслится новомодная «цифровая экономика»: преимущество рубля над всеми иными валютами. Но это пусть Владимир Соловьев или кто иной из пиар-телеведущих трудовому народу разъясняет. По магистральной же теме нашего разговора дозволю, герр профессор, поинтересоваться: почему во всех западных странах, промышленных восточных тож, глобалистские штучки навроде оцифровывания всего и вся, различных вольнолюбивых толерастий как-то ровно и гладко, без надрывов и сбоев проистекают, а у нас все по Черномырдину: «Хотели как лучше, получилось как всегда!» То есть, хотя и доцент, но не совсем дурак, в общих чертах все понимаю, но ты умеешь в строгую логику понятий и фактов привести...

— Логика, Андреяныч, здесь сверхпроста, не выходит за рамки Евклидовой и Аристотелевой... впрочем, на заданный тобою вопрос уже ответил почти столетие тому назад такой авторитетный человек как Лев Давидович Троцкий!

— Васильич, с какого перепугу ты в троцкисты записался?

— Я по моему характеру отродясь никуда не «записывался» и не «примыкал». Просто на днях дома искал одну книжку, точнее философские сочинения Ламетри, а как ты прекрасно знаешь, это все одно, что отыскать иголку в стоге сена, на моих-то стеллажах в три ряда... Ламетри так и не нашел, после новогодних каникул проще взять в университетской библиотеке, зато попался томик Троцкого — купил еще в самом начале девяностых, да как-то запямятовал про него в бурных перипетиях тех «лихих» лет. А сейчас с неподдельным интересом знакомлюсь. То есть надо отличать Троцкого, как «иудушку» по ленинскому определению и автора теории перманентной революции, и Льва Давидовича — образованного гуманитария, знатока искусства и литературы, высококлассного публициста, причем не только политического. А в части ответа на твой вопрос — его фраза, тотчас запавшая в память: «*Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику*».

То есть не следует стыдиться, «догонять и перегонять» — начиная с Петра Первого мы все силится, отказавшись от самобытной, полуазиатской автаркии, поспеть за Европой, которая в движении социальной эволюции, увы — и это есть сугубая реальность истории, — обогнала нас если не на тысячелетие, то уж на три-четыре века точно. Я не про науку и технику говорю, здесь дело поправимое: Советский Союз с «ледоколом» Сталиным — Троцкий бы не сдюжил! — за считанные десятилетия, включая Великую Отечественную, догнал и в чем-то перегнал Запад. И *абсолютно перегнал* уже на столетия в эксперименте Истории по созданию социально ориентированного общества-государства! Но у нас не было традиции эллинского и римского мира, а главное — не присутствовал феномен Возрождения, который, с одной стороны, явился знаком «предбуржуазья», но с другой — аккумулировал в себе все предбывшее из истории цивилизации и культуры, начиная с их европейского корня — Средиземноморья. И этот-то «аккумулятор» дал мощный заряд энергии небывалого взлета общей культуры, искусства, философии, естествознания... словом, всего того, что составляет непреложный духовный и мыслительный остов эволюции социума и отдельного человека — дал на весь период взлета, стабилизации, трансформации в глобализм европейской буржуазной общественно-экономической формации. Догоняющей же России История на весь период возникновения и развития этой формации «щедро» отпустила точное число лет: от 1861 по 1917 год. Понятно, что нынешнее *status quo* нашей страны никакого отношения к «капитализму» не имеет: после исторического эксперимента социально ориентированного СССР бывшую 1/6 часть земной суши мгновенно поглотил омут глобализации. А это уже иная ипостась: глобализм суть высшая стадия империализма и тягостный переход к уже *всемирному* социуму. Здесь провидчески правым оказался как раз Карл Маркс! Другое дело, что этот «всемирный коммунизм» заставил бы современного нам человека ужаснуться:

полное социальное и иное равенство роботов, винтиков виртуальной в своей основе глобалистской машины-молоха. И это равенство прежде всего в полном подавлении индивидуального мышления — роботу оно не требуется. Словом, «фюрер за нас думает», то есть виртуальный Великий Глобализатор! Кстати, «золотых унитазов», которые наши основоположники коммунистического учения прямо взяли из упомянутой «Утопии», там тоже не будет: все золото, исчерпав исторически роль денежного базиса, пойдет на микросхемы-процессоры суперкомпьютеров...

— Осади, осади, Васильич! Не вскакивай, выпивши, на любимого конька! Поводья растеряешь, понесет тебя! Ты ведь сейчас не передовицу для очередного номера своих «Феноменов разума» выговариваешь. А в отношении слов твоего нового друга Льва Давидовича о «сокращенном европейском учебнике» и только что произнесенного комментария понимаю так: потому у нас все «по-черномырдински», с ног на голову и наоборот, бюрократически суконно-цинково, задом наперед... словом, открывай словарь Даля или трехтомник Афанасьева и все нелестные для русского характера пословицы-эпитеты оттуда черпай без усталости! — именно потому, что в европейской традиции имеется основательный базис, позволяющий ровно, последовательно, не перескакивая через века и десятилетия, даже через считанные годы, двигаться в неумолимом эволюционном прогрессе, а у нас — вынужденное торопыжество. Это как две пушки: безоткатная с ровной скоростью снаряд за снарядом выплевывает, а которая с откатом торопится угнаться за такой подружкой, но принцип действия у нее такой, что очередной выстрел должен дожидаться возврата стола на исходник! Вот отсюда — я уже не о пушке говорю — и анекдоты, являющиеся былью, о современном нашем оцифровывании. Постоянно нас попридерживает реверсностальгическое цеплянье за «прекрасное прошлое»... которое и было таковым, но ход Истории все человечество метлой глобализации подгоняет.

— Сразу, Андреяныч, видно матерого оружейного и ракетного конструктора! Пример же с откатной пушкой просто великолепен: несколько слов — и все ясно-понятно... не хуже, извиняй великодушно, чем у Троцкого. Отсюда и загадка для народа: что такое «цифровая экономика» и зачем она нужна; объемы нефти и газа и так счетчики на трубопроводах выщелкивают исправно: они не китайские, но солидных американских и европейских фирм. Я же эту загадку на своей шкуре в почтовом отделении только что апробировал, потому сам себе глупых вопросов не задаю. Давай, мой друг, отойдем от дел наших скорбных хотя бы на часок-другой. Наполняй! За уходящий год! Ничего о нем доброго в голову не приходит, но — прожит и то хорошо. Будь здоров!

* * *

От автора. Не то чтобы являюсь кондовым реалистом, но при написании своих вольнолюбивых сочинений на заданную тему постоянно держу в голове то ли свой афоризм, а может и прочитанное <неакцентированно> некогда в умной книжке: ни одна фантазия не создаст такого монстра, которого порой нам ненавязчиво подкидывает самая обыденная жизнь. Это не своеобразное tentatio Dei (искушение Бога, лат.), дескать, «мир наш полон радостных чудес, зеленеет лес...» и так далее из давней оптимистичной песенки.

...Тем более, «в реальности вера не от чуда рождается,— писал Достоевский,— а чудо от веры». И такие чудо-монстры, как гласит наука психология, создаваемые фантазиями досужих людей — скучающих по замужеству перезрелых барышень или собственно литераторов фантастического жанра,— живут исключительно на субъектах и объектах реальной жизни, но только в трансформированном виде: гипер- или гипо- масштабированных. То есть выше себя не прыгнешь (даже спортсмены по части прыжков в высоту, например, легендарный советский Брумел, и то

делают это с использованием шеста...), не дано человеческому разуму придумать нечто, не имеющегося в объектах или законах материальной основы. Это с огорчением признают даже субъективные философы-идеалисты, тот же Шопенгауэр, наиболее далекие от диалектики и материализма.

Сказанное только что — не каскад красноречия, обычно охватывающего сочинителей на указанную, см. выше, тему ближе к завершению своего *opus'a*. Нет, это только пояснение к личной авторской манере: самые невероятные и занимательные сюжеты брать все из той же архиреальной жизни. Самое интересное, давно за собой замеченное: если «вставишь» в сюжет, тем более в фабулу, откровенную фантазию, то и чувствуешь себя во время написания *opus'a* и долго-долго после его опубликования несколько неуютно. Все мерещится: отыскался-таки читатель, а может и целых два, моего сочинения, оторвался от телека с футболом и сериалами, от зарабатывания деньжонок на замену автомобиля более престижным в их дворе, и на пропитание если останется что, взял в руки журналчик или книжку, нимало дивясь, что есть еще досужие сочинители, главное — сам не научился читать что-либо помимо рекламы <на авто> и двух-трехстрочных e-mail'ов, и осилил, хотя с трудом, мудроватый рассказик. И все мне мнится: вот читает, морща от непривычных умственных усилий лоб, некто N. или M., потягивает пиво, хрустит чипсами и в душе ехидничает, дескать, и я, кабы имел свободное время, не хуже бы нафантазировал... нет, сочинитель безгонорарный, ты мне, труженику ООО «Русский банан», правду-матку жизненную выдай на гора!

...Вот в таком опасении избегаю беспочвенных фантазий разыгравшегося вдохновения, но беру исключительно эту самую, востребованную <виртуальным> читателем правду-матку. Так и эпизод с перипетиями моего героя профессора Игоря Васильевича не с потолка взял, но услышал под самое окончание минувшего <футбольно-пенсионного> года от своего знакольца, по роду своего увлечения коллекционированием... впрочем, не важно чего, не популяризовавшего в наше «предпринимательское» время свой домашний адрес, а потому абонирующего почтовый ящик. Посочувствовал ему, пожелал в наступающем году все же одолеть почтовую цифрофрению. Уже в новом году опять же случайно встретил коллекционера в преддверии весны. «Ну как,— спрашиваю его,— одолел тружеников Наркомпочтеля?» — «Куда там,— обреченно махнул рукой,— уже и начальница почтового отделения забеременела, впрочем, от законного мужа, и неоновую вывеску над евродверью этого заведения соорудили, а со мною воз и ныне там. Все программа компьютерная продолжает выдавать несуразные цифры. С Мариной Витальевной с почтамта заочно почти что подружались, подолгу телефонные беседы ведем. Она меня жалеет, все сокрушается: терпите, мол, Борис Семенович, либо мы ц и ф р у п о б е д и м, либо, по нашему обычаю, завершится горячка кампании, вернемся к бумажным бланкам. Вся-то недолга! Голос у Витальевны очень уж чувственный... эх, мне бы лет двадцать скинуть! На майские праздники слетаю в Израиль, навещу в Ашдоде дочь, внучат потетешкаю. Заодно на тамошнюю почту наведуясь, поинтересуюсь ихними делами с поголовным переходом на ц и ф р у. Может что подскажу Марине Витальевне». — «А как же сейчас свои письма, бандероли и посылки получаете, дражайший Борис Семенович?» — «Да чего проще! Я намекнул свежебеременной начальнице почты, что племянница моя — опытная врачиха-акушерка в областном роддоме, а та алаверды «в долг» разрешила пользоваться абонентской ячейкой. «До окончательного решения вопроса», — как она сказала».

Господа-товарищи! До чего же весело во все времена жить на Руси!

Виктор Мельников
(г. Коломна, Московская область)

ПОПУТЧИКИ

Виктор Семенович Мельников родился в казахском селе Казанка, много ездил по стране. Около двадцати лет прожил в Риге. Работал в газетах. Снисходительно-комплиментарное напутствие посчастливилось получить от маститого мастера прозы — Николая Задорнова. Романтика Старой Риги оказала большое влияние на творческое развитие. Но пришло время по известным причинам в августе 1991 года расстаться с Латвией...

Подмосковная Коломна стала для него «милым пределом». В этом городе он не только написал лучшие свои произведения — ему удалось основать издание «Коломенского альманаха», настоящего творческого Дома для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны. Вышло уже двадцать томов журнала, и коломенский ежегодник давно снискал заслуженную славу в литературном мире России.

В его активе двенадцать книг прозы и поэзии. Его произведения печатаются во многих российских журналах; член Союза писателей России, главный редактор литературно-художественного издания «Коломенский альманах». Председатель творческого объединения профессиональных писателей Коломны.

Август шлепал босыми ногами по асфальту вокзального перрона. Близилась календарная осень, но жаркое лето и не думало уступать холодам. Станция «Голутвин», как всегда, была похожа на растревоженный муравейник. Людские ручки двигались по эстакадам и линиям перронов, водоворотами закручивались у дверей небольшого вокзала. Голос с характерной диспетчерской интонацией раздавался из динамиков, грохотали мимо товарные составы, шипя, раскрывались и закрывались двери электричек; в общем, царил обычная привокзальная суматоха.

Зуев уже сидел в вагоне электрички и наблюдал из окна за людьми. Судя по седой голове, ему перевалило уже за шестьдесят. Но вот так прямо назвать его стариком было нельзя. Иван Николаевич, скорее всего, выглядел мужчиной красивого старения. Высокие скулы и заметная линия острого подбородка только молодили его. Он был одет в элегантный замшевый пиджак, претенциозные выцветшие брюки и никак не выглядел мужчиной старческих лет.

Вдруг внезапная картина за окном хлестнула его по глазам, наполнила короткой и острой болью. На перроне стояла Ирина — живая и красивая, и ветер трепетал в ее вьющихся светлых волосах и складках легкого платья. Но вот девушка обернулась, солнечный блик скользнул по ее лицу — и это уже была не Ирина. Она и не могла ею быть, потому что его Ирина умерла много лет назад.

Зуев вытер неожиданную испарину на лице и глубоко вздохнул, стараясь успокоить тревожно пульсирующее сердце. «С чего это? — пронеслось в голове. — Как можно так обознаться?! Столько времени прошло... И где твоя юность?»

Поезд тронулся.

Электричка отправлялась в Москву.

В Коломне пятигорский экспресс не останавливался, так что Зуеву еще раз предстояло проехать знакомым путем.

Когда электричка подошла к Казанскому вокзалу, его пятигорский поезд уже стоял на своем пути. В купе он был пока единственным. В окно вагона уже заглядывал вечер. Солнце устало провожало уезжающих. Платформа, легко вздохнув, отдыхала от летней жары. И уже чувствовалось, что не за горами то время, когда небо затянется серой шалью и на землю ляжет долгая-долгая зима.

Купе заполнилось как-то разом. Соседи поднимали нижние полки, укладывали чемоданы и сумки. Все обошлось без споров и обид. Хотя, на первый взгляд, вещей было столько, что, казалось, их не уложить и в целом вагоне. Все рассовали, убрали, на виду остались только пакеты с продуктами. От них запахло копченостями, душистыми яблоками и сладкими подмосковными грушами.

Начали знакомиться. Место на верхней полке на половине Зуева досталось молодому военному. Выглядел он почти юношей. Если бы не военная форма с лейтенантскими погонами, ему вряд ли можно было бы дать больше двадцати лет.

Напротив расположились две женщины. Одна — молодая, с кудрявыми рыжими волосами, в джинсовых брюках. Другая — деловая и в возрасте. Но выглядела неплохо. Лицо смуглое, без морщин, красивое. За привлекательной внешностью угадывался решительный характер.

Молодого лейтенанта звали Андреем, рыженькую с кудряшками — Зоей, а вторая женщина представилась Анастасией.

Зуев любил такие путешествия, такие встречи, когда в считанные часы незнакомые вроде люди становились близкими и даже родными. Поезд летит в даль далекую, сквозь время, сквозь бесконечные русские просторы, а в нем, в этом поезде, складывается свой мир — под присмотром рачительной проводницы, которая должна забрать билеты и выдать постельное белье, да и чаем напоить. Сегодня она что-то запаздывала. Зоя выглянула в коридор, посмотрела в обе стороны и сказала:

— Нет никого.

— Титан, наверно, разогревает,— предположила опытная Анастасия.

— На службу едешь, сынок? — поинтересовался у своего соседа Иван Николаевич.

— Да нет, по личным делам,— уклончиво ответил лейтенант.

— Наверное, за невестой? — попытался угадать Зуев.— А потом куда-нибудь вместе на Камчатку?

— Женат я уже,— улыбнулся военный и показал старику правую руку с обручальным кольцом.— Дома она. Скоро наследника мне родит.

— Ну и правильно,— одобрил Зуев и улыбнулся.— Такое дело — чем раньше, тем лучше.

Он хотел еще что-то сказать, но в купе вошла проводница.

— Вот вам, мои залетные, свежее белье,— заворковала с порога хозяйка вагона, улыбнулась всем широкой улыбкой и ловко бросила два пакета около мужчин, два других — около женщин.— Платить за него не надо: оплата входит в стоимость билета. Теперь посмотрим ваши билетки...

А поезд уже миновал Коломну, вырвался за город и летел серой стрелой мимо старых заводских кварталов. Уже мелькнула стрельчатая готика Голутвина монастыря, сверкнула под мостом широкая Ока, Щурово миновало с его «византийским» храмом, а впереди уже показалось таинственное Чернореченское лесничество, когда-то воспетое самим Куприным...

Иван Николаевич философски произнес:

— Надо же, жили до этого, друг друга не знали,— и вот вместе едем, в одном вагоне. Может, пройдет время, и каждый еще не раз вспомнит этот наш «круиз». Я вот, например, с пацанских лет люблю путешествовать. Мне в вагон что заскочить, что выскочить — без разницы.

— А я часто езжу по этой дороге, но ни разу ни с кем не пришлось встретиться по второму кругу. Это сколько же народа едет! — заметила Зоя.

— Челночница, что ли? — поинтересовалась Анастасия.

— Да какая там челночница?! — возмутилась молодка.— Еду домой, к маме, за ребенком. Он все лето у нее. А теперь вот надо в школу готовить. Как будем жить? — вздохнула Зоя.— Мы ведь со Стасиком вдвоем. Отец от нас ушел в другую семью. Как бизнес завел, денежки появились,— так мы стали ему больше не нужны.

— Что, совсем не помогает? — удивилась Анастасия.

— Да помогает... — тихо отозвалась женщина.— Но это такие крохи...

И повлажнили ее глаза...

Сменялись вечерние пейзажи за окном, постукивали на стыках колеса, а в купе звучала обычная история. Денег еле на еду хватает, а надо еще ребенка в школу собирать, и с работы не уйдешь, а работа — укладчицей, и в тридцать лет уже руки болят, и непонятно, как до пенсии дожить...

Но только зашел разговор о пенсии, Анастасия не выдержала и разразилась по адресу как правительства в целом, так и отдельно взятых министров такими сложными и непечатными выражениями, что даже Зуев с молодым человеком смутились.

— Ты-то молодая,— говорила она, сцепив подрагивающие пальцы.— А мне вот, к примеру, что делать? Не в пенсии дело — на нее, знамо дело, не проживешь: все равно придется горбатиться, пока можешь. Но все же была хоть какая-то подачка от государства, так и ее эти... отобрали!

— А я вот что хотел сказать,— вмешался в разговор Зуев.— Конечно, какую ни возьми историю — везде виноват мужчина. Но это не совсем так. Тут вопрос в психологии. Здесь дело больше не в том, что все мужчины подлецы, просто мы не любим жить спокойно и тихо.

Анастасия не выдержала и, как вихрь, налетела на него:

— Ну ладно: женщину ты разлюбил, а ребенок в чем виноват? Да если бы и мы так поступали, человечество давно бы вымерло. Слабаки вы по жизни, вот что я скажу!

Но тут из коридора послышался голос проводницы. Она разносила чай.

— А не пора ли и нам стол собрать? — встрепенулся Иван Николаевич, уже пожалев, что вступил в разговор.— А ну, пойдем, командир, на рекогносцировку,— и они вдвоем с Андреем вышли в коридор.

Стол накрыли такой, что хоть свадьбу справляй! Копченая курочка, с десяток яиц, помидоры, огурцы, аккуратно нарезанный карбонад, дюжина домашних пирожков... Многое даже не поместилось на крохотном пространстве стола. Андрей включил местное радио. И по купе полилась знакомая музыка. Зоя вспомнила:

— Так это, кажись, из фильма «Русское поле». Там еще Мордюкова играла!

— Золотой фильм! — согласился Зуев.— Какое время было! — вздохнул он.— Ведь почему тогда легче жилось? Да потому, что родину любили! А сейчас кругом одно предательство и нищета...

А за окном, словно в подтверждение его слов, расстились некошеные поля, навевая непонятную грусть.

Под музыку еда пошла бойчее. Скоро от курочки остались только косточки. Одним стаканом чая тоже не ограничились: бегали за кипятком по нескольку раз.

А из динамика все звучали и звучали новые мелодии. Все оживились, когда запела Пугачева:

*За окном сентябрь
Провода качает,
За окном с утра
Серый дождь стеной.*

Анастасия немного поуспокоилась, и за горячим чаем как-то сам собой сложился ее рассказ о другом сентябре, почти таком же, как нынешний, только много лет назад.

Она только-только вышла замуж. Было, вроде, все хорошо. Быстро забеременела. А тут вдруг у мужа появилась сумасбродная идея: переехать жить к его родителям на Украину, в Донецкую область.

— Богдан, да как же так? — расплакалась жена. — У нас все тут устроено: квартира, работа, да и мне скоро рожать. — Она сложила руки под животом. — Какой тут переезд? И как я там одна буду? Языка вашего даже не знаю.

— Почему одна? — продолжал он ее уговаривать. — Мы вдвоем. Да и поедем не в чужие края, а к моим родителям. И какой «язык» ты еще придумала? Донецк — это же русский край. Да и украинским не стоит смущаться. Пару недель поживешь — и лучше меня на мове разговлять будешь!

Богдан нервно ходил по комнате. Ему явно не нравилось, что жена не соглашалась с ним. Но от своего намерения не отступал. «Уговорю! — думал он. — Куда она, беременная, денется?»

Но Анастасия продолжала настаивать на своем. Ей казалось сейчас, что она не только за себя сражается, но и за того маленького человечка, который уже зародился внутри и который обязательно потом у нее спросит: «Мама, а зачем ты так поступила?»

— Я понимаю, — соглашалась она с ним: — Украина твоя родина, но и я тоже не без родины живу! — выкрикнула она. — Ведь это большой грех — оставлять свою землю. Здесь у меня все! И могила моей мамы, между прочим. Мне ее тоже бросить? Без меня же все здесь зарастет травой!

Слово за слово — и поругались они: глупо, нелепо, на пустом месте.

И он ушел. Беспорядочно покидал в чемодан свои вещи и, хлопнув дверью, вышел из дома. Только в прихожей остановился и крикнул напоследок:

— Дура!

Рожала Анастасия действительно одна. Сына назвала Сергеем. Богдан больше не появился. Ни через год, ни через пять лет — никогда. Поступил работать на отцовскую шахту, начал новую жизнь, женился на другой, дочка появилась.

— Тяжело это простить, — поглядывая в окно, тихо сказал Зуев.

— Да некого прощать, Иван Николаевич... — с каким-то надрывом отозвалась Анастасия. — В четырнадцатом году отдыхали они на пляже, а тут украинский самолет... Ну и покрыло всю семью — всех троих разом. Не послушался он тогда меня... а я ведь чувствовала: ничего хорошего из этого переезда не получится. И как в воду глядела...

Тишина повисла в купе, только слышно было, как позвякивают стаканы в подстаканниках.

— Ну а вы, Иван Николаевич? Далеко ли едете? Небось, к внукам в гости? — спросила Анастасия, смахивая молчание, словно паутину.

— К дочери, — с какой-то важностью уточнил Зуев. — Никогда ее не видел. Даже не знал, что она у меня есть.

— Вот тебе и новость, — удивилась Зоя. — Как это — «ни разу не видел»?

— Да вот так, — грустно усмехнулся мужчина. — Позвонили с телевидения, ска-

зали, что меня разыскивает дочь. Как меня нашли — ума не приложу! Проверили — все подтвердилось. Вот и еду сейчас к ней. Вроде вины моей нет, а все равно как-то не по себе.

— Как это «вины моей нет»? — возмутилась Анастасия, больше всех нахлебавшаяся горя на своем бабьем веку. — Бросил семью, а теперь...

— Да погодите вы мерить всех своим аршином! — возмутился Зуев. — Не женат я был! Служил в тех местах. Дружили с ней... Она в общежитии жила. Тоже, как и я, детдомовская. Думали, отслужу — вместе жить будем. А получилось по-другому... Когда до дембеля оставалось несколько месяцев, приехали к нам в часть «покупатели» из Сибири, с «ящика». Искали квалифицированные кадры для работы на режимном предприятии. Жилье обещали... Я и согласился. Ирине, конечно, все рассказал. Ну, мы и решили: как только квартиру получу, так сразу же вернусь за ней. Ни про какого ребенка она мне не говорила. Ну, а там, в Сибири, все завертелось, закружилось... Сибирские девчата бедовые. И опомниться не успел, как женился. Виноват, конечно: Иринке даже открытки ни разу не написал. Думал: ну что, жена она мне, что ли? Но долго в Сибири я, конечно, не задержался. Я ведь парень головастый был: заметили, послали учиться в московский вуз. А когда закончил — направили меня работать в Подмосковье. Тамара, моя жена, к тому времени родила мне трех пацанов. Дом построили. Сад вырастили, парней на ноги поставили. И тут такой звонок из прошлого... Собрали мы семейный совет, обговорили все и порешили: надо ехать...

— И сколько лет вашей дочери? — поинтересовалась Зоя.

— Да как тебе, наверное... — смерив взглядом женщину, ответил Зуев.

— А Ирина одна живет?

— Нет у меня больше Ирины... Умерла она, — мрачно ответил собеседник.

— Ну, хорошо, что так все закончилось, — вздохнула Зоя. — А то умер бы и не узнал про родную дочь.

— Да какая она ему родная! — резко возразила Анастасия. — Из роддома не забирал, на руках не носил, в школу не водил... Да что там говорить: даже не помогал. Эх, вы, мужики!

Анастасия была прямолинейна.

Лишь один Андрей заступился за старика:

— Ну, ладно вам, чего вы накинулись на человека! Он вам душу раскрыл, а вы его в самое больное место...

Долго ехали молча. Зуев был сосредоточен и отрешен. А за окном неожиданно пошел дождь, в небе заворочались грозы. Людское молчание и звуки грома словно соперничали друг с другом.

Иван Николаевич сидел, пряча глаза. Откровенный разговор словно перевернул все у него в душе. Он заново передумывал жизнь... Какая-то невидимая граница оказалась пройденной. Это раньше всегда радовался тому, что Бог столько времени даровал ему для жизни. А сейчас вдруг впервые подумал: а жив ли он вообще? Может, его сердце перестало биться еще тогда, когда он обманул свою Иришку? И любил ли он вообще свою жену? Может, все в его жизни было пустотой? Куда-то бежал, чего-то накапливал, а самого главного не достиг... Без любви — это разве жизнь? Ему ли сегодня светит солнце, идет зимой снег, расцветает весной душистыми шапками сирень?..

Сердце стучало тяжело. Жаль было Ирину, жаль было и жену Тамару, которая ни в чем не виновата. Как он посмотрит в глаза дочери, что скажет ей в свое оправдание? И вообще, нужно ли было ему ехать?

Он стиснул зубы, накинул на плечи пиджак и вышел в коридор. Здесь шла своя жизнь. По коридору вагона бегали дети, и Зуев, стоя у холодного окна, иногда оглядывался на их радостную суету. Один мальчик остановился около Ивана Николаевича и спросил:

— Дедушка, а ты что такой грустный? Тебя кто-нибудь обидел?

— Да нет, внучок... Никто не обидел. Это дождь за окном виноват. Потому и на душе так.

Вдруг дверь соседнего купе открылась и оттуда выглянула красивая женщина.

— Васек, ты чего к людям пристаешь? — И, обратившись к Зуеву, спросила: — Он вас замучил, наверно, своими вопросами?

— Напротив,— ответил Иван Николаевич.— Он пытается исцелить меня от меланхолии.

— Не печальтесь. Все у вас будет хорошо! Пошли, сынок.

Юный незнакомец широко улыбнулся Зуеву и отправился вслед за матерью.

От улыбки ребенка на душе полегчало. Иван Николаевич вернулся в купе и услышал веселый голос Андрея.

— Чаю хочется. Вам принести кипяточка?

— Не откажусь.

Парень вернулся с чаем. Анастасия не удержалась и поллюбопытствовала у него:

— Ну, а ты к кому едешь, Андрей? Если это только не военная тайна.

— Да какая там тайна? На родину к деду еду,— признался лейтенант.— Вот везу книгу Лермонтова в его родную библиотеку.

— И всего делов? — удивился Зуев.

— Это на первый взгляд кажется, что это маленькое дело, а на самом деле оно огромное, как человеческая жизнь,— интригуяще ответил ему Андрей.

Все повернулись к парню одновременно с интересом и недоумением.

Лейтенант задумался и начал свой рассказ негромко, словно вглядываясь в глубины памяти.

— Мой дед был на войне с самых ее первых дней. Много он мне про нее рассказал, особенно в связи с книжкой, которая прошла с ним всю войну. Слушая его воспоминания, я уже тогда думал: вырасту и обязательно стану военным!

Деда призвали в армию перед самой войной. Когда собирали вещмешок, кто-то из домочадцев положил... томик Лермонтова. Было бы это в войну, никто бы этого не сделал. Какие там книги! А тут мирное время...

Занесло его из родного Пятигорска на Дальний Восток. Там и застал начало Великой Отечественной... А попал он в знаменитую 32-ю дивизию Полосухина. И непростая это была часть — отлично укомплектованная, обстрелянная. Она очень хорошо показала себя под Халхин-Голом. С тех пор Сталин и держал ее на Востоке: на случай нового вторжения японцев.

Но когда стало ясно, что Япония на Союз не двинется, Ставка решила перебросить дивизию на Западный фронт.

Когда война грянула, деду было столько же лет, сколько мне сейчас. Я вот все думаю — что он чувствовал тогда, в солдатской теплушке, в поезде, который мчался по бескрайней стране...

Отправили их под Ленинград. Рослые сибиряки в полушубках должны были деблокировать осажденный Питер. И вооружены они были не в пример остальным частям. Достаточно сказать, что у них на вооружении было восемьсот с лишним автоматов, а тогда это оружие было редкостью в наших частях.

Но в октябре сорок первого под Москвой стало совсем плохо... Немцы совершили страшный прорыв, остатки советских войск дрались в так называемых «взятых котлах», а дорога на столицу оказалась почти без прикрытия.

И дивизию полковника Полосухина, пятнадцать тысяч сибиряков, перебросили под Можайск, в самое пекло. Там еще народ был: и курсанты, и добровольцы. Но

беда оказалась в том, что силы пришлось «размазывать» по всему фронту в 50 километров, а это даже для полнокровной полосухинской дивизии много. Но делать нечего: вгрызлись в землю и приготовились к жестокой драке. И символично, что фронт прошел по Бородинскому полю, тому, на котором Кутузов встречал Наполеона по дороге на Можайск. Удивительно все совпало: и место оборонительных сооружений, и даже штаб Полосухина расположился как раз в том месте, где когда-то командовал сам Кутузов.

Даже французы были в составе немецких войск — пара батальонов в летнем обмундировании...

Говорят, что наше командование раздало по воинским частям русские знамена 1812 года, которые не успели вывезти из Бородинского музея. Многие сошлось вновь на Бородинском поле, и с обеих сторон понимали, что обратного пути нет.

Так началась страшная мясорубка. Ряд за рядом покрывали русскую землю солдаты французского легиона. Русские и французы стояли насмерть. Немцы перли со всей дури, не только потому, что бесноватые командиры гнали их вперед, но и от того, что чувствовали: еще один удачный прорыв — и Москва покорится. А наши ребята вцепились в родную землю и не отступали ни на шаг. И если совсем недавно артиллеристы батареи Раевского, дивизии Лихачева, Неверовского, Коновницына казались далекими тенями, то в эти шесть дней они как будто вернулись в Бородино...

Все поле было завалено трупами убитых и замерзших, и с нашей стороны картина рисовалась не лучше. Дед мой, глядя на трупы, разорванные в кровавые ошметки, есть даже не мог. А прошло уже несколько дней, и он еле держался на ногах. Спас его пожилой старшина, сибирский охотник, который взял своего рода шефство над парнем.

Запомнилось, когда однажды на полевую кухню привезли макароны, смерзшиеся от холода. И старшина заставлял моего деда сделать глоток водки из фронтowych стаграмм, и после каждого глотка совал ему в зубы кусок этих чертовых макарон...

Страшное дело — война. Звучит банально, особенно для тех, кто не нюхал пороха. А когда человек напрямую сталкивается с кровавой грязью, он начинает понимать, что значат эти слова. Дед рассказывал, как кричали на поле боя раненые французы и немцы. А потом переставали кричать, потому что вытащить их не было никакой возможности, и они просто замерзли, там, у Бородина.

Общее дело сближает людей; есть такое понятие — фронтовая дружба. Но война ведь такая штука: сегодня у тебя есть друг, а завтра... Старый охотник, который его опекал, в бою был постоянно рядом: палил из противотанкового ружья, а дед из автомата лупил по немецкой пехоте. И вот: раздался взрыв. Искореженный ПТУР отлетел в сторону, а старшине осколком полголовой снесло, так, что кровь и частицы мозга забрызгали деду лицо.

А он... А что он? Утерся варежкой и продолжал стрелять.

Почти неделю грохотал этот ад. Дорогой ценой было заплачено за эти шесть дней. Но жертвы того стоили. Из-за таких боев и Москва устояла.

Так вот, когда немцы дрогнули и отступили с поля боя, части 32-й дивизии ответили с передовой, и полосухинцы, что называется, переводили дух, дед, вытащив из вещмешка, раскрыл книгу Лермонтова, и в тесноте, при свете печурки, читал своим товарищам по взводу «Бородино».

«Да, были люди в наше время... Богатыри...»

Бойцы поднимали головы и прислушивались к словам. Раненые просили: «Почитай еще. Ведь это про нас...».

Несколько раз пришлось ему читать эти строки: снова и снова. А потом и другие стихи пошли. И тогда бойцы стали просить: «Слушай, браток, вырви мне одну страничку... Мне от этих стихов на душе теплее станет. Война ведь еще длинная... Не скоро ей конец будет...».

И незаметно том Лермонтова «похудел».

Но дед, вырывая странички из книги и вручая тому, кто остался жив, приговаривал: «После войны обязательно верни в мою библиотеку. И не вздумай помереть!»

И каждый эту страничку клал в карман гимнастерки, где бережно хранил фотографии матери, жены, детей...

А деду осталась потрепанная книга в потертой синей обложке, вот эта, которую сейчас держу в руке. И вроде как талисманом она ему стала. Был покалечен, но остался жив. Ранение было тяжелым: пол-лопатки разорвало осколком от мины. Вначале один госпиталь, затем другой, комиссовали по ранению... Но книгу удалось сохранить. Берег ее всю жизнь. Только отвезти в библиотеку, как планировал, как-то не получалось. В Пятигорск не вернулся: уехал на родину голубоглазой медсестрички, которая его полуживого вынесла с поля боя. А на родину съездить здоровья, да и времени не хватило...

И только перед самой смертью дед поручил это мне. Мы созвонились с той библиотекой. И оказалось, что из этой книги к ним поступило семь страничек! Семь полсухинцев выжили; в память о них эти страницы в музей передали. Не хватало только самой обложки с печатью библиотеки. И вот я теперь везу эту книжку...

— Выходит, ты как будто из того батальона будешь? — задумчиво сказал Зуев, когда лейтенант закончил свой рассказ.— Вроде, как их наследник?

— Выходит, так,— согласился Андрей.— Честно сказать, мне тот Бородинский бой временами снится — будто я сам в том дедовском окопе сижу...

Ночь летела за окнами.

Все притихли, и никому не хотелось продолжать разговор. Да вроде все уже и сказано.

Жаркое летнее солнце насквозь пронизывало вокзал Пятигорска, перед его стеклянными стенами высились стройные ели, на площади ждали пассажиров автобусы и маршрутки. Анастасия и Зоя прощались со своими попутчиками с улыбкой, в которой чувствовалась горчинка грусти — о том, что они уже никогда не встретятся с теми, с кем свела их нежданная судьба.

Прощаясь, Зуев вдруг почувствовал нежданную нежность к парню и по-отечески обнял его. Тот улыбнулся, козырнул спутникам и отправился своей дорогой. Распрощались и остальные трое... Зуев остался один, оглядываясь по сторонам.

И тут внезапная картина обожгла его вторично: у начала платформы стояла его Ирина. Да нет, конечно! Ирина дочь, Татьяна, стояла и вглядывалась в него, и ветерок играл складками ее платья и прядями светлых волос. А рядом с ней кружился белобрысый мальчуган, точь-в-точь похожий на него, Зуева, каким он был много лет назад. Что-то зашипало в глазах у Ивана Николаевича...

Тут Татьяна наклонилась к мальчишке и с улыбкой показала на Зуева. И внук, что-то крикнув, стремглав побежал к деду. И теплая волна воздуха толкнула Ивана в самое сердце.

Василий Федосеев
(г. Саранск, Мордовия)

ПОЭМА ПРЕДГРОЗЬЯ

Автор нескольких поэтических сборников: «Я еще буду в жизни», «Нас называли «камикадзе», «Русь зоревая», «Хлебозары», книга поэм «Земля за шеломенем». Первая часть трилогии «Плутовка», книга Памяти «Чернобыль и Мордовия: грани касания», книга рассказов и очерков «Дан приказ: ему — в Чернобыль». Произведения также публиковались в периодике, коллективных сборниках. Редактор-составитель антологии «Русская поэзия Мордовии» (2012 г.). Редактор-составитель альманахов писателей Мордовии «Ради жизни» (2005 г.), «Отчий дом» (2006 г.), «Корни» (2007, 2008 г.), «Память сильнее времени» (2015 г.).

Солнечная Звездочка, Чачома Тешкс* ему говорила, когда ей было столько лет, сколько пальцев на обеих ладонях: — Я пойду по берегу речки, поклонюсь Ведь-аве**, пусть даст мне красный камешек, ты мне его растолчешь, я выпью с ведь-пря*** и у нас будет сыночек. И сколько мне красных камешков растолчешь, столько у нас будет сыночков. А сколько белых камешков — столько дочек.

Он был Желудь, сын Дубового Кряжа, чуть постарше ее. Они вместе искали красные камешки, но попадались всякие другие, серые, голубые и черные, а красных не было.

Отец Желудя сквозь пальцы смотрел на их игры: пусть мать, Ветка, разбирается. И улыбался лишь.

Отец Родинки, Свирепый Бык, тоже следил за дружбой двух детей. Он сказал Дубовому Кряжу сердито, видно, не умел улыбаться:

— Два коня и два поля отдашь выкупом за дочку, что с Желудем гуляет. За меньшее не получите.

— Пусть подрастут хотя бы,— все так же добро улыбался Кряж,— а то вырастут и разлетятся.

— Все равно отдашь,— скрипел зубами и отводил глаза в сторону Бык.— А не то у меня родная сестра за болгарским сотником. Лишь кликну!

И накликал...

1

Инязор**** Дубовый Кряж сражался словно сам Нишке-паз*****, спустившийся на землю. Он не упал и тогда, когда сзади болгарский воин вогнал ему под левое

---

* Чачома тешкс (здесь и далее: морд.) — Солнечная звезда. Зд. родинка.

** Ведь-ава — богиня воды.

*** Ведь-пря — рассветная целебная вода родника.

**** Ине — большой, великий, зор — хозяин. Зд. великий вождь, князь.

***** Нишке-паз — Верховное божество древней мордвы.

плечо со всего маху копье свое остроконечное. Руки лишь раскинул Дубовый Кряж, будто пытался обнять битву. В одной руке меч, в другой — легкий щит. Булгарские воины попробовали вырвать меч из правой руки инязора, не хватило сил, отрубили правую руку. Затем левую. Богатырь развернулся вправо, влево, поливая врагов своей кровью, а когда земля встала на дыбы и нахлынула вмиг ночь, он провалился в эту темноту, не вскрикнул. Лишь шумно выдохнул.

Когда Нишке-паз в буре и гневе выворачивает с корнем дерева, дубы падают с грохотом, звеня листвою, но без стопа. Они никогда не оставляют после себя корневых побегов. Выживет желудь, значит, через время будет новое дерево. Не выживет желудь, не прорастет — через время от дуба ничего не останется. Ни следа. Да если и проклюнется из желудя росток, то пока из мизинца вырастет великан, не всякий человек дождетса.

Крепок был мараля*, да видно прогневил чем-то своего бога, потому и его не пожалел, не защитил Нишке-паз. Пал Дубовый Кряж от рук булгарских воинов. Многие в той битве пали. И дядька Селезень, и дядька Кулак, и Сосна, и Клык, и другие мужи из племени Дубового Кряжа. Многие были изранены, без сил остались на бранном поле кровью истекать.

Ринулись тогда булгары на Ошпанду** — огороженное земляным валом и крепким высоким частоколом селение Дубового Кряжа — вырвать ростки Кряжа, обрубить корни, растоптать желуди, чтобы никто после не смог отомстить, не стоял бы перед ними страх мщения. Но успели уйти женщины из городища, сокрылись вместе с детьми и подростками в Черном Урмане. В самом глухом лесу приокском. Не сунулись туда булгарские воины, отступились, побоялись местных богов и побоялись лесных урочищ. Очень легко там засады устраивать. Не зря местные племена и жители общин назывались лесными людьми. Лес для них был и домом, и кормильцем, и особенно защитой. И городище жечь не стали булгары, словно приготавили его для кого-то. После поняли, для кого. Для него. Для Быка Свирепого.

И поныне Желудь, вспомнив тот набег булгарский, в бессилии кулаки сжимает. Отмстить хочет.

Прибыли после булгарские посланцы, обещая помилование, но потребовали утопить отвагу отцовскую в Оке-реке. Отдать мечи и доспехи отцов, подобранные сыновьями на поле той кровавой сечи, чтобы не брались снова лесные люди за оружие, чтобы дань платили пушниной да зерном, что умели-таки они выращивать на отвоеванных у леса полях.

Инязором кликнули Быка Свирепого. Кликнули те, свои, с кем пришел, да булгарские посланцы. Городищенские молчали. Некому было супротивничать. Дети и жены на этот сход не были допущены. Калеки, воины Дубового Кряжа, — не в счет.

...Что-то из оружия пришлось отдать булгарину, то, что не успели вытащить и спрятать с поля боя. Многие ушли дальше в лес от булгар. Многие, прятавшиеся в лесах, начали возвращаться в Ошпанду. Не захотели бросить насиженные и намоленные места, места обжитые и где были похоронены косточки родичей. И куда могли вернуться, а иногда возвращались из половецкого и булгарского плена родные или одноплеменники. И куда должны были возвращаться прятавшиеся по лесам.

Платили дань. Копили силы. Зверя ловили силками, брали на рогатину.

Мужи называли себя *морденс*, жены — *ава*.

Хорошее место было у Оки-реки, где Ошпанда — городище их находилось. Приходили сюда дальние соплеменники, говорившие с ними на одном языке. От рек Су-

---

* *Мараля* — богатырь.

** *Ошпанда* — острог, городище, укрепленная твердь.

ры и Мокши. От среднего течения реки Рав*. Выживали их оттуда другие народы — хазары, болгары, черемись.

Приходящие рождались, рожали детей.

Втайне подростки рядились в чудом уцелевшие отцовские доспехи, размахивали отчищенными песком мечами. Учились мастерить и натягивать луки. Верховодили подростками из местных Желудь, сын павшего Дубового Кряжа, и Айгар, сын инязора нынешнего. Две ватаги, два вожака смогут ли быть заодно? Пришлые взрослые мужи да подростки парни из обеих ватаг уходили по летнему зною на дальние мшары да болотистые места, искали болотную руду. Работа сплачивала. Нужны были сошники да серпы, да топоры.

Свирепый Бык с болгарами были как одна рука. Потому раньше и не спалили, а лишь ограбили дома городищенские. По уговору. Болгары стан разбили на взгорке, недалеко от городища. Чуть что, Бык посылал верхового в болгарский стан. И болгары — вот они! Открывай ворота Ошпанды, сымай порты! Быковские и болгарские — сам-свой.

Городищенское подрастающее племя косилось, ждало случая.

За рекой Окой жил-был еще один народ. Русские. Рузонь. Так и хотелось крикнуть через всю реку: «Русский! Выручай! Помоги болгарина разбить — будешь белку с дыма иметь!»

Русские частенько в Ошпанду приплывали на майдан: меняли ножи да топоры, да сошники за мед, за беличьи шкурки. Высматривали, выспрашивали. Инязор русский из города Рузонь приплывал: «Кому дань платите, мордены? Булгарам?» Но ничего не обещал. Свирепый Бык сразу посылал за болгарами в их стан. Болгары строжились, плетьюми грозились:

— Придет болгарский каган, он русским задаст жару. Деревянные дома здорово пылают. И вам, *морда-авам*, влетит. Не хотите быть нашими данниками, будете нашими рабами!

Хазары на майдан с низовья Рав приплавливались с товарами тоже. И тоже:

— Кому дань платите? И мы бы вас защитили, если бы нам платили...

Но далеко хазары. Болгары ближе. А еще ближе рузонь. Русский инязор присматривается. С болгарами схватиться — дело нешуточное.

В сторону Чи** за лесами — дикое поле. А там другой народ. Пакся ломанть***. Степняки, или полевцы, как их называли русские. В другую сторону от Чи — русский Владимир-град, богатый и сильный. Но Владимир далеко. За Рузонь, и дальше — за мурома-народом... А болгары, да хазары, да полевцы ближе. У рузонь инязора договор и с теми, и с другими, и с третьими: друг друга не трогать. И платят мордава двойную дань булгарам. Врагам своим. А кому-то друзьям. И не все русские князья с болгарами договор имеют. Если б не Свирепый Бык, друг болгарский, то... К тому же болгары поручили дань собирать Быку Свирепому, а он от той дани и себя не обделит. Кому война, кому — мать родна.

Бык был постоянно в разъездах: все дань собирал булгарам, а себе — подать. Его окружал десяток дружинников. Лишь столько разрешили болгары иметь вооруженных подручных Быку. Все равно верить-доверять опасались даже ему. Потому еще и своих воинов с десяток-другой для стражи и опаски давали ему в подмогу. И для надзора тоже.

Свирепый Бык чуть рассердится, «Убью!» — кричит страшно. На Ветку кричал.

---

* *Рав* — Волга.

** *Чи* — солнце.

*** *Пакся ломанть* — степные люди.

— Не хотите добром отдать землю за Родинку, заберу сам! Ты со своими детьми жива до сих пор потому, что оставил тебя себе в жены. Будешь Куд-авой* у меня.

Ветка и после гибели Дубового Кряжа не покрылась морщинами от печали. Молодые годы печаль пересиливают.

— Или будешь третьей женой мне, или твоих сыновей продам в рабство хазарское! Или убью! — ревел.

Мог и убить. И убивал... Особенно не жалел тех, кто с Дубовым Кряжем бился против булгар. Словно раб, который старается быть злее своего хозяина. Таковы были и его дружинники. Словно враги своему народу. Не жалели даже тех, кто с ними пришел когда-то в Ошпанду, а про местных бойцов против булгар и говорить нечего.

Перед тем Бык долго думал, сопел: что делать со вдовами и детьми их малолетними? Надумал. Пусть живут, пусть растут, как лес после пожара. Пусть работают на полях Быка. Или на общинных полях. Пусть платят дань. И пусть зарабатывают на подать. Пусть рыбу ловят, носят половину Быку. Пусть пчелиный мед собирают, несут половину Быку. Со всего — половина. Пусть чувствуют себя не людьми, а половинками. Это тешило сердце Свирепого Быка. Забывал он о том, что половинки подрастали. Долго ли могут быть люди половинками?

2

Новый инязор Свирепый Бык поселился со своими двумя женами и другими домочадцами в доме погибшего Дубового Кряжа. Самом большом доме Ошпанды, рубленом на русский лад, подсмотренный и перенятый в Рузонь. Светлица да горница, клетки да подклеты. Вдова Кряжа Ветка и сыновья, кроме Желудя, были Веряска с Ведькаем, остались жить в дальней полутемной комнатке на правах то ли бедных родственников, то ли рабов. Ветка опасалась, что Свирепый Бык недолго станет их терпеть и расправится с ней и ее тремя детьми или попросту выставит за дверь. Женой Быка она быть не хотела. Не хотела и все. Сравнить ли Быка с Дубовым Кряжем?!. Что же, что погиб? А в голове все еще живой. В груди — живой.

Однако сын Дубового Кряжа Желтый Желудь пока стал в семье Свирепого Быка, похоже, своим. Играл с детьми Свирепого Быка, своими сверстниками, помогал старшим по хозяйству, когда стал подрастать. Сыновья Быка Айгар, Белый Клок и Коршун, казалось, были Желудю в играх товарищи, а их сестренка, Родинка, была и ему сестрой. Но когда играли с соседскими ровесниками в свои семьи, то Родинка всегда хотела, чтобы Желудь был вместе с ней, чтобы они были как тетя и ава**. Играя, он уходил якобы в поле пахать, сеять. Или на охоту, или на рыбную ловлю, подражая старшим, увиденному или услышанному от них. Она нянчила своих младших братишек и сестричек. Якобы их с Желудем детишек. Лепила из сырого песка лепешки. Желудь возвращался со своего мужского занятия, приносил охапку коневника или борщевки, угощал всех устало. Родинка хлопотала рядом, поливала ему на руки из берестяного туюска, гладила его плечи, обо всем забывая.

К ним пыталась прибиться Баяга*** — дочка убитого рядом с Дубовым Кряжем дяди Кундо.

— Тоже хочу быть женой Желудя. Примите в свою семью. Младшей женой.

Родинка сердилась, надувала губы.

— Нет. Ни младшей, никакой. Ты не дочь инязора. Ты безотцовщина, сирота. Твое место на заднем дворе.

---

* Куд-ава — богиня дома.

** Тетя и ава — отец и мать.

*** Баяга — цветок.

Баяга, потупив голову, соглашалась быть на заднем дворе...

Когда младшие подрастали, на них оставляли других последышей, а Желудь с Родинкой и соседские подростки с ними часто выходили к опушкам Черного Урмана, лесного урочища за городищенскими полями. Там и грибы, и ягоды. На реке снасти рыболовецкие. Свирепый Бык велел Желудю ловить рыбу и приносить в городище ему и для общины, и на прокорм Ветке с сыновьями. По дороге баловались. Представляли своих врагов:

— Я булгарин!..— Или:

— Я полевец!

И бросались за девчонками:

— Догоню, вылюблю!..

Девчонки кидались врассыпную, попробуй догони! Попробуй поймай! Разлетались, как птички, стайкой вспорхнувшие из-под ног. Родинка бежала с Баягой. Желудь всегда бросался за ними, догонял и обгонял Баягу и продолжал бежать за Родинкой.

Она всегда убегала в одно и то же им знакомое место и там приостанавливалась, давая себя поймать. Они сначала вздрагивали от нечаянного прикосновения. Она съезживалась, как пойманный зверек, замирала птенчиком, но вскоре уже не отодвигалась, а, открыто глядя в глаза ему, обнимала его за талию, влекла на пахучую от высоких цветов траву лесной опушки.

— Я жена твоя,— шептала,— ты — мой суженый,— как в детстве, когда играли в семью и свой дом.

И он сперва смущался, а потом стал сам назначать встречу, после того как стемнеет.

— Выйди, Родинка, к амбарам. Выйди, моя Солнечная Звездочка.

И вдруг все оборвалось.

Сначала мать ее, Лисичуха, запретила встречаться им.

— Эй, слушай, дочка! Ты теперь невеста и с Желудем не гуляй! Готовься к замужеству. Найдется добрый человек, выйдешь за него. Хочешь за Желудя? Может, и за Желудя отдаст Бык Свирепый.

За Желудя лишь хотела Родинка замуж. И сам Желудь хотел лишь ее. Она ему еженощно снилась на их цветочной поляне. Он обнимал ее.

— Женился бы на ней,— мать Ветка сказала,— если б Свирепый Бык не просил так дорого. А еще лучше, если женишься на Баяге. Ее мать подруга моя. Баяга без отца, ты без отца. Поля отцовские зарастают, что не успел прибрать Свирепый Бык. Пашите, растите пшеницу. Растите детей с Баягой.

— Вай, не хочу Баягу. Родинку хочу. Она для меня лучше.

— Чем лучше? Две руки, две ноги, голова одна.

— У Баяги — две руки, две ноги. Мне с Родинкой счастье.

— Хорошо, подойду к Быку, еще раз посватаюсь.

Свирепый Бык стал сердитее сначала, а после наклонил голову и сычом хитро:

— Сколько земли осталось, отдашь сыновьям моим. Пока не заросла березняком. Или Желудь с Родинкой пусть себе возьмут все. Если б Родинка, дочка, не полюбила Желудя, сам бы все забрал, спрашивать не стал. А пока прошу...— хмурился, скрипел зубами.

— Нет,— сказала Ветка,— твои дети — это твои дети. А у меня еще два сына. Им кто землю отдаст?! Они уже вырастают, сами начнут обихаживать поле свое.

— Вот сами пусть и корчуют, а ты когда надумаешь замуж за меня? Думай быстрее. Не хочу силой пока.

По законам предков, раскорчеванное морденс поле за ним и детьми оставалось навечно. Корчуй сам, выжигай место — будет твое. Или иди пахать в дикое поле, оно жирно — богатый урожай будет. Но там полевцы, там хазары, там булгары. Там

нужна твердь, городище, крепость для защиты. А и то, разве защитили дубовые стены Ошпанды от болгар?

Помощь нужна от рузонь. Свирепый Бык мог бы с помощью болгар давно забрать любое поле возле Ошпанды. Но из-за реки Оки слухи шли: рузонь собираются на болгар. И путь будет мимо Ошпанды. Булгары, сторожившие мордавов и взимавшие дань с них, неожиданно исчезли.

3

Желудь часто встречался с бывшими ратниками отца, Сиплым Прончатом да Кривым Глазом. У Прончата часть стрелы болгарской в шее, потому сипел. Кривой Глаз раньше звался Долгая Рука за то, что из лука своего далеко и точно в цель бил. Глаз потерял в бою, окривел, стал Кривым Глазом.

Сиплый Прончат говорил:

— Неспроста ушли болгары. Быть войне. Не иначе, рузонь из Владимира надо ждать. Лучше будет или хуже, никому не знать. А вот раньше мы платили дань Рузонь много меньше, чем булгарину. После на русской земле пошли междоусобицы. Свои братья инязоры перегрызлись, передрались. Не до мордавы стало, не до нас.

Кривой Глаз добавлял:

— Булгарские торговые люди рассказывают, что за морем Хвалынским война всюду. Пришел хан Чингиз с восхода, необоримое войско у него. Беспощадное, непобедимое. Кого победит, а кого уговорит, и войско у него растет. И все побежденные народы отдают молодых мужчин в его войско.

Желудь слушал, вникал. Он во многое вникать начал, как стал подрастать.

— Твой отец был инязором,— внушала ему мать.— Многие наши земли у Свиного Быка. Был бы инязором ты, земля была бы нашей. Род большой. Других бы заставили, наняли. Все бы засеяно было. Сейчас много земли пустует. Давай-начинай-работай-думай.

— Твой отец был инязором,— говаривал друг отца и побратим Кривой Глаз.— И сейчас ты живешь в семье инязора. Свирепый Бык взял верх несправедливо. С помощью болгар. Нас склонил дань платить и за себя, и за погибших в битве с булгарами, и за тех, кто утек в леса под защиту Вирь-авы*. А твой отец, Дубовый Кряж, находил всех, кто был у Вирь-авы, дань распределял на всех справедливо.

Другой соратник отца, Прончат Сипатый сипел-нашептывал:

— Тебе надо быть инязором, набирай товарищей себе, привлекай к себе мордавов.

Рассказывал ему Желудь о себе и Родинке, не раскрывая, чья она дочь. Как быть?

— При твоём отце,— поучал Прончат Сипатый,— соблюдался старинный закон: кто подрастал из мордавы, оперялся, прежде чем завести жену должен был убить врага. Тогда мог посватать любую девушку. Если она согласится. Отец не мог супротивничать.

— Но сейчас нет войны,— разводил руками Желудь.

— Войны нет, а враги есть. Кто-то чужие борти повадился в лесу обирать. Кто-то чужие верши повадился в реке обирать. Кто-то скот ворует. А булгарин, что дань берет с нас непомерную?! А Свирепый Бык, что повинен в смерти твоего отца?!

— Пока нет болгар,— наставлял Кривой Глаз,— возьмите еще у меня мечи старые и старые доспехи. Я их схоронил про случай. Учитесь владеть оружием. Собирай друзей-товарищей,— повторял Кривой Глаз,— а кто-то,— он понижал голос,— в священной роще священное дерево оскверняет. Наносит обиды Нишке-пазу. Кто-то хочет поссорить нас с нашим верховным божеством Нишке-пазом. Посторожил бы

---

* *Вирь-ава* — богиня леса.

ты возле дуба священного, как отец твой, бывало, сторожил там. Пожил бы рядом с Нишке-пазом. Подсказал бы тебе он чего. Давно никто не разговаривал с ним».

— Слушай, ялгай*, — сипел Прончат, — с тобой много молодых дружат. Коноводишь у них. Вадря**. Будешь инязором, как отец твой. Да и называть тебя надо бы по-другому. Не Желудь, а... — он пытливо глянул на парня, — ...Морго Тумо***. Тянутся к тебе ровесники, пек вадря. Но и ты должен за людей себя не жалеть. Как Дубовый Кряж, отец твой. Не о своей выгоде думай, а пекись о выгоде близких твоих. Тех, кто тебя окружает. О выгоде племени твоего. И если народ не отблагодарит при жизни, то память народная все поймет и оценит, расставит по местам. Думаешь, богатырям, о которых народ поет, легко жилось? Думаешь, им под ноги не бросали палки? Думаешь, им в сапоги воды не лили? Зависть человеческая раньше человека родилась. Почему Свирепый Бык навел на Ошпанду булгар? Позавидовал Дубовому Кряжу. Ты станешь воином, инязором, справедливость верни...

Много чего Прончат Сипатый и Кривой Глаз, соратники отца, говорили. Умные. Ведь-ава с ними дружит. И Чам-паз. Друзья лучший кусок обеда им предлагают. И те платят добром.

Мать печалилась:

— Свирепый Бык просил у отца два поля за Родинку. Забрал больше и еще просит. Как ты думаешь сватать Родинку, дочь Свирепного Быка? Люди говорят, он повинен в смерти отца твоего. Как быть?

Как быть?..

Приходить стал Морго Тумо к священному дубу. Прижимался к нему. Молчал дуб. Ничего не говорил пришедшему. Тот попытался забраться на дерево, ободрал в кровь о дубовую кору ладони. Не взобрался.

— Слабак! — показалось, засмеялся кто-то в листве.

Взъярился Морго Тумо. Слегу нашел. Разбежался, уперся слегой рядом с деревом и, опираясь на нее, взлетел по стволу, ухватился за нижний толстенный сук.

— Упрямый! — кто-то удивился в листве.

— Смелый! — подтвердили на самой вершине.

— Сын инязора! — жестко потерлись друг о друга листья дуба, словно звеня кольчуги Дубового Кряжа.

— Скоро сам будет инязором, — терлись друг о друга ветви дуба, словно плечи воинов в дружине Дубового Кряжа.

Но Дубовый Кряж погиб за народ свой. Сможет ли постоять, а если надо — погибнуть, сын Дубового Кряжа за народ свой? За племя свое? За богов своих?

— Как сделать, чтобы родственные племена стали одной семьей и не точили друг на друга зубы кинжалов? — вопрошал Сук Дуба своего покровителя.

— Ищи ответа у народа своего, — гудел ствол дерева.

— Где ответ, какой ответ?

Приходили на ум лишь сказки матери о богатыре, объединившем народ свой и тем спасшем его.

Объединять разные роды народа своего? Разные племена? Разные селения, идущие за Свирепым Быком, и другие селения, ждущие падения Свирепного Быка? Как примирить и объединить врагов, которых разделяет кровная месть?

— Женись на Солнечной Звездочке, Родинке. Попробуй слить, смешать кровь врагов. Не закипит, значит, будет род твой новым и крепким.

— Но все против нашего союза. Как может сын Дубового Кряжа, убитого наймитами Свирепного Быка, жениться на его дочери?

---

* Ялгай — друг, товарищ.

** Вадря — хорошо, пек вадря — очень хорошо.

*** Морго Тумо — Сук Дуба.

— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа!
Сердце лишь гудело в груди, словно колокола за рекой в Рузонь.
А если не захотят те, другие, такого союза? Что же их, мечом принуждать? Как принуждает нас Бык Свирепый?..
— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа!
Громче и громче звучали колокола в груди.
— Преступить и принудить? Или простить и забыть?
— А что сердце тебе говорит? Сердце сына инязора и сына своего народа? — оглушил гром над головой.
Быть грозе великой.

4

Играть в войну — все равно пригодится когда-никогда. Играть в похороны — накличешь, пригласишь смерть. Но она все равно когда-никогда придет. Играть в свадьбу — спугнешь счастье.

Шли полем, лесом, рука об руку, Морго Тумо — Сук Дуба и Чачома Тешкс — Солнечная Звездочка. Шли как жених и невеста. Как муж и жена, морден и ава. Шли, кланялись богине земли Матор-аве.

— Матор-ава, матушка! — звонко пела Родинка.— Дай нам пути, пропусти через поле! Не нашли на нас ни змея, ни змеенышей. Позволь сорвать с тебя лишь вот этот красивый цветок. Цветок к цветочку — будет веночек, будет веночек жениху моему, Морго Тумо. И еще цветок к цветочку — сплету себе веночек, невесте, как замуж пойду за моего милого...

Шли и кланялись богине леса Вирь-аве.

— Заступница Вирь-ава! — кричал на весь лес Сук Дуба.— Дай через лес пройти. Не нашли на нас ни злого волка Верьгиза, ни свирепого медведя Овто, дай лишь ягоды лесной, накормлю мою милую.

У богини воды Вель-авы просил:

— Красавица Вель-ава! Дай нам пути. Не нашли на нас злого водяного Вель-паза, ни холодной лягушки Ватракши. Дай лишь рыбки немного накормить мою милую.

Проверял вентера, сплетенные из волокон дикой конопки, нырты из тонкого ивового прута. Первой рыбкой всюду благодарили Вель-аву. Повздевали остальную рыбу под жаберные крышки на куканы, опустили в реку, пусть подождет. А сами купаться стали. Молодые, стройные, взяли за руки, вошли в многоструйную реку.

— Хочу поплыть к омуту Вель-паза,— развернул плечи Дубовый Сук.

— Вай, не надо! — испугалась Солнечная Звездочка.— Вель-ава бывает доброй, Вель-паз никогда добрым не был. Утащит на дно, с кем быть мне после?

— Найдешь себе. А мне, Дубовому Суку, не пристало теперь водяных бояться.

Не послушал бестолковый Сук, поплыл на стремнину к омуту. Она постояла-постояла по пояс в воде. Боязно без него. За ним поплыла. Лес на берегу притих, птицы-певицы притихли.

— Вай! — слышит Морго Тумо.— Тону! — взхлеб...

Выпрыгнул по пояс из воды, оглянулся. Рука взметнулась над водой, легкая рука Звездочки. Видно, Вель-паз решил прибрать ее к себе. Умел уже плавать Сук Дубовый, рванул наперерез. Выхватил из рук Вель-паза свою возлюбленную, Родинку свою. Обнял ее одной рукой, другой к берегу погреб.

Далеко отнесло течением, к следующему песку. Бледная Родинка была, испуганная. Вода из носа пошла: успела воды наглотаться.

— Эх, зачем ты, Сук Дубовый, одну ее оставил? — казнила себя голова дубовая.

Отогрелась Родинка под лучами светлого Чи-паза, под солнышком. Улыбнулась виновато.

— Чуть невестой Ведь-паза не стала.

А глаза далеко-далеко, словно увидели нечто небывалое, удивились этому, никак назад не вернуться.

Обнял Морго Тумо девушку, привлек к себе. К груди своей прижал. Мало ей одного дневного солнца, человеческое тепло иногда живительнее. Исцеляет лучше солнца.

Перестали зубы стучать у Чачома Тешкс, у Солнечной Звездочки. Два солнышка греют ее. Засмеялась и смущенно, и счастливо.

— Я не испугалась совсем. Знала, что ты вырвешь меня из рук Ведь-паза. Потому что Ведь-ава любит тебя. Ты ей рыбку первую, рыбку лучшую оставляешь,— и рукой провела по его плечу, по груди, по животу. Оба нагие, статные, оба любят друг друга.

Когда оделись, Чи-паз на своей лодке к половине неба подплывал. Проверили еще раз нырета и вентеря, поделились рыбкой опять с Ведь-авой и Ведь-пазу дали.

— Возьми, дядя Ведь-паз, забываем тебя часто. Не сердчай!

5

Остальную рыбу взяли с собой. Тяжело. Хорошо, недалеко была тайная заимка. Мало кто знал ее. В ней жили Кривой Глаз и Сипатый Прончат. Жить в Городище опасались из-за мести врага своего, Свирепого Быка.

Привел Морго Тумо Солнечную Звездочку к Кривому Глазу:

— Вот она, моя Звездочка.

У Кривого Глаза единственный глаз и так за двоих смотрел, теперь еще больше стал.

— За такую невесту не жалко два поля. Три поля отдал бы, будь я моложе.

— У тебя нет трех полей! — засмеялся Морго Тумо.

— Сейчас верно, нет. Когда-то были. И невеста была. Булгары ее увели в плен. Где сейчас, не знаю... И дети были. Увели булгары. Или, может, убили,— обезображенное лицо Кривого Глаза еще больше скривилось.— Хорошо, если им в другом мире лучше, а если нет? Мучаются там с чужими?..

Помолчали.

— Рыбки тебе занесли,— не выдержал молчания Морго Тумо.— Дашь нам корзину, рыбу хочу в Рузонь отнести.

— Дам корзину и травкой нужной дно застелю. Рыба долго будет свежей. А ты иди не на майдан. Поздно уж. Иди на двор к русскому инязору. Отдашь ему. Он расплатится с тобой добром. Мы с отцом твоим ему рыбу относили,— поскрипывал Кривой Глаз, а сам быстро почистил несколько рыбин, поместил в горшке над очагом.— Бывало, студенной зимой в омуте Ведь-паза много рыбы останавливалось на зимовку, друг на друге лежали. Прорубь пробьем и острогой таскаем ее оттуда. Так много рыбы было, так ей было тесно, что на ее боках пролежни появлялись. Хорошо платил за рыбу рузонь инязор. Мы все друзьями были. Я тогда кривым не был. А вот постой-ка. Вот он что отцу твоему подарил. Когда на месте битвы мы провожали богатырей в другой мир, я оставил на память о Дубовом Кряже княжеский подарок. Нож рузонь инязора.

Кривой Глаз неуловимо провел рукой по стене своей лачуги, и в руке его заблестела полоска кинжала.

— Здесь княжеский знак. Покажешь, тебя русский инязор узнает.

Морго Тумо взял нож с трепетом. Словно отец послал ему этот нож. Может, и отец, руками Кривого Глаза...

В избушку протиснулся Сипатый Прончат.

— Я видел,— засипел он одышливо,— как Ведь-ава с Ведь-пазом недалеко на

песке обнимались. Ведь-паз вынес Ведь-аву из воды на руках. Чи-паз их сиянием своим облил, глаза режет. Потом они любилась,— он улыбался зачарованно.

— Нехорошо подсматривать, Прончат,— покачал головой Кривой Глаз.— Спугнешь человеческое счастье.

— Не человеческое, нет,— затвердил Прончат Сипатый.— Говорю: Ведь-ава с Ведь-пазом!

Солнечная Звездочка слегка смущенно прыснула в ладошку.

— Что? — обернулся к ней Прончат.— Это были вы? — Посмотрел-посмотрел.— А я тебя знаю, ты дочь Быка Свирепого. Я узнал тебя! — и пальцем погрозил.

— Ну и что? — загородил ее Морго Тумо.— Он сам по себе, она сама по себе.

— Не-а, нет, так не бывает...— и что-то еще сипел неразборчиво Прончат.

— Правда, ты дочь Быка Свирепого? — спросил Кривой Глаз.

— Ну, правда, правда,— рассердился Сук Дуба.— Но ведь она тебе понравилась!

— Это так. Но ты с ней ко мне пришел зря,— в открытую сказал Кривой Глаз.—

Они наши кровные враги.

— Причем здесь Родинка? — все больше сердился Морго Тумо. Поднял голову высоко, распрямил плечи: — Я инязор ваш, и я знаю, как поступить мне и вам. И что делать с дочерью Свирепого Быка,— и чуть тише,— меня мой покровитель — дуб священный наставил. И что для народа моего я могу сделать.

Кривой Глаз и Сипатый Прончат переглянулись сначала. Затем низко склонились перед новым инязором и молча пали на колени. Солнечная Звездочка с интересом, удивленно и несколько испуганно, по-новому взглянула на Морго Тумо.

— Твой отец мой враг,— сурово произнес Морго Тумо.— Ты знай об этом.

— Ты мой муж. И ты мой отец,— твердо ответила Чачома Тешкс, найдя его руку.— Я была и буду твоей.

Стоявшие на коленях поклонились и жене нового инязора.

6

Кривой Глаз снял варево с очага, поставил на неструганные доски столешницы. Морго Тумо вытащил из мешочка, привязанного к поясу, щепоть соли. Богатство свое. Всыпал немного в горшок. Затем взял черпак, размешал и стал делить. Из первого черпака плеснул в угол очага — Тол-аве, богине огня. Еще плеснул к порожку, Куд-аве. Третий раз плеснул за порожек, Вирь-аве. Рыбы кусок вытащил из горшка закопченного. В лопушок завернул. К ручью отнес возле порога, Ведь-аве.

Затем сами уселись вокруг грубо сколоченного стола и начали есть похлебку, блюда очередность: первая ложка гостям почетным, князю с княгинюшкой.

Наелись, поклонились хозяевам и, захватив улов, зашагали дальше. Морго Тумо вновь вывел к реке, нашел спрятанную в кустах долбленку, осторожно усадил посредине свою нареченную, положил корзину с рыбой. Благополучно переправились по широкой реке. Где широкие берега, там течение тише. Ведь-ава помнила доброе и добрые подарки.

Спрятали лодку. Без приключений, хотя и с опаской, добрались до рузонь городка.

Много воинов, конных и пеших. Всюду шумно и возбужденно. Может, в поход собираются,— подумалось Дубовому Суку.

Они прошли на княжеский двор. Что-то было в памяти Дубового Сука из детства.

Вставал иногда перед ним во сне, иногда наяву как во сне, этот терем кружевной за высокими воротами. Где-то, казалось, когда-то он его видел. И на дом отцовский похож, только много больше.

— Кто такие? — строго спросили с высокого крыльца.

Морго Тумо протянул спрашивающему корзину с рыбой.

— А-а, рыбаки мордаванские. По-русски разумеешь? Плохо? Эй, Лабордыця*! Где там наш болтунишка? Подь сюда!

Откуда ни возьмись к нему подбежал и низко поклонился тощий мужичонка, за-тряс бородкой.

— Вот он я, князь-батюшка. Куды я подеваюсь? Денно и ночью на службе у тебя, князь-батюшка, и у твоей княгинюшки.

— Ну, зачал, балаболка. Замолчи.

— Молчу-молчу. Как скажешь, князюшка. Я всегда молчу. Такой мой удел, молчать.

— Замолчи, сказал. Спроси у них, кто такие и что хотят за рыбу.

Морго Тумо успел рассмотреть говорившего. Широкоплеч, борода с сединой, на перевязи короткий меч. Инязор, видно.

— Я сын инязора, убитого пять лет назад булгарами,— отвечал он суетливому человечку, а сам все глядел и глядел на князя.

— Как инязора звали?

— Дубовый Кряж.

— И ты его сын?

— Да. Вот нож, что остался после него.

— Ну-ка, дай сюда.— Вертлявый перехватил и передал нож князю.— Да, это мой нож. Мы обменялись ножами с мордавским воеводой. Давно уже. Так ты его сын? — Князь протянул нож обратно.— Возьми себе. Я знал твоего отца. Добрый был воевода. Мы ходили с ним на полевцев. Храбро сражались мордавы. На вот еще тебе.— Он протянул Морго Тумо серебряную монетку.— А это кто? Твоя невеста? Хороша! Ой, хороша! Ну, счастья тебе. Ожидай в гости.

— Еще хочу сказать,— не выдержал Дубовый Сук,— мы согласны были бы платить тебе, инязор, по белке с дымом, но ты помоги прогнать... помоги моему народу справиться с булгарами. А мы сами прогоним Свирепого Быка, их наймита.

Солнечная Звездочка и не шелохнулась, будто и не о ее отце была речь.

— Сказал, жди в гости,— весело пообещал с крыльца рузень инязор.— Сбираем войско. Скоро двинем на твоих обидчиков. Вовремя ты пожаловал, а то бы и вас ненароком задела, как болгарских данников да помощничков. А теперь знать будем. Есть среди мордавов наши сторонники, как и раньше. Есть кому отомстить за Дубового Кряжа, твоего отца.

— Есть, рузень инязор! — твердо сказал сын инязора мордавского.— Я не один. Нас уже сорок товарищей. Только мечи у нас старые. Еще после той битвы остались от погибших отцов.

— Дадим! Дадим вам мечи! Да еще и сами в бою добудете.

Быть сече! Быть грозе великой!

— Еще братья есть ли?

— Есть, рузень инязор. Веряска и Ведькай.

— Трое, значит? А у меня четверо,— он засмеялся довольно.— Роман, Игорь, Всеволод да Володимир. Поставлю их воеводами младшими в дружине своей. И к великому князю Владимирскому Всеволоду Большое Гнездо. Слышал про такого?

— Не слышал.

— Престол великого князя из Киева перешел во Владимир. При Андрее Боголюбском. Ныне великий князь Владимирский — Всеволод Большое Гнездо.

Морго Тумо старался не пропустить ни слова.

— Володимир! — кликнул князь одного из сыновей.— Проводи гостей до переправы. Чужих дружинников полно, кабы не обидели.

(Окончание следует)

---

* *Лабордыця* — болтун, балаболка.

Ольга Пашкевич
(г. Якутск)

ЛЖЕПРЕМИЯ

Окончила Иркутский государственный педагогический институт. Пишет стихи, прозу, автор восьми книг. Публиковалась в изданиях «Полярная звезда», «Невский альманах», «Роман-журнал XXI век», «Крым», «Север», «Литературная газета», «Ала-Тоо», «Простор» и др. Лауреат региональной премии имени Кирилла и Мефодия, дипломант Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа, 2018). Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Якутии. Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия).

Галина Васильевна нуждалась в деньгах. Не так, чтобы остро, когда позарез необходимо вернуть старый большой долг или надо купить продукты, а в кармане ни гроша, а зарплата еще не скоро, но нуждалась. Точнее сказать, Галина Васильевна нуждалась в лишних деньгах, а на лишнее, как известно, можно купить только лишнее, а лишним ближайшее окружение Галины Васильевны сочло бы издание книги за собственный счет. Конечно, как член Союза писателей, Галина Васильевна могла напечататься за счет государственный, но такое радостное событие случалось раз в пять лет, потому в ближайшие три года, до «золотого юбилея», писательнице рассчитывать на него не приходилось, но увидеть новую книгу хотелось поскорее. Рукопись, состоявшая из цикла рассказов, ждала своего часа. Галине Васильевне не терпелось воплотить мечту в твердом переплете, с предисловием, с рисунками внутри, все как полагается настоящей книге, а не тоненькой брошюрке в качестве приложения к толстому журналу. Скопить деньги ей было непросто, а искать спонсоров, кланчить нужную сумму и того сложнее. Как-никак, она не больная, не бедная, чтобы ходить с протянутой рукой.

Вообще-то, деньги она постепенно скопила, но только скопила, так и задумалась о том, стоит ли их тратить на издание рукописи? Не лучше ли поехать в Анапу, в тот самый санаторий, в котором она так чудесно отдохнула прошлой осенью? Тогда ей удалось обмануть дождливый сентябрь, когда в квартире еще нет отопления, на улице сыро, а в Анапе солнышко, никакого намека на понижение температуры, и школьники, легко одетые, в тонких футболках и кофточках в это время, а не в ветровках, как в ее родном городе.

Время шло, а Галина Васильевна никак не могла выбрать между книгой и санаторием. С одной стороны, новая книга — прекрасная возможность показать свои достижения, повод встретиться с читателями и засветиться в прессе и Интернете, а, с другой, почему бы не поехать на море? Серьезных хронических заболеваний у нее нет, но профилактика не помешает. Она вспоминала уютный номер в главном корпусе санатория, бассейн, пляж, залитые теплом улицы, приветливых сотрудников городской юношеской библиотеки, в которой ей так нравилось бывать... Захотелось

туда: в тишину и покой. Женщина понимала: нужно принимать решение, потому что вот-вот начнется распродажа авиабилетов со скидкой и в случае промедления можно остаться ни с чем.

Вопрос отпал неожиданно-негаданно: позвонил Алексей. Сосед по даче, страстный поклонник ее творчества, занимал руководящую должность в крупной престижной организации.

— Галина Васильевна,— Алексей сразу перешел к делу,— я вчера возвратился из длительной командировки и узнал: оказывается, к юбилею нашей организации решили провести литературный конкурс.

— Да? — напряглась она, ожидая, что последует приглашение быть членом жюри, как всегда, за «спасибо».

— Самое главное,— он сделал паузу,— все, кто примет участие, получают премии. А за первые места премии приличные. Я очень хочу, чтобы вы победили. Вам же нужны деньги? Так?

— Так-то оно так,— согласилась Галина Васильевна.— Но,— вздохнув, продолжила она,— наверное, надо написать что-то связанное с вашим производством, а я в нем почти не разбираюсь.

— Об этом не переживайте! Я вам столько случаев из практики приведу, на целый том хватит! — заверил Алексей.— Но всего неделя до окончания приема работ.

— Я согласна! — воскликнула она.

Сумма за первое место, озвученная Алексеем, тянула на книгу и санаторий вместе взятые, за второе — на книгу и на полсанатория, за третье — на книгу. К тому же, судя по информации, конкурс особо не афишировали, а значит, у нее есть шанс победить. Галина Васильевна собралась уже ринуться к письменному столу и творить, творить, но ее пыл остудил Алексей.

— Я положение на электронку отправлю, но есть одна, точнее две загвоздки. Первая — по итогам конкурса будет издан сборник.

— Так это же здорово! — женщина захлопала бы в ладоши, если не телефон.

— Другая: в конкурсе могут участвовать только наши сотрудники.

— То есть...

Бурная радость сменилась разочарованием.

— То есть ты... я... — растерялась Галина Васильевна.

— Вы пишите,— бодро гнул свою линию молодой человек,— а я публикую под своим именем и отдаю вам премию. Десять процентов мне, так сказать, за риск.

— Но это же... Я даже не знаю, как это называется... Обман? — возмутилась женщина.

— Наверное, обман, но подумайте. Я условия отошлю.

* * *

Она прочла полученную информацию несколько раз, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы стать участником конкурса на законных основаниях, может быть, в соавторстве с Алексеем, но тщетно: выхода нет. Точнее, выход есть — воспользоваться одним из неопубликованных рассказов, переработав его, конечно, под требования положения.

Муж Галины Васильевны, узнав о ее страхах, махнул рукой:

— Она еще сомневается! Отдашь Алешке часть своего творчества, потом вставишь его рассказ, точнее твой — Алешкин в свою повесть и издадите вместе. Какие проблемы? Соглашайся! Не твоя вина, что нет у нас в стране такой профессии «писатель», а гонорары платят большие только за всякие ужастики и любовные романы. Алеша дело говорит.

* * *

Спустя две недели на ватсап Галине Васильевне пришло фото: смущенный Алексей с дипломом победителя литературного конкурса и сертификатом на премию. Она ответила на добрую весть смайликом и аплодисментами.

Женщина полагала, что вскоре раздастся звонок от Алексея, но телефон молчал, и на сообщение сосед по даче не отреагировал.

На следующий день муж, сочувствуя ей, мрачно констатировал:

— Похоже, кинул он тебя. Такая нынче молодежь: не задушишь, не убьешь!

Ей не верилось, что Алексей, милый Алексей, который прочитал ее книжки от корки до корки, являлся на презентации с цветами, мог подвести, но получалось, что супруг прав.

Сосед возник на пороге поздно вечером, когда Галина Васильевна, смирившись с участью «обманутого вкладчика», заедала стресс ванильным пломбиром.

— Извините, не звонил в целях конспирации и ждал, пока деньги поступят на карточку.

Он извлек из внутреннего кармана пиджака конверт, торжественно протянул сияющей Галине Васильевне:

— Держите на ваши мечты!

* * *

Получив желанную сумму, женщина без промедления купила авиабилеты, путевку в санаторий и посетила издательство. Тут ее ожидала поначалу, казалось, небольшая проблема: объема рукописи на тот формат, который планировала Галина Васильевна, не хватило. Не понравилось редактору и предложенное писательницей название.

— Куцое оно, ни о чем не говорит! — вынес вердикт опытный сотрудник издательства.

Неприятность произошла потому, что рассказом, который давал название книге, пришлось пожертвовать ради премии.

— Ничего,— успокаивала она себя,— выкрутимся!

Однако работа над новой вещью шла со скрипом. Ей стоило огромных душевных усилий даже садиться за письменный стол. Она несколько раз начинала с чистого листа, перепробовала совершенно противоположные темы, но выходило не то, а повышенную тревожность Галина Васильевна понижала ванильным пломбиром.

Рассказ получился слабенький. И герои, и события были пропущены не через сердце, а через желудок: она с трудом влезала в любимые летние брюки. « — Ладно,— надеялась Галина Васильевна,— на курорте буду фигурой заниматься. Там меню с указанным количеством калорий в каждом блюде, можно строгий учет вести, а пока некогда!»

* * *

Опасение, что ее разоблачат, не давало покоя. Женщина поделилась с мужем, но он рассмеялся:

— Ерунда! Не бояться, а удивляться надо тому, что Алешка так легко за писателя сошел. Инженер до конца ногтей и вдруг — писатель!

Галина Васильевна переменилась в лице при слове «ногтей» и мужу, далекому от литературы человеку, ничего не возразила, хотя знала немало случаев, когда люди из-за ложной скромности или низкой самооценки своего творчества стыдились признаться, что пишут стихи или прозу.

* * *

Заканчивалась вторая неделя отдыха. Галина Васильевна чувствовала себя гораздо лучше: прекратилась бессонница, стали уходить лишние килограммы и мучить сомнения по поводу полученной премии.

Но вот из издательства на электронную почту поступили иллюстрации обложки. Один вариант, другой. Все не то. Впечатление складывалось такое, что художник не потрудился прочитать книгу или понял ее иначе. Уже скоро намеченная дата презентации, а оформление не утверждено.

К Галине Васильевне опять вернулась тревожность, а с нею и пломбир. Во время очередной прогулки женщина заглянула в магазин неподалеку от лечебного корпуса за очередной порцией «Забавы».

— Пожалуйста,— улыбчивая девушка, протянула ей мороженое. Забирая пломбир, Галина Васильевна вздрогнула: у работницы прилавка были красные накладные ногти, на одном из которых поблескивал золотистый миниатюрный мешочек для притягивания богатства.

«К ногтю!» — так назывался рассказ, опубликованный под фамилией Алексея. Яркий ноготок с золотым мешочком еще недавно представляла Галина Васильевна на обложке своей новой книги. Вот образ, вот символ того, о чем она рвалась поведать читателям. Теперь уже этого не случится никогда!

Выйдя из магазина, она опустила на первую попавшуюся скамейку. В глазах стояли слезы, благо, за солнцезащитными очками их никто не видел.

Яков Шафран
(г. Тула)

«ВЕЛИКИЙ» ПОЭТ...

В дверь редакции громко постучали.
— Войдите!
В кабинет, широко шагая, вошел высокий мужчина с седыми волосами и большими залысинами. В движениях его была заметна небольшая нервозность.
— Простите, мне нужен редактор!
— Да, слушаю вас.
— Я хочу опубликовать свои стихи в вашем журнале.
— Хорошо. Пройдите в соседнюю комнату к секретарю, она объяснит, что вам нужно сделать.
— Мг... Что еще я должен сделать, кроме как написать стихи?
— Пройдите, пройдите, ничего сложного.
Когда главный редактор взглянул на посетителя, то увидел направленные на него злые глаза.
— ???
— Я очень занятой человек. У меня вдохновение, стихи сами просятся на бумагу. А вы... к секретарю зайдите. Волокитой занимаетесь! Нет бы, взять и напечатать. Чего проще?
— Верю, ваши стихи хороши. Но у нас такой порядок: секретарь передаст их зав. отделом поэзии, он посмотрит — без его рекомендации мы не публикуем.
— Бюрократы!
— Ну, зачем же? Просто разделение труда.
— Разделение труда... А гонорар за мой труд полагается?
— Наверное, с этого и нужно было начинать... У нашего журнала нет финансирования, поэтому выплаты авторам не предусмотрены.
— Мг... — скорбно вздохнул тот и, презрительно передернув плечами, вышел.

Через некоторое время он вернулся.
— Однако я вам не маленький мальчик!
— Что случилось?
Поэт, не отвечая на вопрос, продолжал:
— Я что вам школьник, желающий прислать стишки на детский конкурс, в условиях которого указано оформить свою детскую рукопись по придуманным взрослыми дядями «правилам»: фото справа, тексты слева, картинки в верхнем углу?!
— Вас смущают правила?
— Я известный в городе поэт, автор многих работ, напечатанных в ряде городских и республиканских журналов и альманахов. И я, должен вам сказать, не просто поэт, а мыслитель. Почитайте мои стихи, они сами за себя говорят!
— Кто вам сказал, что мы не хотим читать ваши стихи? Просто, как я уже говорил, у журнала нет финансирования, и все работники редакции трудятся на добро-

вольной и бескорыстной основе. Поэтому мы просим авторов оформлять свои материалы, чтобы освободить зав. отделами от рутинной работы...

— Я много сил отдаю своему творчеству, поэзии. И она обрела в последнее время самое широкое признание. У меня уже более пятидесяти публикаций в виде подборок стихотворений, причем ни одна не повторяется, все новые.

— Верю...

— И вот я приношу вам,— не слушая, продолжал автор,— на выбор целый ряд подборок моих новых произведений,— заметьте, еще нигде не опубликованных, могущих, без всякого сомнения, произвести впечатление на читателя, а вы предлагаете мне как школьнику оформлять свои тексты по каким-то никчемным правилам,— он поперхнулся, замахал рукой, останавливая собеседника, откашлялся и продолжил: — И, мол, только тогда вы соизволите их рассмотреть!..

— Но подождите, это же пустяки, там нет ничего сложного... Вы же принесли напечатанный материал... Вы сами набираете?

— Да, я сам набираю. Но то, что вы предлагаете мне еще и оформлять, невежливо по отношению ко мне как к известному и уважаемому автору.

— Гм-м-м...

— И это вообще несерьезно. Я нигде еще не сталкивался с этим, ни в каких изданиях и журналах. Вы еще будете просить меня, чтобы я у вас напечатался!..

— Подождите... Скажите, вы печатались в платных изданиях? — и, не получив ответа на свой вопрос, главный редактор продолжил: — А ведь мы даже не познакомились с вами... Меня зовут Олег Сергеевич, а вас?

— Николай Сергеевич,— чуть помедлив и нехотя, ответил гость.

— Скажите, Николай Сергеевич, вы ведь, как поэт, наверное, хорошо понимаете душу людей, сочувствуете им, хотите помочь через свое творчество. Почему же тогда вам так трудно произвести пустячную работу по оформлению своего материала, чтобы напечататься?

— Я не задумываюсь над тем, что вы сказали, тем более помогать... Я не врач, не психолог и не священник, а поэт и пишу о себе, своих чувствах и переживаниях...

— Вы пишете только о себе... Но ведь нынешняя реальность буквально требует прибавить в жизни хоть немного тепла и света...

— У меня талант, я его должен реализовать — это главное! Я не солнце, чтобы греть землю и всех озябших на ней.

— Талант?... Мы еще не читали ваши стихи, но непременно почитаем... Однако хочу заметить вам, что таланта, даже если он есть у поэта или прозаика, мало, чтобы произведение было живым, нужно еще душу вкладывать: сострадать несчастным и радоваться со счастливыми.

— Что же, по-вашему, я должен делать? Сострадать, то есть совместно страдать с умирающими, больными, сумасшедшими и преступниками?! Нет уж! Лучше я буду сыт, жить в довольстве, а мой талант поможет мне изобразить то, что я хочу, без душевного соединения с ними!

— Талант... Вы уже несколько раз произнесли это слово...

— Гм-м...

— Скажите, вот сейчас ведь гонорары — весьма большая редкость, и если даже есть, то очень небольшие они. Ради чего вы пишете?

— Как это ради чего?! Я поэт, и должен печататься... оставить свой след в литературе... мое имя должно звучать и быть известным... Вот вы упомянули о гонораре. Кстати, а у вас бывает он, и если да, то могу ли я получить за публикацию?

— А давайте так: мы вам начислим гонорар, а вы его нам весь и отдадите — ведь вы публикуетесь не ради материальной выгоды, а, как вы сказали, чтобы оставить свой след в литературе!

— Мг... мг... Как вы повернули! Но гонорар тоже не помешает...

— Рано мы с вами, Николай Сергеевич, говорим о публикации. Ваши стихи, как я уже говорил, должен вначале зав. отделом поэзии посмотреть. Не забыли? Поэтому сделайте, пожалуйста, пока то, что сказала секретарь.

— А, понятно! И не подумаю! Вот еще!..— гость, встал и, не оборачиваясь, вышел из кабинета.

— Скажите,— спросил недавно вошедший и присутствовавший при последних фразах, зав. отделом поэзии,— что это за сумасшедший?

— Сумасшедший?.. Это поэт. И он говорит, что его везде печатают.

Сотрудник улыбнулся:

— Я вам верю. А он оставил вам рукопись?

— Нет. Я ведь сказал ему, что нужно оформить по нашим правилам, а он не согласился — ну, вы же слышали.

— Наверняка он печатается в Интернете. Он не давал вам ссылки?

— Не давал, но я запомнил его имя или псевдоним.

Они сели за компьютер, и вскоре на экране увидели лицо недавнего посетителя, а ниже его стихи. «Я легко пишу стихи»,— значилось в небольшом предисловии. В комнате редакции наступило молчание, все сотрудники сгрудились у компьютера и стали читать.

— Да...— через некоторое время произнес редактор.— Все о себе и о себе.

— И много сбивок ритма. Вот здесь и здесь, и тут! — стал показывать на экране зав. отделом поэзии.

— Боже, а рифмы-то, рифмы! — воскликнул другой сотрудник.— «Моя — всегда», «молва — тетрадь»... Или вот: «малодушно — пусто». Это же нарочно не придумаешь!

— Смотрите, смотрите! — засмеялся главный.— Он пишет о сазане, как о птице! Может быть, фазан?

— А вот еще! — поддержал его поэт.— «На него смотрели два ее синих глаза...» А не правильнее было бы написать: «Он почувствовал взгляд ее синих глаз»?

— Да, и правда, легко пишет...

— Но мы не легко печатаем! — резюмировал Олег Сергеевич.— А говорил — «я известный поэт!..» Известный за деньги. Ведь большинство печатается в журналах и книжки издает за свои кровные, или в Интернете, платя лишь по тарифу. А так можно опубликовать все что угодно. Причем многие так привыкают к таким образом напечатанному слову, что уже и о премиях, и о гонорах помышляют. Вы же слышали?!

— Да... Времена... Я тоже думаю, что его интересует, прежде всего, количество публикаций, а заветная цель — получать гонорары. И он думает, чем больше будет публикаций, тем ближе эта цель. Это «лайковое» сознание: чем больше лайков, тем известнее,— вздохнул сотрудник.

— Точно, точно. А скоро, наверное, за лайки в сети будут давать и что-то типа биткоинов, которые можно будет обменивать и на физические рубли, и на любую валюту. Да... растет и крепнет «клипово-лайковая» реальность и завладевает душами даже людей в годах. Но, думаю, в этом нет ничего странного, если у человека с молодости либерастические корни, так тяжело поддающиеся выкорчевыванию... А что вы ему скажете, когда он придет? Придет же, такие ведь занудливы до невозможности,— спросил зав. отделом.

— Скажу, что ваши стихи не подошли.

— Обидится, пасквиль напишет и тиснет за свои...

— Пусть. Уже писали, как говорится, собаки лают, а караван идет!

Все посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись. А за окном светило яркое октябрьское солнце, переливаясь золотом на листьях берез.

Михаил Спивак
(г. Виннипег, Канада)

РАССКАЗЫ

Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Член Союза журналистов России. Автор романов: «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Семьи Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения дона Мигеля Кастильского и визитера Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013). В 2010 году стал главным редактором общественно-политической газеты «Перекресток Виннипег», издаваемой в канадской провинции Манитоба. С 2014 года — член жюри Всеканадского детского литературного конкурса «Пишем и говорим по-русски». Автор публикаций и выступлений на канадском радио «Голос Альберты» и «Мегаполис Торонто», неоднократно приглашался в прямой эфир. Лауреат литературных премий: имени Вениамина Блаженного (2015), имени Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), имени Григория Сковороды (2016).

ОН СУЩЕСТВУЕТ!

Как-то в школе, вскоре после нового года, я стал свидетелем весьма занятного теологического спора. Мои ученики выясняли, существует ли Дед Мороз. Начало разговора я не слышал, а пришел к эскалации эмоций, когда глаза малышей сверкали, а с губ слетали едкие словечки.

Посмеивалась пятиклассница Мила, доказывая восьмилетнему брату Вадиду, что никакого Деда Мороза не существует. Дети, которые помладше, затаили дыхание, а старшие лезли в спор.

— Это родители подкладывают подарки под елку,— Мила издевательски показала язык.

Вадик погрозил ей кулаком и с гневом отверг нелепые выдумки.

— Ты вообще ку-ку!..— он покрутил пальцем у виска.— Я сам видел, как родители вечером пошли спать. Утром я первым проснулся, и подарки уже были под елкой.

Действительно, весь жизненный опыт второклассника, его логика подсказывали, что кроме Деда Мороза подарки принести некому. К тому же папа с мамой в один голос подтвердили историю о сказочном дедушке.

А главное, письмо! Мальчугану пришлось попотеть, сочиня послание на иностранном языке (английский стал уже для него родным, а писать приходилось по-русски): «Дедушка Мороз», такими словами начиналось письмо. Букву «а» учительница русского языка старательно зачеркнула и сверху подписала «о».

«Дедушка Мороз! Подари мне пожарную машинку, пжаста». Последнее слово было полностью зачеркнуто, рядом красовалось «пожалуйста» и восклицательный знак. Письмо уложили в конверт и отдали родителям для отправки на Северный полюс заказной почтой.

Сказано — сделано. Первым утром в новом году под елкой красовалась большая радиоуправляемая машина в яркой упаковке. Как тут можно усомниться в магии?!

Вадик сыпал неопровержимыми доказательствами перед сестрой, но она только смеялась ему в лицо.

— Глупый ты еще.

— Это почему я глупый?! — ершился Вадик.

— На ценник посмотри. Игрушка в магазине куплена.

Но на мальчишку этот аргумент не подействовал.

— Конечно, ведь Дедушка Мороз в санях едет по магазинам и покупает игрушки, а потом развозит их детям.

Он сложил руки на груди с таким видом, будто хотел сказать: «Тебе шах и мат!»

— У Деда Мороза нет саней, он не Санта Клаус, и денег у него не хватит,— лениво парировала Мила.

— Ты не знаешь, сколько у него денег!

— А ты маленький и глупенький.

— Сама дура!

Мила звонко засмеялась, колко и язвительно, как умеют только девочки, и прибегла к запрещенному приему — обидной считалочке, которую затянула нараспев.

— Там в капусте червячок-червячок, а наш Вадик дурачок-дурачок! — и совсем не к месту: «А в капусте крокодил, снял трусы и проглотил!»

Вся сцена продолжалась несколько секунд. Лицо мальчишки вспыхнуло гневом, подбородок воинственно поднялся. С криками «ты у меня сейчас получишь» Вадик ринулся в бой. Началась потасовка с воплями и визгом. Мне пришлось вмешаться, чтобы положить конец гражданской войне.

Когда страсти улеглись, я пристыдил Милу:

— Зачем ты маленького дразнишь? Сама же еще два года назад верила в Деда Мороза.

— Это я верила?!

— Ну, не я же.

— И не я.

— А кто письма писал, кто мне их на урок приносил?

Мила рассмеялась.

— Мама сказала, что Дед Мороз не приходит к тому, кто в него не верит. Совсем я, что ли, ку-ку, чтобы без подарка оставаться? Я еще во втором классе знала, что родители ночью кладут подарки под елку. Только я никому не говорила, потому что маленьким детям никогда не отказывают; даже если они себя плохо ведут. А потом родители сказали, что праздник для всех детей...

Об инциденте я рассказал после уроков отцу юных спорщиков. Грузный дальнотбойщик с обветренным лицом и короткой щетиной, он положил дочери увесистую ладонь на плечо.

— Притворщица! Только изображала «верующую», а когда поняла, что подарки причитаются даже «атеистам», не стала притворяться. Вот жулье растет,— сказал он не без удовольствия и гордости. Наверное, увидел в собственном ребенке те качества, которых сам был лишен.

Однако он предупредил, чтобы сыну праздник не портила. Иначе добрый «дедушка» в его лице станет суровым.

— Я хоть саней с оленьей упряжкой не имею и в печные трубы нырять не могу, но если пообещал наказать, то так и сделаю.

По глазам было видно, что в это обещание девчушка поверила с первого раза.

— А сын,— мужчина повернулся почему-то ко мне,— пусть верит в красивую

сказку, пока маленький. Главное, чтобы повзрослев, он избавился от наивных фантазий и слепой веры в чудеса.

Дети козлятами прыгали вокруг отца, тянули его за руки.

— Хотите чуда?

— Хотим, хотим! — наперебой закричали они.

— Приготовьтесь, — он сделал волшебные пасы руками. — Мы едем в Макдональдс!

— Ура!

Забывшие теологические разногласия дети сорвались с места и пулей побежали к выходу, а сзади вразвалочку шел «Дед Мороз», крутя на пальце брелок с ключами от тяжелого грузовика.

ТРЕНАЖЕР

Уже за тридцать Зоя поняла, что молодость не вернуть. Нужно бороться и терпеливо ее остатки лелеять. Особенно следить за фигурой, которая вдруг от обилия сладостей поплыла, а кое-где — в самых когда-то прекрасно волнительных для мужских глаз и рук местах — стала покрываться «апельсиновой коркой». Зое казалось, что на пляже отдыхающие посматривают на ее чуть раздавшиеся бедра с порицанием: мужчины без интереса отворачиваются, прикованные вниманием к более стройным девушкам, а женщины высокомерно переглядываются и даже ничуть не ревнуют своих благоверных. И тогда Зоя твердо решила: никаких лишних калорий и смертный бой целлюлиту!

Диеты и раздельное питание на кухне. Фен-шуй в спальне. Крем для похудения в ванной. Борьба велась по всем направлениям.

Муж Виталий пыхтел, двигая мебель, и уже неделю (вынужденно за компанию) давился сельдереем. Его робкое: «Поджарь мне отбивную с картошкой!» было воспринято в штыки. Слова не мужа, но мальчика, выглядели предательством в битве за красоту. Малодушие грозило отлучением не только от стола, но и от постели. Хотя последнее от обилия петрушки и сельдерея само собой отодвинулось на второй план, не выдержав борьбы со спазмами голода.

Виталий тщетно всматривался в стройные ноги жены и плоский живот, не находя там ничего даже отдаленно напоминающего уродство. Зоя выглядела идеально, женственно, она была совершенством, но переубедить ее Виталий не смог. Вместо любовного поцелуя за оду ее очарованию, он оказался «слабовольным подхалимом, готовым изменить общему делу за сытную похлебку». Попытки уговорить жену — «ты действительно прекрасна» — только добавляли негатива. Она топала ножкой и роняла слезу: «я толстая, как чушка!»

В двадцать три года Зоя весила на целых два килограмма меньше. Как можно было не заметить «такие ужасные отложения», как?!

Муж как всегда оказался виноватым.

— Если бы ты следил за собой, то и мне бы не позволил распусться!

Виталий действительно каждый год семейной жизни набирал по килограмму, и за десять лет наел солидный «мозоль». Теперь он молча, как грустная корова, хрустел зеленью, понимая, что семейная жизнь дала трещину. Если уж Зоя что-то вбила себе в голову...

Через неделю она записалась в фитнес-центр. Стройные мужчины-легкоатлеты и мужчины с огромными бицепсами и с железобетонными торсами теперь обращали на Зою внимание, шутили и заигрывали. Виталий в этом не сомневался. Он сам одно время ходил в «качалку», еще до женитьбы. Надолго его не хватило, но впечатления

остались. От обилия вокруг стройных, подтянутых женских фигур можно было заработать косоглазие. Теперь он стал ходить вместе с женой, оберегая от потенциально навязчивых поклонников.

Возможно тем бы история закончилась. Через неделю Виталий планировал поехать с Зоей на Алтай, насладиться красотами природы в компании любимой жены. Эта поездка стала бы важным шагом к примирению супругов.

Мечты остались мечтами. Не спросив разрешения, Зоя истратила деньги на велотренажер: многофункциональный, с USB-интерфейсом и четырьмя встроенными программами, мониторингом и анализом физической активности.

— Правда, он симпатичный? — сияла улыбкой Зоя и гладила светящийся дисплей.— Папочка у нас теперь станет стройным и красивым.

Виталий остолбенел.

Покупку поставили в спальную комнату, чтобы не портить интерьер зала. Сказать, что Виталий отнесся к подарку прохладно, значит, не сказать ничего. Лучше бы Зоя забыла о дне рождения мужа. Подарок она сделала себе.

— На нем ты больше времени проводишь!..— язвил Виталий.

И наткнулся на обидный ответ:

— Мне он больше удовольствия доставляет.

Отношения в семье стали отчужденными и холодными. Скрипя от злости зубами, Виталий просыпался под монотонное жужжание педалей, и засыпал под них же. Он ненавидел проклятый велосипед, на который постоянно наткнулся спросонья. В попытке сохранить семью, Виталий порывался продать, а затем кому-нибудь подарить «Колю» — так жена почему-то стала называть тренажер. Виталий старался выяснить был ли в прошлом среди Зоиных поклонников Николай, но так ничего и не узнал.

— Не смей продавать Колю! — возмутилась Зоя коварным планам супруга.— Это мой подарок.

Виталий поморщился. Он давно забросил сельдерейную диету, но готов был снова питаться травой, только бы избавиться от «драгоценного Коленьки».

Сам он скрипучего надоеду прозвал «педальным животным». Мысленно разговаривал с ним на повышенных тонах и даже угрожал ему.

Впрочем, в скором времени Виталий осознал свою ошибку, подружился с Колей и более того, проникся к нему искренней симпатией. Случилось это, когда Зоя уехала на праздники к маме. Поначалу Виталий лелеял тайный умысел: разобрать механизм и вывести какой-то блок из строя, а потом удивленно гнуть брови, дескать, я тут не при делах. Жена все равно доказать ничего не сможет.

«Теперь ты в моей власти!»

Виталий рассматривал тренажер со всех сторон, как забойщик обреченную на смерть скотину. В одной руке «убийца» держал крестовую отвертку, в другой — разводной ключ.

«Посмотрим, что у тебя внутри,— он замялся.— Как твой корпус разбирается?»

Действительно, начальнику отдела маркетинга, человеку далекому от техники, не так легко справиться с полностью скрытым механизмом. Велотренажер будто смеялся в ответ, поблескивая литыми (а может быть, штампованными?) частями кожуха. Открутить сиденье или снять электронику — не вариант. Сразу раскроется злой умысел.

Виталий поскреб затылок. Ревновать жену к бритому качку из спортзала, это полбеды. Но ревновать к велосипеду... Есть в этом что-то противоестественное. Хотя почему? Женщины ревнуют своих мужей к компьютеру. Танки им видите ли не нравятся. Хорошая игра. Не слишком интеллектуальная, но все не глупее велосипеда. От хаоса мыслей Виталий вспотел. Скинул рубаху и машинально повесил на руль.

Зазвонил телефон. В трубке послышался взволнованный голос шефа. Контракт горит, клиент нервничает. Имеется реальная опасность не получить своевременную по договору выплату. Праздники отменяются. Нужно срочно ехать и сладкими песнями ублажать клиента: все хорошо, прекрасная маркиза!.. Виталий повесил трубку. Скинул домашние шорты на сиденье тренажера. Облачился в стильный, подходящий моменту сладкопения костюм, поправил галстук и выскочил за дверь.

Домой он вернулся под вечер уставший и голодный. Лениво посмотрел на крестовую отвертку и разводной ключ. Казнь велосипеда откладывалась на завтра. Галстук Виталий повесил на руль с левой стороны, убрав оттуда футболку. Рубаху и пиджак повесил справа. Брюки перекинул через сиденье. Удобно. Не надо лезть в шкаф, вешать на плечики. Все под рукой.

«Хм...— подумал Виталий,— какая полезная многофункциональная вещь».

Носки он разместил на педалях. Вот, теперь в спальне полный порядок.

«Ты, Колян, не сердись на меня, что голову хотел тебе свернуть. Зойка все нервы вытрепала. Нормально жили, любили друг друга. Нет, какая-то подруга-дура ей сказала про целлюлит, и как вожжа под хвост попала!»

Коля понимающе мигал электронным дисплеем. Германский дизайн, продуманный до мелочей. Развесить на нем можно половину гардероба, и брать удобно. Угодила Зоя с подарком, пусть и непреднамеренно. Виталий кинул футболку на дисплей и впервые за несколько месяцев безмятежно уснул.

Праздники промчались быстро, а с ними улетучилась и размеренная жизнь.

— Коленька, что с тобой сделал этот изувер?! — в ужасе воскликнула Зоя и строго подступилась к мужу. — Ты зачем достал свои вещи из шкафа?

— Отсюда их удобней брать, — честно ответил Виталий.

— Немедленно убери назад!

— И не подумаю.

— Тут им не место.

— А по-моему, самое то.

— ...и заниматься мне мешают!

— Велосипед мой. Ты его подарила мне на день рождения. Использую, как хочу.

Майки и рубахи полетели на пол, и остальной гардероб следом. Педали снова зло жажужжали. Это был вызов. Впервые за все годы брака Виталий пошел на принцип. Он рывком распахнул створки платяного шкафа, и к куче его рубаш на полу добавились платья и блузки жены.

Слезы, упреки, обиды. Всю следующую неделю супруги не разговаривали. Перемирия не получилось ни через неделю, ни через месяц. Зоя по привычке давила и ждала извинений от Виталия, но терпение мужа лопнуло. Жена, сама того не замечая, переступила его болевой порог. Теперь никто не хотел уступать. Тренажер окончательно стал яблоком раздора. Муж упорно развешивал на руле свои майки. Жена их с таким же постоянством швыряла на пол, а потом собирала свои раскиданные по дому платья. Холодное отчуждение быстро сменилось жаркой ненавистью.

— Живи со своим велосипедом!

Впервые Зоя, уходя жить к матери, назвала тренажер не по имени.

Время шло, страсти постепенно улеглись. В спортзале Зоины ухажеры оказались в основном женатыми, а все шутки и подмигивания так и остались веселыми разговорами. В душе поселилась тоска. После работы душу царапало одиночество. И уже снова хотелось с мужем на Алтай.

Зоя забросила спорт, набрала свой прежний вес и еще два килограмма сверху. С тоски она стала заглядывать на сайты знакомств. Никому не отвечала, только смотрела. Была уверена, что там либо сексуальные извращенцы, либо женатые мужчины,

которым скучно. А в один из дней она наткнулась на знакомую фотографию. Ее собственный муж (они так и не оформили развод) улыбался, оседлав велотренажер. Зое стало обидно и больно. Волна противоречивых чувств нахлынула на нее. Как он мог?! Он совсем не страдает? Это казалось самым обидным. Зоя захлопнула страницу сайт. Она уверяла себя, что является жертвой мужской черствости и непонимания. Такой спутник ей не нужен!

Через неделю Зоя снова заглянула на сайт. Просто посмотреть на фотографию... Еще через три дня она робко в письме спросила: «... ты уже себе кого-то нашел?»

Ответ пришел в тот же день: «нет и не ищу... профиль давно создал и забыл закрыть».

Ни единого намека на примирение. Зоя подождала день.

«Как настроение?»

«Не жалуюсь».

Виталий оставался лаконичным.

«Ему хорошо без меня? Наши отношения ничего для него не значили? — думала Зоя.— Дурацкий повод для ссоры. Хочу помириться. Только пусть он первый предложит».

Еще через два дня: «Чего не пишешь?»

«О чем писать?»

Зоя набралась смелости, вспомнив, что сама стала причиной разлада в семье. Ей понадобились еще несколько дней, чтобы признать этот факт для самой себя.

«Я соскучилась...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Она боялась открыть письмо, вдруг там обидный отказ! Лучше утром прочитать. Но сон не шел. Зоя села к компьютеру.

«Зла не держу и всегда рад тебя видеть,— писал Виталий.— Приходи. И Колян обеими педалями за».

Больше Зоя не волновалась за лишнюю пару килограммов. Она надела короткую юбку и плотно облегающие лосины, демисезонные сапожки на каблучке и легкий белый свитер. Просто и со вкусом, как любил Виталий. К счастью, разлука не была слишком долгой и чувства не успели совсем забыться.

— Ты стройнее стал,— заметила Зоя и спросила с легкой ревностью в голосе.— Снова стал ходить в спортзал?

Она вспомнила, как обращают на себя внимание мужчины, переполненные тестостероном. Представила мужа, любезного с молоденькой девушкой. Но Виталий хитро подмигнул Зое, взял ее за руку и повел на балкон. Там стоял новенький спортивный велосипед.

— Езжу, когда погода позволяет, а в остальное время хожу быстрым шагом в парке по два-три часа в день. Сплошная экономия и для здоровья на свежем воздухе полезнее. Не ради красоты, а чтобы чувствовать себя лучше.

Последние сомнения исчезли. Зоя игриво взглянула мужу в глаза. Виталий помнил значение ее томного, с лукавым прищуром взгляда. Второго приглашения Виталию не потребовалось. Зоина кофточка повисла на руле тренажера... Полезная, все-таки, в быту вещь. Мир был восстановлен.

А «Колю» затем подарили тестю Виталия. Ему доктор кардионагрузки прописал.

Елизавета Волынская
(г. Щекино)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ

Ученица средней школы № 11, корреспондент молодежной газеты «Бумеранг», внештатный сотрудник газеты «Щекинский вестник».

Зима наступила неожиданно. Еще вечером землю покрывали лишь жесткие комки грязи и старый истерзанный ковер увядших осенних листьев — и вдруг сверкающий белизной и чистотой первый снег. А солнечные зайчики тем временем весело скакали по высоким снежным сугробам, многократно отражаясь от искрящегося зимнего полотна, скользили по оконным стеклам и, проникая в детские комнаты, начинали весело плясать по стенам, полу и потолку. Возмущенные таким озорным поведением природы родители забегают в детские комнаты и поплотней задергивают шторы, что бы предотвратить преждевременное пробуждение своих чад. Но уже поздно, и как только мама выходит из комнаты, на лице малыша расцветает победная улыбка, а огромные озорные глазки открываются. Под ненавязчивые протесты родителей малыши бегут на улицу, навстречу первому зимнему снегу. И трудно найти на свете минуты радостней, чем лепка первого зимнего снеговика. Веселого и смешного, с глазами угольками и носом из оранжевой морковки. Холодного, но с теплой улыбкой.

Однако есть малыши необычные, которые снег вовсе и не любят. Живут они в подвале дома, прямо под обычными малышами.

Одного из таких необычных малышей звали Пик, и был он по собственному мнению совсем не малыш, а серьезный и самостоятельный кролик. И пусть лапки его были до смешного маленькие, и весь он сам так же был удивительно мал и забавен, это не мешало ему мнить себя величайшим из всех, когда-либо существовавших, кроликов.

Пик вместе с другими кроликами жил в подвале большого и красивого дома на окраине какой-то деревушки, название которой мало кого волновало, кроликов уж тем более. Они просто жили в свое удовольствие. Грызли капусту и травку, которую воровали для них с огорода соседи, жившие наверху, дети. Родители частенько ругались на своих маленьких за то, что они таскают еду для кроликов, но ругались как-то по-доброму, и никогда не наказывали их, и дети продолжали таскать снова. Иногда они приносили рваные пуховые подушки, больше непригодные для людей, но зато подходящие кроликам, для того что бы маленьким крольчатам было теплее. Словом, жили кролики в уюте и спокойствии.

Пик родился в большой семье, собственно, все кроличьи семьи были большими, однако семья Пика даже среди кроликов считалась большой. И пусть Пик и был, по своему мнению, давно уже состоятельным и взрослым кроликом, нюх на сладенькую,

сочную морковку был у него отменный, и едва почуяв ее запах, он самый первый вылезал из норки и бежал искать угощение.

Итак, одним ясным светлым утром, разбуженный зимним солнцем Пик, важно заложив за спинку маленькие лапки, направился на прогулку вокруг дома.

— Фу, этот снег, до чего противное явление природы,— рассуждал он.— И что хорошего может получиться из снега, ну ничегошеньки, ровным счетом. И почему это дети так любят его. Тьфу ты гадость какая, она еще и глаза слепит,— после темноты подвала свет зимнего солнца, многократно отраженный в снежинках, нестерпимо слепил ему глаза.

Так думал Пик, семеня маленькими лапками по сугробам.

— Ай, как холодно. Решительно, маленькие кроличьи лапки совершенно не пригодны для беготни по жгучим холодом сугробам. Ох, уж этот снег, была бы моя воля, я бы...— Внезапно маленький, чуткий носик уловил знакомый, сочный запах.— Морковка! В сугробе... Быть этого не может!

Яростно работая лапками, Пик побежал вперед на запах угощения. Тщетно он старался заставить себя держаться гордо и степенно, запах морковки манил его как малыша, и он повиновался. Да, это был не мираж. На вершине холмика, прямо из сугроба торчала оранжевая, ароматная морковка.

— Ах... вот повезло так повезло.

Кролик сбежал вверх на холмик и радость его мгновенно пропала. То, что издали казалось просто бесформенной кучей снега, на самом деле было достаточно аккуратно слеplенным снеговиком с глазами угольками и глуповатой улыбкой. Снеговик стоял гордый и красивый с высоко вздернутым морковным носом.

— Еще бы не задирать ему нос, когда он у него такой замечательный,— подумал кролик, злобно потопывая маленькой лапкой по снегу.— И как бы выкрасть ее теперь — эту чудесную, удивительную, идеальную морковку, по-хорошему он ее конечно не отдаст.

А морковка действительно была замечательная. Длинная, ровная и правильная со всех сторон, удивительно насыщенного красно-оранжевого, немного розоватого цвета с острым кончиком. Самая лучшая на свете морковка.

— И не жалко было глупым детям тратить такую превосходную морковку на какого-то снеговика, ведь они могли ее отдать кроликам, им-то она, конечно, нужнее.

Пик рассерженно скакал вокруг снеговика, не решаясь подойти к нему. Морковка манила его своей сказочной красотой, но страх услышать отказ не позволял подойти ближе.

— Ну, в конце концов, я — взрослый уже кролик, почему же трепещу как крольчонок перед каким-то несчастным снеговиком?!

Пик выглянул из-за холма. Снеговик стоял гордый и безмятежный. Его снежная кожа ласково искрилась на зимнем солнце.

— Тьфу ты, так и светит, глупый, снежный ком,— Пик рассерженно притопнул лапкой и выскочил из-за холма.— Эй ты...— собственный голос вдруг показался ему до глупости детским и писклявым.— Да ты пустоголовый!

Снеговик удивленно скосил на кролика глаза уголечки, наклонить голову он не мог, ведь у него не было шеи.

— Эй! Почему так грубо? — спросил он.

Пик заговорил звонким, снежным голосом, похожим на звуки колокольчика:

— Дайка мне свою морковку.

— С какой стати?! — теперь звонкий голос снежного гиганта звучал возмущенно.

— С такой, что тебе она вообще ни к чему.

— А тебе зачем?

— Да как тебе не стыдно, глупый ты снежный шарик, кроличье семейство голодает, нашим детям не хватает еды, в то время как такие как ты так нагло и нерационально используют ресурсы.

— Ты говоришь глупости. С этого холма я видел своими глазами, как дети притащили целый ящик сочной морковки в ваш подвальчик.

— Наглая ложь! — вскричал Пик. — Мы голодаем!

Снеговик усмехнулся.

— Иди-ка, поищи морковку в другом месте, а эта останется при мне.

— Вот есть же на свете бесчувственные существа. Хотя, что и говорить, ведь ты слеплен из холодного снега. Чего еще ждать от тебя?! — пробурчал Пик и гневно поскакал к своему подвалу.

— Ты создан из плоти и крови, однако злости в тебе едва ли меньше, — тихо и печально прозвенел снеговик. Его явно обидели грубо брошенные слова неразумного кролика. — Нет, не отдам я ему свой носик, — секунду заколебавшись, пробормотал он в след убежавшему по снегу кролику.

Кролик скакал быстро, взрывая за собой пушистые снежные сугробы. Едва приблизившись к темной норке входа, он вдруг заметил беспокойно скачущую у подвальчика из стороны в сторону знакомую круглую фигурку. Фигуркой оказалась проворная, пушистая крольчиха, Розы, сестра Пика. Завидев брата, она встрепенулась и стремглав бросилась ему навстречу.

— Ох, снова эта глупая крольчиха, — подумал Пик и поморщился, — все чувства у нее напоказ.

Вообще-то Пик очень даже любил Розы, хотя и старался не показывать этого, особенно при детях и других кроликах, но уж очень терпеть не мог, когда она вопила. А маленькая крольчиха действительно любила повопить, и когда начинала, то остановить ее было уже невозможно.

— О-о-о, Пик, я как раз поджидаю тебя, — заверещала Розы и весело забарабанила задней лапой по снегу, поднимая в воздух тучи снежинок.

— Неужели?! — раздраженно отозвался Пик и степенно двинулся к дому. Розы весело поскакала за ним, она совершенно не замечала равнодушные брата и была все так же весела и безмятежна, как солнышко в самый ясный зимний денек.

— О-о-о, Пик, ты представляешь, такое чудо! Дети! Они притащили сегодня так много морковки, целый ящик. Самый огромный из ящиков. Такой огромный, я и помыслить не могла, что бывают такие огромные ящики. И ты знаешь, милый мой дружок, он до краев наполнен морковкой. Удивительно вкусной морковью. Бежим быстрее, братишка, бежим! — зайчиха обогнала Пика и, заливаясь смехом, поскакала вперед, взрывая за собой сугробы. — Морковь...

Пик равнодушно спустился домой. В самом деле, глупая крольчиха была права. Посреди подвальчика действительно стоял ящик самой настоящей моркови. Кролики возбужденно толпились возле него, шуршали и ругались. Каждый хотел ухватить кусочек побольше. Однако большого смысла в этом не было. Морковки было столько, что кролики могли питаться ею до отвала всю зиму, выбирая при этом самые лакомые кусочки.

Пик взглянул на морковь, и ему стало тошно. Нет, это совсем не та чудная морковь, какую он видел у снеговика. Та другая! Неповторимая, самая лучшая. Наверняка самая сладкая на свете морковь.

— Я должен. Я должен заполучить ее. И только ее. Эта морковь не годится, — сказал он, и важно заложив маленькие лапки за спинку, отправился обдумывать план похищения самой лучшей на свете морковки.

Следующим утром Пик встал очень рано. Едва солнце зарумянило розовыми лучами вчерашний первый снег, как он уже скакал в горку, чтобы осуществить свой коварный, но по-кроличьи простой план. Пик хотел попросту украсть морковку. Рассчитывая на крепкий сон снежного гиганта, он планировал тихонько подобраться поближе и, подпрыгнув, выхватить морковку из снежной головы. Однако и снеговик был не так прост, как хотелось бы Пику. И когда величайший из кроликов поднялся на горку, то обнаружил, что снеговик совсем и не спал. Его маленькие, черные глаза-уголочки приветливо светились. Он широко и глуповато улыбался, как и положено снеговику.

«Вот глупый снежный монстр»,— раздраженно подумал Пик.

— Ах, это снова ты, маленький кролик,— словно подслушав его мысли, проговорил снеговик и улыбнулся.— Я вот проснулся только что. Прекрасная погода, не правда ли? Морозно!

«Только что проснулся, говоришь»?! — подумал Пик злобно.— Значит завтра стоит прийти еще раньше и тогда план будет осуществлен. Посмотрим, чья возьмет,— пробормотал Пик вслух и поскакал обратно к норке.

На пороге его вновь встретила Роза.

— Пик, ты представляешь...— заверещала она, но Пик даже слушать ее не стал и неприветливо проскакал мимо.

— Чем бы занять себя? — подумал он, слоняясь из угла в угол.— Перекусить быть может?!

Но нет, у Пика совсем не было аппетита. Он грезил о заветной морковке. Думал, как схватит ее, как вопьется зубами в ее оранжевую мякоть, как ощутит во рту ее сочную свежесть! С этой мыслью Пик заснул и проспал весь день. Он встал рано, когда еще не расцвело. Лишь фиолетовая полоса пролегла на горизонте и зазолотилась на крышах высоких соседских домов. Пик бесшумно поскакал на холмик на встречу с неприятелем, надеясь застать его врасплох. Но вот сюрприз, снежный гигант опять бодрствовал и его темные глаза-уголки светились сегодня даже еще ярче.

— Вот подлый, ледяной чурбан! — выругался Пик и вновь ускакал домой.— Ну, ничего, я встану еще раньше, должен же он хоть когда-то спать?!

Так прошло несколько недель. Каждое утро, едва-едва забрезжит полоса рассвета, как Пик бегал на заветный холм. И каждый раз возвращался ни с чем. Он сильно исхудал за эту зиму. Некогда упитанный кролик превратился в свое жалкое подобие. В кроличью шкуру, натянутую на кости. Как будто чучельник сделал из его остатков искусное чучело. Удивительно, как сильно меняет страсть получить что-то большее, чем ты имеешь. Пик практически сошел с ума. В его некогда мудрых глазах засветилось безумие, носик нервно дергался на худой изможденной мордочке. Он вечно бормотал что-то о чудесной морковке, растущей прямо из сугроба. Бывало, ночами он громко стонал, и даже плакал, умоляя принести ему морковь из сугроба. Другую морковь, он и видеть не хотел; только ту — самую заветную! По ней ныло его маленькое кроличье сердце, страсть и жажда прогрызли в нем дыру, и оно плакало и страдало.

Часто Пик представлял жестокую расправу, которую учинит он над снеговиком, как только заполучит заветную морковь. Особенно часто случалось это, когда измученный темными, безморковными ночами Пик заступал на дежурство, следя, когда заснет его холодный враг, чтобы выхватить из его головы то, о чем он грезил столько дней.

Но снеговик, казалось, никогда не спал. Ночами он любовался звездами, их нежным, холодным и приветливым сиянием. Так же светились его глаза-уголочки. Днем с ним играли детки, а по вечерам и по утрам он любовался пурпурной зарей. Жизнь его

была насыщена событиями. Он купался в дружбе и любви, и постоянно улыбался всем, кто смотрел на него. Даже Пику улыбался, однако, кролик не замечал в снеговике ничего, кроме его чудного носа, которого, по мнению самого кролика, снеговик был не достоин.

Так прошло много-много дней. И неожиданно наступила весна. Почти так же неожиданно, как когда-то зима. Вдруг сжался на холмике снег, словно вату облили водой. И запели птицы, и кролики все чаще стали выбираться из своего подвальчика, посмотреть на божий свет, и искупаться в первый лучах весеннего солнца.

Поначалу и снеговик наслаждался чудной природной магией, творившейся вокруг, а потом вдруг резко погрузился. Весь он сжался, располнел и растекался. Вжал помельчавшую голову в некогда могучее снежное тело. Отекшие ноги уже не могли удержать его. Улыбка размылась, и глаза-уголочки смотрели теперь грустно, неприветливо. Лишь морковка осталась та же самая. Замечательная, идеальная морковка. Возбужденный весенним переполохом Пик теперь все чаще и чаще приходил на холмик посмотреть на нее. По правде говоря, он уже давно забыл, какая на вкус морковь. Последние несколько месяцев он жевал лишь ботву, да вялую капусту, к морковке он даже не притрагивался и все грезил об идеале.

И вот однажды в особенно теплый день Пик выскочил на холмик и не узнал его. Он словно бы стал меньше и вместо холодной, белоснежной ваты здесь теперь влажно блестя черная земля, сквозь которую пробивались молодые зеленые травинки — первые подарки весны.

А снеговик умирал. Он уже даже не сидел, а лежал на еще холодной и мокрой земле и по его грязному телу катились в землю прямо к траве капельки талого снега. Его некогда приветливый рот, почти совсем размылся, уголки губ опустились, как у грустного клоуна в цирке, а глаза разъехались в стороны.

Пик вздрогнул. Холодок ужаса пробежал по его шкурке. Увидев знакомого кролика, снеговик попытался сотворить на своем лице некое подобие улыбки, однако даже это не получилось у него. Он долго охал, силясь произнести что-то, но голос не повиновался ему. Пик стоял застывшим от удивления и страха, его маленький хвостик предательски подрагивал. Впервые он видел своего врага поверженным, лежащим на черной земле и испускающего последние силы. Казалось, всего-то один - два прыжка до заветной цели. Той цели, к которой он шел столько недель, ради которой морил себя голодом и ради которой проводил холодные ночи у заветного холма. Но он не мог, не мог сделать ни шагу к врагу, лежавшему у его ног. Пик отступил, впервые за три месяца. А снеговик вдруг приподнялся. Он вновь заохал, в ответ ему зачирикали в еще не покрытых зеленью кустах птицы. Снеговик напрягся, и на лице его появилась слабая, едва заметная улыбка.

— Сюда...— пробулькал он, уже почти полностью растекаясь.

Пик огляделся и неуверенно шагнул вперед.

Снеговик качнул головой, и к ногам Пика упала, словно яблоко с дерева, заветная морковь.

— Возьми дружек, она мне больше не нужна.

Пик задрожал, он хотел сказать снеговика что-то доброе, что-то ободряющее, но у него не получалось.

— Спасибо,— хрипло прошептал он и отвернулся. Ему хотелось посмотреть на снеговика, взглянуть в последний раз в его дружелюбные, блестящие глаза, но когда он повернулся, снеговика уже не было, лишь два уголка плавали в мутной воде, которую жадно всасывала в себя земля, и розово-оранжевая, как закатная полоса, морковка лежала у ног победителя. Пик поднял ее с земли. Она еще хранила в себе нежный зимний холод.

«Красивая какая... вкусная, наверное»,— подумал Пик и в ту же минуту за его спиной возникла Роза.

— Поделишься? Я делилась с тобой, помнишь? — спросила она.

— Нет, я ее верну снеговика,— грустно вздохнув, ответил ей Пик.

— Но его же нет, он растаял,— удивилась Роза, указывая лапкой на лужицу, оставшуюся от снеговика.

— Он вернется, я это точно знаю. На следующую зиму он к нам обязательно вернется! Я верну ему его морковку, и мы с ним станем настоящими друзьями! — ответил Пик и улыбнулся. Он был рад такому своему решению.

А в безоблачном голубом небе, переливаясь радужными огнями, весело светило яркое весеннее солнышко. Оно ласкало кролика теплыми лучами и радовалось вместе с ним тому, что он стал лучше, стал добрее и терпимее. Радовалось тому, что, когда вновь наступит зима, снеговик не останется один, и не будет скучать в холодные зимние ночи, потому что отныне у него появился настоящий и верный друг, и имя ему — Пик.

Ольга и Наталья Артемовы
(п. Медвенка, Курская область)

ОБМАН

Наши постоянные авторы, лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Она стояла во Всемирном музее древностей наряду с другими малоинтересными экспонатами: костями каких-то мастодонтов и медленно умирающими мумиями египетских царей. Ее страницы были девственно чисты: никогда ни единый человек не прикасался к ним. По странной насмешке судьбы последняя на земле книга была напечатана там же, где в неправдоподобно давние года заработал станок Гутенберга, в Майнце. Ее издал на собственные средства какой-то свихнувшийся на культуре промышленник уже после того, как вышел мировой закон, запрещающий бумажные издания. Богатея принудили выплатить разорительный штраф. Книгу изъяли — и вот она, выставлена на всеобщее обозрение, как какая-нибудь девка, прикованная к позорному столбу.

«Сколько же вокруг психов!» — скрипел старейший смотритель музея Джек Андерсен, думая о свихнувшемся меценате, выбросившем деньги на ветер — несколько листов, покрытых так называемой типографской краской, дурно пахнущей, некрасивой смесью. «Как все-таки не экологично, по-варварски жили наши фатеры», — кривился Джек. Не все, конечно. Лично его фатер не прочел в жизни ни единой книги. И ни капельки об этом не жалел. Он и сыновьям запретил забивать крепкие головы всякой чушью. «Бумажная дурь расшатывает нервы», — изрекал красномордый фатер. И Джек нервы себе не расшатывал. Он прожил спокойную жизнь.

Но сейчас в долгие ночные часы музейного бдения его почему-то все время тянуло к монитору, на котором застыла последняя бумажная книга в истории человечества. Под крепчайшим орехом стекла нового поколения она ощутимо томилась одиночеством, и Джек испытывал нечто вроде ответной тоски.

Однажды он не выдержал. Спустился вниз и боком приблизился к книге. Кашлянул. Оглянулся воровато: нет ли свидетелей того, что он на старости лет собрался забивать себе голову дурью, как какой-нибудь мальчишка или псих? Но не было поблизости никого. Только мастодонты с бессильной свирепостью пялили пустые глазницы, да сквозь маски египетских царей проступала не стертая смертью тонкая ядовитая ненависть. Джек хмыкнул, подкрался к стеклянному ореху ближе и одним глазом вкось уставился на испрещенный оспинами букв лист. Минуту он напряженно вчитывался. На его здоровой лысине даже выступили пятна противно пахнущего пота. Но вот Джек отвалился от стекла, как взявшая свое пиявка, и пренебрежительно выдохнул. Как и говорил фатер: ерунда! Чушь собачья! И надо ж было выкинуть такие деньжищи на жалкое фарисейство! Так ведь кто-то же его еще и писал! Расшаты-

вал свои нервы! Разочарованный Джек отошел. Он тяжело вздыхал, усаживаясь в привычное кресло и присасываясь к бутылке с водой, которая рекламировалась как очищенная от всех вредных примесей. Потекла невыносимо длинная ночь.

«Негодяйка»,— процедил Джек, посматривая из-под кустистых бровей в монитор с книгой. Она обманула его. Правильно сделали, что заключили ее в карцер из непробиваемого стекла. Там вонючке самое место. Какая ценность в этой заплесневелой истории?! Тяжелым слогом злой дух уговаривал такого же, как Джек, старикана отдать ему душу за исполнение любого желания. Смотритель хмыкнул: великая мудрость! Эту мудрость он каждый день видит и слышит с завлекательных уличных экранов. «Купи меня!» — просит какое-то страшно древнее вино. «Возьми меня!» — подмигивает красотка, отставив тугой зад. И на каждом углу разного рода дельцы уговаривают каждого возлюбить себя самого как бога. Будто на это нужны лишние уговоры! Великая мудрость! Вот его фатер был, действительно, мудрым человеком, говаривал: не расшатывай себе нервы. И Джек не подкосил свое здоровье.

Несколько ночей смотритель не думал о книге. Но однажды в особенно томительную смену его взгляд опять упал на нее и словно прилип. Джек старался думать о чем-то ином, здоровом: концентрированном супе, например, который он примет после утомительного дежурства, но мысли вновь и вновь возвращались к призывно распахнувшей свои объятия негодяйке. «Она меня завлекает»,— думал Джек и показывал книге кукиш. «Ишь, чего захотела, чтобы я прочитал тебя. А как я, спрашивается, это сделаю, если ты под колпаком?» — бубнил старик. Нет, он, конечно, может его открыть, он знает, как это сделать. Но не сделает. Никогда. Зачем, спрашивается, рисковать ему тепленьким местечком ради каких-то неаппетитных бредней?

«Не буду я рисковать»,— кряхтел Джек, вдруг обнаруживая себя в опасной близости от негодяйки...

Ее листы отозвались сладострастным шуршанием. Время тут же побежало вскачь, прыжками. Сердце старика нехорошо екало от страха. И хотя он знал: никакое начальство сюда среди ночи не явится, чтобы застать его на месте преступления — нервы расшатывались. А из-за чего? «Все ложь!» — удовлетворенно подытожил Джек, возвращая книгу на место. Ну, понятно! Старик попросил вернуть ему молодость. Эка, мудрость! Можно подумать, от перемены мест слагаемых поменяется что-то в жизни или в тебе самом. Джек тоже был молодым. Да-а-а. Но он не может сказать, что тогда чувствовал позывы, сильно отличные от сегодняшних. И возвращаться обратно... брести по пыльной жизненной дороге вновь в надежде подобрать оброненное кем-то жемчужное зерно? Нет... У него просто не хватит сил и желания на путешествие номер два. Да и ни у кого не хватит! Будь ты хоть трижды Фауст! Потому что словечки «любовь», «счастье», «наслаждение» придумали писателишки, чтобы сбывать свой залежалый товарец, потом дешевые побрякушки подхватили телевизионщики, компьютерщики. Но ничего этого нет. Ни любви, ни счастья, ни наслаждения! И никогда не было на земле. Джек даже хихикнул, и ему стало так уютно в своем модернизированном кресле из кожи, как гласила реклама, максимально приближенной к настоящей. Джек решил не дочитывать книгу.

Днем в своей современной комнате, продуваемой кондиционером, он не вспомнил о ней ни разу. Ни когда поглощал из пакетика жидкость со вкусом настоящего домашнего молока. Ни когда смотрел новости. И когда захрапел у телевизора, она ему не приснилась.

Но как только старик оказался на своем рабочем месте, книга позвала его властно и тяжело. «Негодяйка! — шептал Джек, бросая ожесточенные взгляды в сторону монитора.— Стоишь там? Ну и стой! Еще хоть сотни лет пылись. Никто к тебе не приронется. Пожелтеешь, усохнешь от тоски. К тебе же посетители и близко не подхо-

дят. Ты ведь никому не интересна. Пустышка! Думаешь, этому старому дуралею принесло счастье возвращение в беспутную молодость?»

И вдруг Джек торопливо спустился вниз. Деловито вскрыл стеклянный кокон. Послюнявил палец, перевернул уже прочитанные страницы. С мукой на лице уставился на витиеватый текст. Он не помнил, сколько читал. Как-то незаметно от истории никого не лечившего доктора Джек перешел к своей собственной очень здоровой жизни. Его жена после свадьбы вдруг катастрофически быстро заплыла жиром. Целыми часами, точно приклеенная, она сидела у телевизора и с монотонностью машины жевала поп-корн. На нее было тошно смотреть. Но Джек считал, что с женой ему повезло. Она не расшатывала ему нервы! Никогда в жизни эта женщина не сказала ему: «Я люблю тебя!», «Я хочу тебя!», «Ты мне нужен...». Джек даже не помнил, назвала ли она его хоть раз по имени. Мэри окрестила его сусликом, и это в их семье считалось верхом нежности и искренности. И он, конечно, в вопросах любовных соплей не усердствовал. Обходились нормально и без этого. Вот только... Только почему-то сейчас колет в груди. Будто этот изображенный на первом листе растрепанный старик Гете придуманной своей историей вбил ему в сердце осиновый кол. Джек с трудом выдохнул: «Это он о себе написал. Гете сам захотел утащить у неба вечную молодость и бессмертие. Но я-то здесь при чем? А может... может он обо мне написал?...» Мысли путались, не укладывались, как это бывало обычно, в стройную систему. Старик ощутил нехорошую головную боль. К счастью, в Зале Часов раздался ужасающе дружный бой и мысли старика побежали привычной тропой. Вот еще одно неразумное изобретение наших фатеров. То ли дело электронные часы! Тихо и не пыльно.

Джек взглянул на циферблат, и у него отвалилась челюсть. Пять утра?! Вот-вот явится сменщик — здоровенный и упругий, как удав, негр. Он тоже не прочел в своей жизни ни одной книги. И нервы его абсолютно не расшатаны. В прекрасных, бархатных, как слива, глазах сменщика Джек каждый раз читал одно и то же: а не пора ли тебе на покой, старикан? Но Джека держат в музее древностей как своеобразный экспонат: старейший смотритель, который помнит... Да ничего он не помнит!

Дрожащими руками старик запер в стеклянной камере совратившую его негодяйку. Торопливо бросился на свое рабочее место. Весь покрытый холодным потом упал в кресло перед мониторами.

И тут только заметил, что оставил книгу открытой не на той странице. Несчастного старика чуть не хватил удар. До-га-да-ют-ся!.. Поймут, что он лапал эту поганку! У-во-лят! Из-за каких-то бредней! Из-за пустейшей истории, которую он каждый день в жизни видит. Подумаешь, помолодевший старикан сделал ребенка слабонервной красотке. Если бы у него, у Джека, появились деньги, он бы их десяток заделал и красотки бы и не подумали впадать в истерику. Только отстегивай баксы — и никаких вопросов и истерик. До чего же глупая книга! До чего же эти фатеры были тупые! И из-за этого он может потерять теплое место.

День Джек провел, как на иголках. За всю жизнь его не колошматила такая нервотрепка. Он представлял, как главный смотритель останавливается у книги... Или нет... какой-нибудь щуплый дегенерат, пишущий диссертацию: «А почему она в прошлый раз была открыта на другой странице? На картинке с баром. А теперь тут слабонервная красотка в тюрьге...» «Да твое какое собачье дело почему!» — мысленно огрызался Джек.

С вполне понятным и оправданным страхом мешалась непонятная, прямо-таки неприличная тоска. Эта негодяйка все-таки подрасшатала ему нервы.

Впрочем, дергался Джек зря. Никто не заметил казуса с книгой. Она попросту никого не интересовала. Абсолютно никого.

Как только Джек остался один, он торопливо сбежал вниз единственно с целью

поправить книгу. Но когда она оказалась у него в руках, когда страницы ее сладострастно зашуршали, когда на Джека глянуло умоляющее лицо нарисованной Маргариты, он осторожненько пошевелил пальцами... Ну, ладно... Еще страничку. Он только узнает, когда же старый дуралей остановил время... Но время словно остановилось для несчастного Джека.

Он очнулся от какого-то металлического голоса:

— Как вы могли совершить такой проступок? Вы — наш старейший сотрудник?

Джек с трудом оторвался от книги. Главный смотритель так прям и монументален, что напоминает памятник. Очень крепкий человек. За этим монолитом еще один истукан — сменщик негр. В его бархатных сливах написано довольное: попался, старикан?!

— Я жду ответа.

— Понимаете, он его обманул...— Джек смотрел на разгневанное начальство просветленным взглядом психа или святого.

— Это вы обманули наше доверие.

— Нет! Это вы обманываете людей! — неожиданно тонким и высоким голосом прирожденного юродивого выкрикнул Джек.— Эта книга... Зачем вы запрятали ее? За какую вину?

И вдруг заплакал горькими старческими слезами. Вокруг них начали стремительно собираться какие-то люди: экскурсоводы, уборщицы, самые ранние нетерпеливые посетители.

— Что случилось? — раздалось заинтересованное из толпы.

— Ничего особенного. Старик скоропостижно сошел с ума. Бывает,— непрерываемым тоном ответил главный смотритель.

Кто-то хихикнул. Кто-то обронил издевательскую реплику. Но Джек не слышал этих людей. Он слышал голос давно умершего человека, который посмел обмануть время. Он думал о том, что в своей жизни не сумел обмануть ни Бога, ни темные силы, ни себе подобных, ни судьбу. А ведь ему казалось, он прожил жизнь так, как надо. Еще вчера мог в этом поклясться!

Что-то острое и томительное врезалось в его бедное старческое сердце все глубже. Джек уже не слышал голоса растрепанного старика. В его ушах нарастал шорох страниц. Он стал просто невыносимым. И тут Джек понял, что это шумит его собственная кровь, захотевшая увидеть мир.

Теперь у последней печатной книги в истории человечества всегда много посетителей. Овечьи круглыми глазами они смотрят на темные пятна на ее страницах и краткую подпись внизу: «В присутствии двадцати свидетелей убила старейшего смотрителя музея Джека Андерсена. Читать не рекомендуется». В большинстве своем эти здоровые люди зябко ежатся, как на сквозняке, и отходят. В большинстве своем...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ШОКОЛАДНЫЙ СИМВОЛ ВОЛИ

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Давно дело было... В конце шестидесятых. Я тогда в пятый класс ходил. И очень любил конфеты, особенно шоколадные, с белой начинкой. «Пилот», «Весна», «Озеро Рица». Не скажу, чтобы уж так часто они мне перепадали, а все же почаще, чем старшей на четыре года сестре, Иринке. Сладким обоим больше баловала бабушка Дуся, наш главный воспитатель.

Заканчивалась вторая четверть, и я жил в предвкушении новогоднего праздника и зимних каникул. Во дворе снежинками на иголках серебрилась уже купленная отцом разлапистая ель. Так хотелось поскорее ее украсить...

И вот наконец отец принес из сарая крестовину, чуточку подпилил ствол лесной красавицы и установил ее посреди зала. В комнате вскорости запахло хвоей. Игрушки развешивали мы с сестрой — разумеется, под контролем бабушки.

О, эти елочные игрушки моего детства! Пузатые будильники, на которых всегда без пяти двенадцать, лубочные избушки с заснеженными крышами, фигурки сказочных зверюшек, переливчатые рыбки, грибы-крепыши... А красная звезда из стекляруса на проволоке чудом сохранилась у меня и поныне. Айболит и старик Хоттабыч. Светофор и матрешка. Труба, скрипка и барабан: все ручной росписи. Космонавт и ракета. Витые сосульки. Аж три пендитных кукурузных початка. Гирлянды из флажков. И, конечно, жизнерадостные шары — всех цветов и размеров: с портретами вождей, с серпом и молотом, с узорами, с отражателем, с серебристой присыпкой, — неярко блестящие среди колких мохнатых ветвей. Сегодняшние же пластиковые шарики оптом сработаны на одну колодку и без души. Единственный плюс, да и то сомнительный: не бьются.

Под елку мы установили снегурочку и деда-мороза из папье-маше с надрезанным мешком: по малолетству Иринка пыталась найти в нем подарок.

В заключение священнодействия бабушка принесла еще и конфеты «Пилот» — двенадцать штук, я их сразу сосчитал, и мы на нитках подвесили лакомство за хвостики фантиков. Потом бабушка предупредила:

— И чтоб ни-ни! Пусть пока покрасуются, а уж после праздника разделите.

Ничего себе испытание для меня, сладкоежки! Еще и елка рядом с моим диваном: утром глаза открыл — конфеты с веток дразнятся; спать ложисься — опять душевное расстройство. Что испытание — настоящая пытка неокрепшего волею...

Словом, уже через два дня «не вынесла душа поэта»... Ведь половина конфет моя, так? Какая же разница, когда именно их употребить? Ну, недовисели, подумаешь, это-то мы замаскируем.

Первой «жертвой» стал «Пилот» с нижней ветки. Подгадав момент, я вытянул его из фантика и с наслаждением сжевал, а пустую бумажку свернул так, чтобы казалось, будто конфета цела. Лиха беда начало — в тот же день добрался и до второй, а следующим утром — до третьей. Ликвидировав полдюжины «Пилотов», временно остановился: оставшиеся-то уже вроде и не мои...

Однако я быстро пришел к мысли, что сестра почти взрослая и вообще за свою длинную жизнь куда больше меня всяких вкусностей переела,— значит, пора восстанавливать справедливость. И без всяких угрызений опустошил пару очередных фантиков. Потом, даже внутренне не оправдываясь, просто «приговорил» две следующие конфеты. Доел бы и последние, с самого верха елки: семь бед — один ответ. Но тут наступило тридцатое декабря, и на школьном новогоднем празднике мне вручили традиционный подарок.

Я было хотел подстраховаться, завернуть в пустые фантики конфеты из кульки, но... Это почти все шоколадные повыбирать? Жа-алко...

Развязка наступила в конце новогоднего ужина — его нам с Иринкой устраивали в девять вечера, и я на нем сидел, как на елочных иголках.

Тогда мы с сестрой наверху по тарелке картофельного пюре с жареной курочкой, закусили сыром и краковской колбасой (она у меня соотносилась с орехами, разбиваемыми с треском: крак-крак!). Заедали все это салатом оливье. Потом мама отрезала нам по куску домашнего торта «Наполеон», а я лихо откупорил бутылку крем-соды и разлил шипучий напиток по чайным стаканам. Тем временем бабушка взяла ножницы и подошла к елке, где нацелилась на нижнего «Пилота», ныне обманного, равно как и девять его шоколадных братьев.

С болезненным любопытством я наблюдал, как пустой фантик смялся в подвижных жилистых пальцах. Сбитая с толку, бабушка на секунду-другую недоуменно замерла, затем потянулась к соседнему муляжу. Я безотчетно съежился на стуле. Снова пустофантический результат... И еще...

Повернувшись к праздничному столу, бабушка укоризненно взглядела в нас с сестрой. Лицо мое разом запыхало, я почему-то хихикнул, едва не опрокинул бутылку с остатками крем-соды и на автомате отвел взгляд в сторону. И как ясно понимал в тот момент, что все мое всполохное поведение само за себя говорит!

— А ну-ка, на меня посмотри! — скомандовала бабушка, определив виновника учиненной шкоды. И строго спросила: — Неужто все двенадцать тайком слопал?

— Да что ты! — поспешил я реабилитироваться хотя бы частично.— Еще целых две штуки остались, которые под шпилем.

— Как только у тебя с желудком плохо не стало. Стыдоба! — укорила мама.

— Так ведь это... не за один же раз,— чуть ли не уязвленно пояснил я.

— У, мелочь пузатая, животное обжористое! — вникла в ситуацию и сестра.

— Ирина! Язык-то окороти! — прищипнула на нее бабушка.

Но я на сестру вовсе не обиделся. Придумает же: животное! Вот наш белоцветный кот Айсберг, только что оделенный куриными косточками,— это да. И нисколько я не обжора, и пуза у меня нет. А что пока мал, так ведь постоянно расту, и придет время, старшенькую догоню и перегоню!

— Плутлив, однако! — как всегда, в двух словах высказался дедушка, вложив в них массу эмоций.

Ладно, дед в любом случае на моей стороне. Но вот папа, который сейчас беседует по телефону, точно по головке не погладит. Жуть! Сил нет как боязно...

Эх, и быть бы мне битым широким отцовским фронтовым ремнем, на котором точилась трофейная бритва «Золинген», однако меня отстояли дед с бабушкой. Она только изъяла четыре наиболее интересные конфеты из оставшихся в кулке, при-

совокупила к ним две несъеденные с елки и вручила кровно обиженной сестре, тоже любительнице сладкого. Мне же попеняла:

— Нету у тебя, друг ситцевый, силы воли ни на грош. А еще мужчина будущий. Срамота! — и отошла, бессильно махнув рукой.

Очень меня те слова пробрали, даром что мал был. Любым путем доказать захотелось: конфеты — пустяк, а сила воли имеется, и настоящий мужчина — такой, как мой кумир актер Жан Марэ из любимого фильма «Парижские тайны», — из меня обязательно получится.

Пожалуй, то был первый в моей жизни по-взрослому осознанный поступок. В сильно потощавшем кулке-подарке оставалась большая шоколадная медаль в серебряной фольге и с выступающей картинкой: космический корабль, удаляющийся от Земли к звездам. Медаль сберегалась напоследок: вкуснее будет казаться. Взял я ее и с отчаянной решимостью принес бабушке:

— На, возьми, а отдашь на следующий Новый год, тогда и съем. И попробуй только после сказать, что у меня силы воли нет!

— Э-э-э, друг сердешный, так дело не пойдет, — возразила бабушка. — Невелика важность, если я шоколадку под ключ упрячу. А вот ты ее в свой стол положи, чтоб все время под рукой, и потерпи годик. Тогда — герой!

На том и порешили. И еще — что это будет наш секрет.

Намучился я. Особенно спервоначалу. Сядешь уроки учить — а мысль о рядом лежащей сласти все знания отгоняет. Вынешь шоколадку, посмотришь на нее — тыфку, сгинь, искусительница! — и назад, в ящик.

Я уж и серебряную фольгу аккуратно снимал, и шоколад нюхал, и кончиком языка к выпуклому изображению прикладывался. Ах, как хотелось отгрызть ту же «Землю», либо хотя бы ракету слизать... Сейчас-то понятно: сам соль на рану сыпал. Но — кое-как держался. Бабушка же время от времени интересовалась: «Ну что там твоя медаль? Есть еще сила воли, не съел?»

Я несся к столу и предъявлял зачанку. И как был тогда горд и счастлив!

Летом сдерживать себя оказалось проще: каникулы, еще и в гости уезжал. Вернулся домой — и сразу к столу: на месте ли шоколад? Да куда ему деться...

А вот в сентябре едва не сорвался. Получил нагоняй от матери за то, что гулял много, по-летнему, а за уроки садился под вечер. И как бы в компенсацию просто загорелось эту распроклятую медаль изничтожить! Спасибо бабушке — вовремя углядела, что с внуком что-то неладное, и о «силе воли» спросила...

Дотерпел-таки я до следующего Нового года! За праздничным столом бабушка открыла домашним нашу тайну и торжественно подвигла меня на поедание шоколадного символа воли. Медаль к тому времени треснула — как раз меж Землей и ракетой, немного посветлела и сильно затвердела. Пришлось ее натурально грызть.

И все равно: это был самый вкусный шоколад, который мне довелось попробовать в жизни...

Галина Зеленкина
(г. Кодинск, Красноярский край)

Член Союза писателей России (МГО), академик ПАНИ (отделение «Литература»), член жюри Международного поэтического конкурса ПАНИ «Россия, перед именем твоим...» (2015—2017). Окончила Иркутский политехнический институт. С 1997 года занимается писательским трудом. Наш постоянный автор.

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ НЕ ЛЮБИЛА ЧИТАТЬ

Жила-была одна девочка, у которой была очень добрая бабушка. Она называла свою внучку Машуней. И девочке очень нравилось это имя. Это не то, что строгое имя Мария, которым ее называла учительница Вероника Павловна. Она всех учеников первого «Б» класса называла только по именам и фамилиям, написанным в классном журнале.

— Наша учительница похожа на старуху Шапокляк из мультика,— заметил Костя, сосед Машуни по парте, когда учительница вызвала его отвечать урок.

— Константин Карпов, прошу вас выйти к доске и поделиться с нами своими знаниями,— произнесла Вероника Павловна, глядя поверх очков на вмиг погрузневшего мальчика.

— Садитесь на место, Константин Карпов! Уровень ваших знаний не позволяет мне поставить вам положительную оценку,— сказала учительница, не дождавшись правильного ответа.

— Может быть, нам Мария Коновалова прочтет заданный текст? — спросила Вероника Павловна, глядя в упор на девочку.

Машуня покачала головой и вслед за Костей тоже получила минус в журнале.

— Придется вашим родителям зайти ко мне на беседу,— произнесла учительница.— Я позвоню им по телефону и объясню, что из-за Марии и Константина наш класс не может выйти на первое место по успеваемости.

Когда Машуня вернулась из школы домой, то ее бабушка Надежда Ильинична заметила, что внучка чем-то расстроена. Девочка быстро поела и пошла в детскую, где легла на кровать и закрыла глаза.

— Что с тобой, Машуня? — встревожилась бабушка.— Ты не заболела?

— Нет,— ответила внучка.— Просто я устала и спать хочу.

Но бабушка прислонилась губами ко лбу девочки и, убедившись, что у ребенка температуры нет, отправилась в кухню по своим делам.

Маша быстро уснула, и приснилось ей, что она вместе с подружками Настей и Катей пошла на прогулку в сказочный лес и там заблудилась.

— Маша, ау! Где ты? Отзовись! — кричали по очереди Настя и Катя, но ответа так и не услышали.

А все потому, что Маша загляделась на красивую бабочку и захотела ее поймать. Она побежала за улетавшей вглубь дремучего леса бабочкой и сбилась с дороги.

В лесу было сумрачно, и постоянно слышались разные звуки: то шелест крыльев порхающих в кронах деревьев птиц, то хруст сучьев от лап пробежавшего зверька, а то и вовсе какие-то непонятные шорохи. Да и бабочка исчезла, словно по мановению волшебной палочки. Села Маша на пенек и стала плакать.

— Бедная я и несчастная неумеха! — громко причитала девочка и даже не услышала, как к ней подошел старый енот.

— О чем плачешь? — спросил он Машу.

Услышав незнакомый голос, девочка испуганно оглянулась, но добродушный вид зверька успокоил ее.

— Заблудилась я, — ответила Маша и снова всхлипнула.

— В сказочном лесу нельзя заблудиться, — возразил ей енот по имени Тришка. — Здесь повсюду висят указатели, на которых написано, как выйти на дорогу, ведущую в город.

— А я читать не люблю и не умею, — ответила девочка и снова захныкала.

— Это очень плохо, — заметил енот. — Даже я, старый енот, каждый вечер читаю своим внукам-енотикам на ночь сказки.

— А откуда вы их взяли? — удивилась Маша.

— Когда-то давным-давно одна умная девочка по имени Света подарила мне большую и толстую книгу сказок. Света показала мне буквы и научила читать. А я, в свою очередь, научил читать всех своих родных и близких. В моей семье все берегут подарок девочки Светы.

— Сейчас необязательно уметь читать книги, их можно слушать, — возразила девочка.

Но Тришка не согласился с ее мнением.

— Ты сама себе доказала, что ошибаешься, — заметил енот.

— Это почему же? — удивилась Маша, с недоверием глядя на Тришку.

— Если бы ты умела читать, то по указателям давно бы уже вышла на дорогу, где тебя ждут подруги, а не сидела бы на пенечке, обливаясь слезами, — ответил тот.

Ну что тут скажешь?! Прав был Тришка на все сто процентов. Поэтому Маше оставалось только молча согласиться с тем, что она сама виновата в том, что заблудилась в сказочном лесу.

— Ладно, — смилостивился енот. — Иди за мной, так и быть, выведу тебя на дорогу.

И они пошли от одного указателя к другому и вскоре вышли на дорогу.

— А теперь ты иди все время прямо, — посоветовал Тришка и повернулся, чтобы идти обратно.

— Спасибо тебе, добрый енот, — поблагодарила Маша Тришку. — Когда я вернусь домой, то буду учиться читать. А мои подруги Настя и Катя помогут мне.

— Я очень рад, что ты поняла, как трудно жить неучем. Ведь учение — это свет! — ответил енот и отправился к своим внукам-енотикам, чтобы прочитать им на ночь очередную добрую сказку.

А Маша вышла на дорогу, ведущую в город, и увидела на ней своих подружек Настю и Катю, которые сидели на придорожном камне и о чем-то говорили.

— Девочки, я нашлась! — крикнула Маша и побежала к подружкам.

Обрадовались девочки, что снова вместе. А когда узнали, что Маша будет учиться читать, то с радостью согласились ей помочь.

Надо сказать, что Маша была прилежной ученицей и с помощью своих верных подружек быстро научилась читать.

— Мария, ты молодец! — похвалила девочку учительница Вероника Павловна, когда та без запинки прочитала ей заданный урок по чтению.— Я с удовольствием поставлю тебе оценку «отлично».

Услышав от строгой учительницы похвалу ленивой Маше, ученики дружно захлопали в ладоши и трижды прокричали:

— Молодец!

«Приятно, когда тобой гордятся,— подумала Маша.— Как же я раньше не понимала, что терпение и труд лень перетрут?»

ШУРША-МУРША

Жила-была в дремучем лесу среди корней могучего дуба полевая мышка по имени Шурша-Мурша. Норка у нее была маленькая, поэтому запасов на зиму мышка припасла немного. Это не то, что было у нее в большой норе на краю пшеничного поля, которое отдали под строительство какого-то завода.

— Этого на зиму мне не хватит,— проговорила Шурша-Мурша, осмотрев свои запасы.

Сидя у корней дуба, она сначала пожалела себя, а потом стала плакать. Слезы сами вытекали из ее круглых глазенок и скатывались вниз по мордочке.

Услышав пробегавший мимо зайчик всхлипывания полевой мыши и остановился.

— О чем ты плачешь? — обратился он к Шурше-Мурше.— Тебя кто-то обидел?

Но мышка покачала головой и продолжила плакать. Да и как объяснить зайчику, что она сама виновата в том, что очутилась в стесненных условиях? Ведь звали же ее с собой другие полевые мыши, которые нашли для проживания другое пшеничное поле. Но Шурша-Мурша отказалась идти с ними за тридевять земель, она тогда подумала, что в лесу будет жить лучше, а на деле оказалось не так. Стыдно жаловаться на себя незнакомому зверьку, но деваться некуда.

— Я сама себя обидела,— ответила полевая мышь.

Удивился зайчик честному ответу незнакомки. «Надо мне с ней познакомиться»,— подумал он.

— Меня зовут Прошкой,— сказал зайчик, вопросительно глядя на полевую мышь.

— А меня Шуршей-Муршей,— ответила та.

— Вот и познакомились,— обрадовался зайчик.— А теперь покажи, как ты живешь.

Новая подружка показала Прошке свою норку и маленькую кладовую, где съестных запасов было только на месяц.

— Этого тебе на зиму не хватит,— заметил зайчик и, покачав головой, побежал дальше в лес.

— Я думала, что Прошка поможет, а он просто любопытствовал,— произнесла вслух Шурша-Мурша, но плакать не стала.

Она побродила рядом с норкой, нашла вкусную травку и поела ее. Затем Шурша-Мурша юркнула в свою норку и решила подремать. Но не тут-то было. Снаружи слышался знакомый голос зайчика Прошки.

— Выходи,— услышала мышь приказ зайчика и покинула норку.

Возле дуба она увидела много разных зверьков, а также нескольких землероек.

— Вы все ко мне? — удивилась Шурша-Мурша.

— Мы пришли тебе помочь,— ответил Прошка и попросил землероек сначала расширить мышиную норку, а затем вырыть новые, более просторные кладовые.

Получив указания от Прошки, зверьки приступили к работе. Барсук, енот, белка

и ежик выносили землю из норки и новых кладовых наружу и заодно укрепляли стены нового жилища Шурши-Мурши.

Вскоре были готовы большая норка и несколько просторных кладовых, соединенных между собой проходами. Снаружи все подходы к норке полевой мышши были заложены дерном и веточками, чтобы никто из посторонних не догадался, что в норе кто-то живет.

— А теперь мы должны помочь тебе с запасами,— произнес зайчик Прошка.

И все зверьки в знак согласия дружно кивнули головами. Шурша-Мурша не успела в ответ и двух слов сказать, как ее помощники разбежались кто куда. Спустя непродолжительное время все зверьки вернулись. Полевая мышшь увидела, что каждый из них принес для нее подарок. Белка принесла грибы и орехи, ежик принес яблоки, барсук и енот принесли съедобные корешки, семена и семечки. А зайчик насобиравил полное лукошко желудей.

Все подарки зверьки помогли полевой мышшке сложить в одну из кладовых.

— Вот видишь, одна из кладовых уже полна,— сказал Шурше-Мурше зайчик.— Осталось заполнить и остальные кладовые.

До самого вечера зверьки работали, не покладая лап, пока не заполнили припасами все кладовые.

— Уж не знаю, как мне вас всех благодарить,— со слезами на глазах произнесла полевая мышшь.— Без вашей помощи я бы зимой умерла от голода.

— Ну что ты плачешь, Шурша-Мурша? — обратился к полевой мышши Прошка.— Мы здесь, в лесу, всем слабым и беззащитным помогаем, потому что поодиночке трудно выжить. И ты можешь к нам присоединиться.

— И я тоже смогу помогать другим зверькам? — спросила Шурша-Мурша.

— Конечно,— ответил ей барсук.— Мы с удовольствием запишем тебя в наш отряд спасателей.

Ночью, лежа в своей норке на соломенной подстилке, полевая мышшь думала о том, как ей повезло с друзьями. И это были лучшие мысли в ее жизни.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ЛЮДИ-ПТИЦЫ

Наш постоянный автор.

Алешка, сидевший на крылечке, потер красные воспаленные глаза и поежился, поправляя старую куртку. Казалось, солнце пригревает, а потянет ветерок и сразу знобит. Что ни говори — осень на дворе. Он вздохнул. Вот уж который день не спит. Вроде закроет глаза, а сон не идет. Все бабу Шуру вспоминает. К ней привязался, когда родители померли. Баба Шура забрала его к себе. Одна жила. Дед Василий давно пропал. Вышел на двор и исчез. Долго искали, но не нашли. Разное говорили в деревне, будто он с нечистой водится, но чаще дурачком называли, но баба Шура никого не велела слушать. Говорила, что дед Василий хорошим мужиком был. Пусть у него мозги набекрень и со своей чудинкой, но все люди такие же, как дед, и ничем не лучше, а может и похуже, но скрывают это. И обещала, когда Алешка вырастет, рассказать про него. Алешка остался жить с баб Шурой. В школе слабенько учился. Бог ума не дал, как соседи говорили. Учителя махнули рукой, что толку тратить на него время, если ветер в голове гуляет. В одно ухо влетает, а из другого со свистом выскакивает. Сидит на уроках и ворон в небе считает. А бывало по осени, когда птицы собирались в стаи, Алешка выскакивал из класса и начинал кружить по двору, словно взлететь пытался. Девчонки смеялись и дураком обзывали, а мальчишки нередко лупили его, а он ни на кого не обижался. Он смотрел на всех и улыбался — широко и радостно. Учителя головой качали, мол, бабка Шурка, ты намучаешься с внуком-то. А когда тебя не будет, совсем пропадет паренек. И советовали, чтобы сдала его в детдом или в специальный интернат, где такие же живут, как он, а то и похуже. Убогие — одним словом. А баба Шура хмурилась, и начинала грозить всеми земными и небесными карами, за то, что живого человека хотят на погибель отправить, и говорила, что костями ляжет, но не отдаст родного внука. Пусть мозги набекрень, как у деда Василия, но он же человек — это главное! Как же можно взять и своими руками родную кровиночку в интернат отдать? И грозила скрюченным пальцем...

Баба Шура повезла внука в райцентр, врачам показала. Может, таблетки или микстуру выпишут, чтобы умишка прибавилось. Всего лишь капельку, а больше и не нужно. Жалко внука, к жизни неприспособлен. Врачи руками развели. Если своего ума нет, чужого не добавишь. Хворобу в башке нашли. Какое-то наследство передалось, как баба Шура всем говорила, а потом смеялась, что богатым будет внук-то и справки показывала, а что там понаписали врачи, черт ногу сломает. Махнет рукой баба Шура и меленько засмеется, прикрывая беззубый рот уголком косынки. А потом пристроила Алешку в мастерские. Пусть полы подметает да всякие железяки таскает, чем сиднем сидеть дома. Глядишь, копеечку заработает. Какая-никакая, а помощь.

Там Алешке понравилось. Особенно, когда разрешали в кабине посидеть. Вот уж радовался! И Алешка стал в мастерской пропадать с утра до вечера. Особенно, когда посевная или уборочная, когда каждая пара рук на вес золота, даже руки убогонького. Вернется домой, усядется за стол, а сам носом клюет. Не успеет улечься, уже засопел. И почти всегда один и тот же сон, будто баба Шура стоит возле калитки и ладошкой машет ему, словно подзывает, чтобы поторопился, а сама улыбается и вся светлая-светлая. Родители не снились. Ни разу. Потому что не помнил их. Так, какие-то образы мелькали и все. И деда Василия не видел, только на фотографии. А баба Шура всегда во сне приходила. Наверное, успевал соскучиться за день. А она жалела его, все расстраивалась, как он будет жить с птичьими мозгами, если ни к чему не приспособлен. Все дожидалась, что старшая дочка приедет. Надеялась, что Алешку к себе заберет. И не дождалась. Померла. Тихо ушла, незаметно...

Осень на дворе. Пусть солнце не такое яркое и теплое, а все же согревает, но ветер прохладный. В теньке сидишь, как задует, аж сразу начинает знобить. Осень, ничего не поделаешь... Вон дедка Ефим выбрался из дома, не стал на крыльце сидеть, а на лавочку подался, где солнца побольше. На улицу вышел, чтобы с баб Шурой попрощаться, в последний путь проводить, а потом на лавочке старые кости погреть, покуда солнышко теплое. Сидит в зимнем пальто с потертым и облезшим воротником, в шапке, очки на кончик крупного носа сползли, а он не поправляет. Видать, пригнулся и уснул, притулившись к забору. Сидит старик, посыпыхивает...

Алешка вздохнул и, приложив ладонь к глазам, всмотрелся вдаль. Там желтел густой лес, а опушка покрылась пятнами: где-то зеленые мелькают, в других местах пожухлая трава, а там чернью отдает. Издалека донесся птичий гомон. Алешка задрал голову, взглянул вверх и не удержался. Вскочил и завертелся на одном месте, размахивая руками, словно крыльями, а сам засвистел, будто с птицами разговаривал и так тоскливо, так больно, словно жаловался, что баб Шура померла, что один остался... Птицы закружились над головой, загомонили, точно за собой звали, а потом скрылись за лесом. Следом за ними потянулась огромная стая. Вон, полнеба закрыли. Гомонят и гомонят... В осенние дни Алешка места себе не находил. Закружат птицы над головой, и тут же словно душу в кулак сжимают. Непонятная тревога охватывала, тоскливо становилось на душе, как-то неуютно, но в то же время был необъяснимый восторг, и ему хотелось разбежаться, вытянуться в струнку, взмахнуть руками, закричать громко и протяжно, взлететь над деревней и помчаться вслед за птицами...

— Алешка, ну-ка, прекрати! — крикнула баба Шура и нахмурилась, когда впервые заметила, что он, раскинув руки, мечется на краю высокого обрыва, а над головой кружилась стая птиц.— Отойди от края. Упадешь. Костей не соберешь. Уйди, пока не отлупила! Весь в деда уродился. Таким же был — мозги набекрень. Узнала про это, да поздно. Замуж выдали, а потом сказали, будто у моего Васьки с головой не в порядке. Вся деревня потешалась, когда он в птицу превращался,— и опять закричала, намахнувшись тряпкой.— Ну-ка, хватит кружиться, живо по заднице надаю. Кыш, кыш отсюда! Ишь, разлетались! Мало, один пропал, так еще и внука за собой тащите. Летите отсюда, летите,— и тут же повернулась к Алешке.— Твой дед Василий начинал чудить, когда осень наступала, и птицы в стаи собирались. Он следом за ними рвался. Говорил, что душа мается, места не может найти. Встанет посередине улицы, задерет бошку и смотрит в небо, где птицы кружат, а сам квохчет, вскрикивает, словно с ними разговаривает. И птицы ниже опускались, тоже криком исходили. Столько было, что белый свет застилала. А твой дед Василий раскинет руки в стороны и начинает кружиться и хлопает себя по бокам, хлопает, словно крыльями, а потом взмахнет руками, тоненько вскрикнет, словно прощается с ними, и птицы выше поднимались, еще кружочек делали над двором и улетали. А дед усядется посередине

дороги и с тоской глядит вслед. И так до следующей стаи. И так, пока последние птицы не улетят... А потом дед Василий пропал. Вышел на двор. Все на крыльчке курил и прислушивался, как птицы летели. Я выглянула — он кружится по улице, руками машет. Позвала, а он не слышит, на небо смотрит, и отовсюду птицы кричали, словно за собой звали. И так мне тоскливо стало на душе, аж в груди защемило. Вышла на двор, гляжу, на крыльчке папироски лежат, спички, а деда Василия нет. Думала, может к кому-нить подался. Все ждала, что вернется, ан нет, так и пропал, и до сей поры не могут найти. Может птицы забрали с собой, а может рассудок потерял и теперь лежит в какой-нить больнице с решетками и даже имени своего не помнит. Никто не знает, где он, и я — тоже...

И баба Шура посмотрела на темное небо...

Алешка поднялся. Потоптался на крыльчке и с неохотой зашлепал в избу. Сегодня снесли на мазарки бабу Шуру. Она лежала, как принято, три дня в избе, и каждый раз, когда свечи догорали, кто-то из старушек, что сидели возле гробика, неслышно поднимались и меняли свечи, зажигая новые, и опять присаживались на лавку, горестно покачивая головой. Это дядька Кондратий смастерил гробик. Небольшой. Легонький, как сама бабка Шура. Алешка хотел помочь ему, но дядька Кондратий прогнал. Велел возле двора сидеть и никуда не уходить. Соседки приходили, обмыли, переодели в смертную одежду, какую Алешка вытащил из старого сундука — это давным-давно бабка Шура показала и велела, ежели она представится, отдать соседям, а они разберутся, что к чему. Так и получилось...

Бабка Шура тихо, неприметно прожила свою жизнь. И ушла так же тихо. Правда, последние дни твердила, как же Алешка останется один. Он же не знает эту жизнь, не приспособлен к ней, потому что у него своя жизнь, более понятная для него, где чужим не место. Ему легче с птицами разговаривать и, как казалось, они понимали его, чем быть с людьми, которые его прогоняли и смеялись над ним — убогоньким. А если баба Шура помрет, тогда Алешка может пропасть без нее, как когда-то исчез дед Василий. Вон уже птицы кружат над двором — его высматривают, как бы с собой не забрали. И тыкала пальцем в потолок. Расстраивалась. И в последний день, ближе к вечеру, все возле Алешки ходила и печалилась, что один останется на белом свете и норовила дотронуться до него, по плечу или голове погладить, а он отдергивался и хмурился. Не нравилось, словно маленького гладит, а он же большой. За окном темно было, когда они собрались спать. Бабка Шура долго сидела на кровати, глядела на него, что-то шептала, а может, молилась, а потом перекрестила его, спящего, и задернула занавеску.

Алешка проснулся утром, в доме тишина, лишь ходики отсчитывали секунды, и запоздалая муха сонно колотилась в окне, а потом притихла. Он поднялся. Вышел на улицу, постоял на крыльце. Не слышно бабки Шуры, зато птицы кружились над двором. На него пикировали и опять взмывали, а на их месте другие появлялись и снова взлетали, а сами криком исходили, словно что-то рассказывали. Алешка встрепенулся, опять появился какой-то непонятный восторг. Хотелось спуститься во двор, взмахнуть руками, словно крыльями, закричать протяжно и... И следом навалилась тоска, словно к земле придавила, аж дышать тяжело стало. Он оглянулся. Куры бросились к нему, думали, корм насыплет, а он нахмурился, опять взглянул на небо, махнул рукой птицам, чтобы прочь летели, и скрылся в избе. Зашел в горницу. Отдернул занавеску, где стояла кровать бабы Шуры, и уселся на табуретку, что рядом стояла. Казалось, баба Шура спит. Морщинистые руки на груди сложены, а лицо какое-то светлое и спокойное, а по щеке муха ползала, а она лежала и не прогоняла ее. Алешка посидел возле кровати, несколько раз окликнул бабу Шуру, потом дотронулся до руки и отдернул. Холодная она — рука-то...

— Баб, вставай, баб,— забубнил Алешка и снова дотронулся.— Почему лежишь, а? Дай хлеба...

Но баба Шура не шевелилась.

Алешка опять завздыхал, закрутил лохматой головой, не зная, что делать, поддернул одеяло, прикрывая бабу Шуру, опасливо прикоснулся к руке и опять отдернул, потом поднялся и поплелся к соседке, к тетке Зине, которая частенько его подкармливала, то яблочко совала, то пряник.

— Это... Теть...— он сунулся в дверь, и затоптался возле порога.— Это... Бабака не встает. Я кушать хочу.

И замолчал.

— Как не встает? Давно утро, а она... Да неужели померла,— она заметалась по избе.— Я ж вчера с ней говорила. Она все за тебя тревожилась, да старшую дочку ругала, что не приезжает, а потом взяла молочка, сказала, что кашку потомит в печи и ушла. Как же так, а?

И, прижимая руки ко рту, опять качнула головой.

— Она лежит,— пожимая плечами, повторил Алешка.— Я проснулся. Подошел, а она лежит. Холодная. Одеялку поправил. Бабака замерзла.

Сказал и зябко передернул плечами.

— Ой, божечка, беда пришла,— запричитала тетка Зина, рот платком прикрыла и закачала головой, а потом вздрогнула от окрика и засуетилась, повернулась к мужу, который сидел за столом.— Петь, а, Петька, накорми паренька. Чать маковой росинки во рту не было. Налей вчерашних щец. Вкусные — страсть! — она причмокнула, закачала головой, потом подтолкнула Алешку к столу, а сама подалась к дверям.— Петька, обойди мужиков. Пусть могилку копают. Проследи за ними. Я в правление сбегаю, начальству сообщу, потом бабок покличу и за монашкой зайду. А ты, Алешка, когда покушаешь, посиди на лавке. Не входи в избу-то, не путайся под ногами — не мужицкое дело покойницей заниматься. Сами управимся, а тебя покличем, когда понадобится.

Сказала и умчалась, хлопнув дверью.

Алешка изредка подходил к двери, стоял на веранде, прислушиваясь к тихим голосам, но войти не решался. Тетка Зина ругать начнет, ежели заметит. Заскрипела дверь. Вышел дядька Кондратий. Сунул в карман складной метр. Постоял, задумавшись. Потом коряво написал цифры на клочке бумаги, посмотрел на Алешку, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и, надвинув фуражку на глаза, заторопился со двора. Алешка подался следом за ним и вернулся, когда его прогнали. Постоял возле двора, посмотрел, как дядька Кондратий захромал, подтягивая ногу с протезом, и размахивал руками, когда оступался. Взглянул на занавешенные окна, а потом уселся на лавку возле забора. И стал ждать, когда его позовут. Он сидел, поглядывая по сторонам, смотрел на старух, которые заходили в избу, а некоторые так и норовили погладить по голове, как делала баба Шура, но Алешка отдергивал голову и хмурился. Не любил, когда его гладили, как маленького. Старухи уходили, а он продолжал сидеть. Услышав гомон птичьей стаи, Алешка поднимал голову и с тоской посматривал на птиц, которые проносились над головой. Поднимался и, размахивая руками, начинал кружиться на траве, криками подзывая птиц, и рассказывал им, что произошло, а они металась над головой, за собой звали. И Алешке хотелось разбежаться, взмахнуть руками и полететь вслед за птицами. Он бы полетел, да нельзя, как же бабу Шуру оставит одну-одинешеньку. Алешка встрепенулся и опять посмотрел на птиц. Баба Шура говорила, что птицы — это души людские. Его ругала, что с ними разговаривает, прочь гнала, а сама вслед ушла. Видать, правду говорила бабака, что души людские — это птицы...

— Врешь ты, бабака,— отмахнулся Алешка, когда она опять взялась ругать его, что кружился на краю высокого обрыва,— что птицы — это души. Птички маленькие, а люди вон какие большие. Обманываешь...

Сказал и тут же получил подзатыльник.

— Нельзя так говорить, ежели не знаешь,— баба Шура погрозила пальцем.— Ишь, умник-полоумник, выискался! Мне еще отец твоего деда Василия говорил, что души переселяются в птиц. Ага... Вот каким был человек в жизни, его душа в такую же птицу перебирается. И не спорь со мной, Алешка, потому что умишка в тебе — кот наплакал! Вот, к примеру, взять плохого человека. Как ты думаешь, в какую птицу попадет его душа, а? — и бабка, подбоченясь, взглянула на Алешку, который сидел и молчал.— Правильно думаешь — в плохую птицу. Если человек обманывал в жизни, воровал и на других вину перекладывал за дела содеянные, его душа окажется у кукушки или в сороку-воровку переселится. Что смеешься-то, злыдень! — и она опять намахнулась.— У черного человека, душегуба какого, душа попадет в ворону-падальщицу и будет до скончания веков дохлятиной всякой питаться. Ага... А ежели светлый человек был или, не дай Бог, ребеночек помер, а у них-то души всегда чистые, значит тому дорога к светлой птице.

— Ага...— недоверчиво протянул Алешка.— А куда дядька Еремей попадет, который все стучит и стучит большим молотком, аж страшно становится, когда к нему заглянешь. Как же он в птицу залезет? — он засмеялся, плечики затряслись, а потом затих, задумавшись, и опять сказал.— А наша деревня тоже в птичек заберется, а куда всякие артисты переселятся, которых по телеку показывают, а?

И Алешка опять засмеялся, прыгал с пятого на десятое, задавая вопросы.

— Ишь, разговорился! То слово из него не вытянешь, а тут не остановишь. Куда...— бабка Шура задумалась, а потом кивнула.— Дык это же... У души дядьки Еремея одна дорога — это птица, которая дятлом зовется. Ну, ты видел этих дятлов, когда в лес ходили. Вот и Еремей привык по наковальне стучать, а помрет, душа к дятлу отправится и опять-таки начнет своим делом заниматься, как при жизни. Деревня, говоришь... Мы же привыкли работать, каждый день землице-матушке в пояс кланяемся. Вот и получается, что переберемся в грачей. Ты видел грача. Такие важные весною ходят по полям. Тоже кланяются, корм добывают. Наши душеньки к ним отправятся, и опять начнем поклоны отбивать, как при жизни было. Что касаемо артистов...— бабка Шура поджала губы, нахмурила и без того морщинистый лоб, потом сказала.— Одни в соловьев перебираются, другие в дроздов, в общем, кто куда, а самые знаменитые и голосистые — эти в жаворонков. Ага... Ты, Алешка, не гляди, что жаворонок — птичка-невеличка, зато ее вон как с небес слышать. Звонит голосочек-то! И людям радость несет, и к Боженьке поближе. Поэтому и говорю, что у каждого человека своя птица, и у тебя — тоже. Ага...

И утвердительно ткнула пальцем в потолок.

— Баб, а где твоя птичка? — Алешка долго молчал, видать, старался понять, о чем говорила бабака, потом спросил.— А где она?

И задумчиво поглядел на сухонькую бабу Шуру.

— Моя-то? — усмехнулась баба Шура и поправила платок.— Я стану курочкой Рябой. Яички буду для тебя нести. Ты ж из избы не выйдешь, пока парочку не скушаешь, а с улицы возвратишься, с пяток можешь умять за один присест, а то и поболее и глазом не моргнешь. Наши курочки не успевают нестись для тебя. Хочу или не хочу, а придется в несущку превращаться, чтобы ты с голодухи не помер.

И тоненько засмеялась.

Вслед за ней рассмеялся Алешка, представляя баб Шуру несущкой...

Сегодня снесли бабу Шуру на мазарки. Остался лишь небольшой холмик и неук-

люжий крест, да еще веночек и маленькие букетики ярких осенних цветов. Видать, в школьном саду сорвали. Соседки пришли проводить в последний путь бабу Шуру. Поплакали возле могилки, когда ее опускали, а Алешка стоял, смотрел на нее, а потом задира л голову, чтобы взглянуть на стаи птиц, и ему хотелось взмахнуть руками, взлететь и помчаться вслед за ними. С кладбища все отправились в дом бабы Шуры. Тетка Зина с бабками щи сварила и лапшу, кто-то кутью приготовил, а баба Вера кашу принесла. Откуда-то пироги на столе появились. Все сделали соседи, чтобы проводить бабу Шуру и помянуть ее. Недолго сидели за столом. Мужики стопки подняли. Выпили. Алешка сидел в уголке. Сгорбился. Глядел, как поминали, как едва слышно разговаривали. Потом стали расходиться. Две соседки остались. Все убрали, помыли и тоже ушли.

— Алешка,— дверь распахнулась и появилась тетка Зина.— Слышь, никуда не уходи. Дома сиди или во двор выйди. Я все дела переделаю, а потом за тобой приду. Пока у нас побудешь. Может, твоя тетка придет. Телеграмму отбили. Ну, а не появится, тогда в интернате станешь жить. У себя не могу оставить. Извиняй!

Она развела руками, поправила платок и ушла.

Алешка остался один...

Он долго сидел и смотрел в щелку между ставнями, а потом не выдержал, вышел на улицу. Сегодня тепло. Алешка вздохнул. Взглянул на солнце и прислушался. Яркий день и тишина на улице. Казалось, все притихло в природе. Лишь березки золотом горят, а трава уж пожухла, прижалась к земле, прислонилась — зиму дожидается. Откуда-то донесся запах дыма. Видать, старую ботву сжигают на огородах. Туманом стелется дымка, скрывая округу. Тишина... Нет, издали донеслись крики птиц и сразу же душу сжало в кулак, тоска накатила, а вместе с ней непонятный восторг и, едва птицы показали в вышине, опять потянуло за ними и снова захотелось разбежаться, раскинуть руки, взлететь и помчаться вслед за птицами...

Алешка встрепенулся. Оглянулся на дом. Показалось, баба Шура позвала. Взглянул и тут же поник. А потом закутался в куртку и притих. Солнце яркое, дымка плывет по огородам, все призрачно до синевы, а здесь холодно. И птицы покоя не дают. Кружат и кружат над головой. Видать, за собой зовут. А может среди них и душа бабы Шуры. Алешка задрал голову, стараясь рассмотреть птиц. Вот одна пошла вниз и закружилась над двором, словно присесть хотела, а потом жалобно вскрикнула, и помчалась вслед за стаей...

Поднявшись, Алешка осмотрелся. Дед Ефим, что напротив живет, так и сидел возле двора. Видать, пригрелся. Хорошо ему. Задремал... Алешка зашел домой. Тишина в доме. Все звуки с улицы приглушены закрытыми ставнями. Тик-так, тик-так — качается маятник на старых часах, что висели в горнице. Алешке, как казалось, часы всегда здесь висели. Старые. Циферблат уж давно облез да потемнел и цифр на нем не видно, а маятник продолжает качаться, отсчитывая секунды жизни: тик-так, тик-так, тик... Алешке нравилось смотреть на маятник. Усядется возле стола, смотрит на него, прислушивается к звукам, и сам качается как маятник. И так сидел до тех пор, пока баба Шура не прогоняла его. А сегодня бабу Шуру закопали, а часы все тикают и тикают, отсчитывая секунды. И сколько они еще будут работать — никто не знает и Алешка — тоже...

Он стоял в дверях горницы, но не проходил. В горнице темно. Лишь редкие лучики солнца пробивались через закрытые ставни. Густой запах воска, тлена, каких-то трав и тянет лекарством. Зеркало завешено, на телевизоре накидка, окна закрыты. Пусто в доме. Лишь на стенах несколько фотографий в рамках и все. Да еще кошка промелькнула, припав к полу, и исчезла на кухоньке, скрывшись на печке. Под полом заскреблась мышь и тут же пробежала кошка. Неслышно скользнула по горнице и

опять скрылась. Алешка медленно подошел к фотографиям. Баба Шура говорила, что это отец и мать, а Алешка не помнил родителей. Так, что-то мелькало в голове и тут же исчезало. Он взглянул на фотографию. Отец хмуро и напряженно смотрел перед собой, а мать наоборот, улыбалась. А сегодня бабу Шуру закопали. Нет, ее душа с птицами улетела...

Алешка вышел из горницы. Потоптался на маленькой кухоньке и присел в уголок, где всегда сидел, и прислонился к обшарпанной стене. Опять мелькнула кошка. Муркнула, а потом притихла. Видать, тоже чует, что одни остались. Он скрипнул табуреткой. Взглянул на окно, закрытое ставнями. Сквозь узкую щель пробиваются последние лучи солнца...

Тихо в доме. Изредка осенняя муха зажужжит, забьется и притихнет. С улицы донеслось мычание коров — это стадо под окнами прошло, а вскоре затихло вдалеке, лишь редкий раз в проулках блеяли овечки, отбившись от стада. Взаивали собаки лениво так, словно напоминали, что службу свою несут, хозяйское добро стерегут. Протарахтел мотоцикл. Видать, кто-то поехал кататься. Молодежь собиралась в березовой рощице, что стояла на взгорке над рекой. Там собирались. Сидели до первых петухов, ребята показывали свою удаль, гоняя на мотоциклах, а те, кто постарше, парами расходились вдоль речки, находили укромные места и сидели до рассвета...

Он долго сидел на крыльце, дожидаясь, когда тетка Зина придет. Потом прислушался. Со стороны обрыва донесся птичий гомон. Алешка затоптался. Тоскливо стало на душе, и в то же время появился непонятный восторг. И Алешка не удержался. Неуклюже побежал по меже между огородами. Он бежал, размахивая руками, словно крыльями. В сумерках казалось, будто летит. Алешка выскочил на обрыв и закружился, раскинув руки. Защелкал, засвистел, птиц подзывая, потом взглянул ввысь, а небо над ним: яркое, темно-синее и бездонное. Опять восторг и захотелось взлететь. Он вытянулся в струнку, взмахнул руками и с обрыва шагнул в небо. Шагнул и закричал: громко, восторженно, и замахал руками, словно крыльями, и полетел. Он летел над деревней, над лесами и полями, над реками и озерами и отовсюду к нему присоединялись такие же люди-птицы, чьи души в птиц превратились, и они стали подниматься все выше и выше в синь небесную, навстречу солнцу, и вокруг него был яркий и теплый свет...

А над деревней опустилась ночь...

Николай Макаров
(г. Тула)

СПЕЦПРОПАГАНДИСТ

Наши постоянный автор, член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Бурцев Владимир Ефимович
родился 25.08.1955
во Львове Украинской ССР*

В моем представлении военная профессия спецпропагандиста ассоциировалась с эпизодом из кинофильма «В зоне особого внимания», когда в усмерть уставшим, голодным, промокшим до нитки десантникам через мощные «матюгальники» предлагают всевозможные «какаво с кофем» и другие блага цивилизации взамен на статус «Павликов Морозовых» или, что, практически, одно и то же, на статус «Мальчишей-Плохишей».

Бурцев смеется.

Авторское отступление.

Владимир Бурцев, гвардии подполковник в отставке — мой давнишний, если и не близкий приятель, то давнишний хороший знакомый Володька Бурцев, с которым неоднократно участвовали во всевозможных мероприятиях и переделках — в 1979 году окончил Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище. С августа 1979 по 1983 год — начальник клуба в отдельном полку связи, что в Медвежьих Озерах. С 1983 по январь 1988 года, с сентября 1989 по январь 1999 года и с 2000 по 13 апреля 2001 года (дата увольнения из рядов Российской Армии) проходил службу на различных должностях в частях 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

За год и три месяца пребывания в Афганистане Бурцев был награжден орденом Красной Звезды и орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. Вот тебе — и спецпропаганда, вот тебе — и спецпропагандист 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.

— Награды за мою, — Владимир на секунду задумывается, подбирая нужные слова, — за мою работу, вернее, за мой труд, военный труд.

Я бы еще добавил — за тяжелый, на грани фолла, запредельный труд военного спецпропагандиста. Из рассказов Бурцева я быстро уяснил, что его профессия очень и даже, слишком очень отличается от моего представления, полученного после просмотра вышеуказанного кинофильма.

Представьте себе, что нашим войскам для выполнения боевой задачи нужно совершить рейд по территории, контролируемой вроде бы нейтральными моджахедами. Да, сегодня они проявляют, якобы, лояльность к советским войскам, а — завтра? А завтра (восток-то — дело тонкое, Петруха, не зря говаривал товарищ Сухов) от этих самых «духов» можно ждать любую подлянку. И, чтобы не случилось этой самой подлянки, спецпропагандист Бурцев накануне операции встречался со старейшинами селений, с командирами отрядов, договариваясь о временном перемирии, о нейтралитете. Все семь раз — каждый случай Владимир помнит до мельчайших подробностей — подобных «мероприятий», когда нашим войскам Бурцев обеспечивал «зеленую улицу», ни одной осечки, ни одного «экса» не происходило.

— Другие войска,— Бурцев под «другими» войсками подразумевает не десантуру,— не пользовались таким авторитетом у противника и, порой, попадали в переделки. На наши условия на таких встречах старейшины и командиры соглашались не задумываясь — знали не понаслышке, что десант всегда держит слово.

Кроме этих семи, можно сказать масштабных переговоров, он бесчисленное количество раз участвовал в переговорах, как сам отмечает, «не отходя от КПП», в близлежащей «зеленке», получая нужную информацию от «засланных казачков». В той самой «зеленке», в которой двоих солдат — среди врагов не разевай «дувало» — захватили в плен «духи».

— Через трое суток вернули в целостности и сохранности,— поясняет Бурцев.— Вернули, естественно, не задаром — пришлось немало поработать с местным населением и в конечном итоге выставить «на кон» семь мешков гречки и ящик ручных гранат. А куда денешься-то — жизнь наших солдат дороже.

Авторское отступление.

На задания Бурцев обычно ходил с переводчиком, хотя до Афганистана целый год в специальном учебном заведении до умопомрачения денно и нощно изучал, учил, зубрил (как кому нравится) язык ДАРИ. Попутно штудирова военно-политическую географию, религию, обычаи, экономику и т. д., и т. п. Афганистана и сопредельных стран. А переводчик был нужен для того, чтобы помогать разобраться в местных диалектах и других нюансах чужого языка.

В феврале 1989 года 345-й полк вывели в Кировабад, а в апреле полк в составе других сил был срочно переброшен для тушения «пожара» в Тбилиси.

— Чего только не наговаривали на нас эти «храбрые портняжки из Тбилисо».— Бурцев ехидно улыбается.— Надо же, «солдат-десантник гнался с саперной лопаткой за старушкой три километра». Это заявление равносильно, а может даже и круче, жеванию галстука известным лицом. С самого начала я был с солдатами в самой гуще событий — да, дай нам команду «Фас!» и никого бы рядом не стояло без всяких там лопаток.

Своим третьим орденом — орденом «За личное мужество» — Бурцев был награжден за участие в миротворческой миссии в Северной Осетии в конце 1993 года. Занимая должность то ли психолога, то ли еще какую-то по работе с личным составом в 51-ом полку, он спешно был вызван заместителем командира дивизии гвардии полковником Савиловым в штаб дивизии (как будто в штабе не было своих «политработников» — пруд пруди) для усиления группы управления сводным полком, убывающего на Северный Кавказ.

— С Чечней тогда еще не было конфликта, но однажды на границе Ингушетии и Чечни дудаевцы захватили нашего офицера и группу солдат. Не дожидаясь приказа — в этом подразделении я был старший политработник (так еще нас тогда называли) — я побежал с полотенцем, вроде как с белым флагом парламентария в распоряжение дудаевцев. Надо сказать, что их командира я прекрасно знал — наши подраз-

деления стояли по обе стороны границы, и мы часто с ним переговаривались «за жизнь». Подхожу к нему с полотенцем на плече и с глубоко засунутыми в карманы брюк руками и выпаливаю: «Только не тронь моих рук — в них гранаты с выдернутой чекой». Он ошалело уставился на меня и произносит: «Ты, мол, что — дурак?». Так и просидел четыре часа с руками в карманах с ним за столом, пока не привели захваченных. Всех отдали, но автоматы присвоили себе. И на том — спасибо. Но руки затекли ужасно — как раки вареные стали. Да, после этого моего самоуправства я от Савилова — царство ему Небесное — получил жутчайший нагоняй. Тем не менее, он и подписывал мне наградной лист.

Четвертый орден — орден «Мужества» — за Чечню, за первую Чеченскую войну в начале 1995 года.

— За Югославию еще имеется НАТОвская медаль.— Подводит черту нашему разговору мой давнишний приятель Володька Бурцев.— Ну, само собой разумеющееся, всякие юбилейные и все три «песочные» медали.

